

Николь Рейш

*Она часто думает о нём, а он так старается
её забыть.*

Моё
БУМАЖНОЕ
Счастье

Серия "Помни". Книга 1

2014

Обычная встреча с другом обернулась для Эмили Бейли полной катастрофой, которая изменила ее взгляды на жизнь. Перед смертью друг передает ей медальон, за которым ведут вековую гонку все силы добра и зла. И даже не смотря на то, что на защиту Эмс становятся братья Уорнеры, ее жизнь оказывается под угрозой. Уорнеры — падшие ангелы, отчаянно желающие вернуть себе крылья и для этого им нужна помощь Эмили. Смерть идет за девушкой по пятам. И в очередной раз, когда кажется, что выхода нет, её жизнь спасает обворожительный незнакомец, который переворачивает её мир с ног на голову. Кайл — ангел, которого отправили спасти Эмили и помешать Уорнерам вернуться в Эдем. Ему новы все человеческие чувства, но попав в мир людей, он начинает смотреть на свою жизнь по-новому. Чувства, которые Эмили испытывает к нему, пугают его. Но соблазн ответить на них настолько велик, что угроза «потерять» крылья кажется незначительной.

Н и к о л ь Р е й ш

Серия «Молнии».

Книга 1:

Моё Бумажное Счастье

Мое бумажное счастье

*Уж если ты разлюбишь — так теперь,
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре.
Будь самой горькой из моих потерь,
Но только не последней каплей горя!*

*И если скорбь дано мне превозмочь,
Не наноси удара из засады.
Пусть бурная не разрешится ночь*

Дождливым утром — утром без отрады.

*Оставь меня, но не в последний миг,
Когда от мелких бед я ослабею.
Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг,
Что это горе всех невзгод больнее,*

*Что нет невзгод, а есть одна беда —
Твоей любви лишиться навсегда.*

Уильям Шекспир

Пролог

Моя жизнь яркая, а ночи тёмные и одинокие...

СЕЙЧАС

Моё тело ватное. Во рту пересохло. В нос ударяет сильный запах сырости. Голова раскалывается. Я пытаюсь открыть глаза, но мои веки тяжелые, словно налиты свинцом. Собрал всю свою силу, я открываю глаза, но от этого, никакой пользы, меня окружает чернота.

Мысли понемногу прояснятся, и я вспоминаю Алекса и то, как его кровь растекалась по зеленому газону. Если его не найдут, то он умрет от потери крови. Еще одна смерть по моей вине. Плюс один труп на моем личном кладбище.

Но единственное, что заботит меня на данный момент это то, что меня похитили.

Я не могу пошевелиться. Мои руки и ноги привязаны. Лицо начинает чесаться, и я наконец-то ощущаю повязку на глазах, мешающую мне видеть. Страшно до жути, я стараюсь, не шевелится, прислушиваясь к звукам в помещении, но слышу лишь, как где-то капает вода, словно отсчитывая последние минуты моей жизни.

Тяжелая дверь со скрипом отворилась, от ужаса, каждый волосок на моем теле встает дыбом.

— Ну, привет не уловимая птичка, — сказал мужчина невыносимо противным голосом, от которого кровь в моих жилах застыла. Я однозначно слышала этот голос, только вот где? Повязку с моих глаз сняли, и мир вокруг превратился в размазанное пятно. — Ты изрядно заставила нас погоняться за тобой.

— Кто вы? — Голос дрожит, выдавая ужас наполняющий меня. — Что вам нужно?

— Не прикидывайся дурочкой, ты прекрасно знаешь, что нам нужно, — послышался второй голос.

— Я клянусь, что понятия не имею, что вам нужно, — слезы подступают к глазам, но я не должна плакать. Я не доставлю им такого удовольствия. Не дождутся.

— Дарк, по-моему, этой сучке надо освежить память...

Дарк?! Я знаю это имя, я слышала его, но где? Откуда я его... Зак. Это он убил Зака.

Волна ужаса пополам с гневом накатила на меня. Эти люди убили моего друга. Перед моими глазами до сих пор стоит его полностью обезображенный образ с пустыми, безжизненными глазами. Они и меня убьют. Я уже не жилец, раз попала в их цепкие лапы.

— Ну, ты уже готова рассказать мне, где он? — Спросил Люк, явно получая удовольствие от процесса.

— Катись к черту, ублюдок, — выплюнула я.

— Как я ждал этих слов, — рассмеявшись, он со всей силы ударил меня в живот. Стул покачнулся и со всего маха перевернулся вместе со мной, голова с глухим стуком ударилась о каменный пол. Могу поклясться, что слышала треск. Меня охватила не просто боль, а агония. Из моего горла вырвался душераздирающий крик. Что-то липкое и горячее расплзлось по полу, заливаясь мне под шею. Я почувствовала ели уловимый металлический запах в воздухе. Кровь...

Боль была настолько сильной, что перед моими глазами все поплыло, мысли спутались, и я начала терять сознание. Последнее, что я услышала это вой сирен, а затем тяжелая входная дверь слетела с петель.

Кто-то зашел в комнату.

А дальше я провалилась в пустоту....

Глава 1

ТОГДА

Март...

Стояла необычайно теплая весна. Конец марта. Парки были заняты влюбленными парочками, уютно устроившимися на пледах, что еще больше меня раздражало. И вот надо же было, такому случится, что из всех знакомых парней меня угораздило влюбиться в самого самовлюбленного парня в мире, да к тому же еще и не свободного. Зак уже два года встречается с Лидией. Даже я признаю, что она чертовски красивая. Куда же мне до длинноногой Барби, ее большими, как у коровы глазами (которыми она без конца хлопает) и губами, похожими на розовый леденец?

В моей внешности нет ничего выдающегося. Заурядная — вот бы как я себя описала. Маленькая, худенькая, невысокая. Если бы не большие голубые глаза и длинные светлые волосы я бы просто смешивалась с толпой людей, превращаясь в обычную серую массу.

Моя мама всегда говорила, что это не так. Но разве можно верить маме? Для нее я даже с двумя передними зубами и лицом, перепачканным картофельным пюре выглядела очаровательно. Меня до сих пор выворачивает наизнанку при виде детских фотографий. Она же смотря на них, всегда умилялась и улюлюкала.

Солнце светит мне в глаза, а теплый ветер пробирается прямо под кожаную куртку, словно подразнивая и смеясь над тем, как не умело я оделась, не по погоде. Стянув с шеи свой любимый шарф, я долго думала, куда же его деть, но в итоге повязала на ремень не большой сумочки всящей через плечо.

Мой кофе уже практически остыл. И я выкидываю стакан в урну возле скамьи.

— Где же ее носит? — В сотый раз бубню себе под нос, нервно постукивая каблуком по асфальту. — Ну, хоть бы раз не опоздала, для приличия.

Моя подруга Эстер, как всегда спешила ко мне на выручку в минуты моей грусти. Постоянно придумывая что-то новое. Сегодня ей приспичило пойти в торговый центр за покупками, а потом по плану у нас обед в любимом кафе.

Эстер всегда опаздывала. Как бы она не старалась быть пунктуальной у неё это никогда не выходило. Но сегодня, подруга побила собственный рекорд опоздания, я жду её уже

полчаса. И чем дольше я ждала, тем безнадежнее становилась.

— Боже, я как ворчливая старуха.

Я уже собралась уходить, как в поле моего зрения показалась знакомая макушка. Вот она, несется на всех парах. Пальто нараспашку, глаза огромные, пар из ушей валит, того и гляди закипит, как чайник.

— Прежде чем ты попытаешься меня убить, выслушай. У меня все это в голове не укладывается, — выпалила на одном дыхании подруга. — Эта маленькая заноза, спрятала все мои кредитки. Да я её чуть не придушила. Пришлось оторвать кукле руки, чтобы расколоть Иви, она закатила истерику. За то я вернула пропажу, хоть и получу сегодня от мамы по первое число. — Когда дело доходило до кредиток, Эстер была неуправляемая.

— Да ты чудовище, — я разразилась хохотом. Моей злости, как не бывало. Когда моя любимая подружка в ярости, нет картины смешнее. Она как хомячок-ниндзя.

Эстер поймала свое отражение в витрине магазина и побледнела, — это вот такая я бежала по улице? — Она указала пальцем на свое отражение, а затем ловко пробежала тонкими пальчиками по волосам и пару раз ущипнула себя за щечки, и они сразу порозовели. — Как это еще прохожие меня святой водой не окатили, ну точная фурия. Психушка на выезде.

Она стала приводить себя в порядок, поправляя все, что растрепалось на бегу. Ростом Эстер чуть выше меня и я ни разу в жизни (а мы знакомы с самого раннего детства) не видела ее в кроссовках. Такое чувство, что подруга даже спит в туфлях. Фигура у нее как у мальчишки, невероятно худенькая, как тростинка. Что вызывает у меня зависть раз за разом. Густые, темно-каштановые волосы Эстер, как всегда уложены крупными локонами и обрамляют ее милое лицо в форме сердечка. Сине-зеленые глаза, напоминающие хвойный лес, украшены пышными ресницами. Вздернутый носик и кожа оливкового цвета делаю ее похожей на лесного Эльфа.

Все кто на нее смотрел, не мог не отметить, насколько она красива и какой у нее отменный вкус. А у меня он напрочь отсутствовал. Ее второе имя Минерва, мама назвала ее так в честь какой-то прабабки. И теперь Эстер всячески его скрывает, а я не упускаю возможности подшутить над ней по поводу этого имени. Я даже придумала ей прозвище «Ми-Ми».

Каждый раз, наблюдая за ней, я понимаю, что мне безумно повезло с подругой. Не смотря на ее пылкий нрав и саркастичную натуру, она остается верным другом, доброй и отзывчивой девушкой с большим сердцем.

— И что у нас сегодня? — Поинтересовалась Эстер.

— Сегодня пока ничего. А вчера, — я запустила руку в карман своей куртки и выудила из него небольшой листок красного цвета. На нем красивым ровным почерком написана цитата: *«Я знаю, что могу вытерпеть свою боль, но не уверен, что смогу пережить, если больно будет тебе...»* © Джоди Пиколт. — Приторным голосом прочитала я, а в конце предложения и вовсе приложила свою руку к сердцу.

— Ну, и что это значит?

— Ох, Эстер, если бы я знала, — я беру ее под руку и веду в сторону торгового центра.

* * * * *

— Миссис Брит будет в шоке, когда это увидит, — я кивнула в сторону стула стоящего слева от меня, усыпанного горой пакетов Эстер. — Называется, пошла за платьем, а купила полмагазина. Ты шопоголик! — Не унимаясь, я и подшучивала над подругой, которая сидела

напротив меня и уплетала свой салат.

— Да, и ты ничего не можешь с этим поделать, ну только если ты не хочешь оплатить мои покупки, — ответила Ми-ми, улыбаясь от уха до уха. — За то мы теперь во всеоружии. Весна же, детка, пора ломать парням психику. — Эстер подмигнула мне, а потом вернула свое внимание салату.

— Слышал бы тебя твой парень, — прыснула я. — Он у тебя такими темпами поседеет к двадцати пяти. Слушай, забери, пожалуйста, к себе мои покупки.

— Без проблем, а ты куда собралась, детка?

— Пока ты «пудрила носик», — я изобразила в воздухе воображаемые кавычки. — Я встретила Зака.

— Ой, нет, ты серьезно? — Выражение ее лица резко переменялось, словно она увидела муху в супе. — Нигде от этого козла не спрячешься.

— Прекрати, я просто должна съездить с ним по делам. Знаешь, он купил Лидие подарок на день рождения, и попросил меня подержать его у себя. Чтобы она не нашла его раньше времени. А то плакал его сюрприз.

— А что за подарок хоть? Ты видела? — Я отрицательно покачала головой. — Блин, давай посмотрим? Я же умру от любопытства, если не увижу, что он ей купил.

— Эстер! Даже не думай об этом, — в ужасе сказала я. — Зак через десять минут, будет ждать меня на подземной стоянке. Ты же сама доберешься домой?

— Ой, да, точно, Томас должен заехать за мной с минуты на минуту. Официант, можно нам счет? — Уже чуть громче прошептала подруга.

Возле центрального входа в торговый центр, стояла старенькая тойота Тома, эта машина однозначно видела и лучшее время. Эстер терпеть ее не могла, но чтобы пощадить чувства любимого мужчины, деликатно умалчивала свои чувства, да и все лучше, чем нас своих двоих таскать многочисленные покупки. Сама Эстер машины не имела, так же как и прав, этот фат был решающей причиной, чтобы она не жаловалась на это старье.

— Ну, все, детка, будь там осторожнее. Представь, чтобы было, если бы наша Барби узнала, что ты была с её красавчиком. Она лишит тебя глаз и, наверное, волос, — ехидно улыбаясь, прошептала Эстер, а затем беззаботно чмокнула меня в щеку. — Позвони мне, когда будешь дома. Окей?

— Хорошего вечера Ми-ми, — я обняла подругу на прощание и помахала её парню, который уже сидел на месте водителя. Подружка впорхнула в машину, и Том со свистом рванул вперед на своей развалюшке. Я пару секунд еще стояла и смотрела им в след. Не знаю почему, но после разговора с Заком меня преследует такое странное чувство, словно я стаю на краю пропасти и вот-вот сделаю шаг вперед.

Я застегнула свою кожаную куртку, развернулась на каблуках и побрела обратно в торговый центр. Какого фига я вообще согласилась помогать ему с подарком для Лидии? Идиотка.

Я хочу её ненавидеть, но не могу. С Заком мы знакомы уже четыре года, а наши отношения дальше дружеских так и не зашли.

Больше двух лет назад, на вечеринке в честь Хэллоуина изрядно поднакотив спиртного, я собралась с духом, и уже было хотела признаться в том, что чувствую к нему, как вдруг, в дрова пьяный Зак, пустил слезу и давай меня обнимать да приговаривать: *«Какой же ты хороший друг. И понимаешь, как никто другой и всегда на выручку приходишь»*. Дальше было что-то еще, да только речь его стала сплошное мычание, и всхлипывание. А я

прикусила язык (в прямом смысле слова) и зареклась эту тему больше не поднимать.

После этого случая я не общалась с ним три месяца, в течение которых он и поднял себе красотку Лидию Лейн и с тех пор так и живем: я все так же люблю его, а он все так же тискается с ней. Я же говорила вам, что полная идиотка? Вот теперь вы в этом сами убедились.

Так, ругая себя, на чем свет стоит я и дошла до парковки. Большая, двухстворчатая, железная дверь была открыта. И я на всех парах влетела в неё, пытаюсь отключиться от мыслей. Переступив порог, я застываю на месте, как вкопанная. В миг все вокруг замирает, словно кто-то нажал кнопку паузы.

Моё сердце пропустило удар.

Впереди, у второго ряда машин спиной ко мне стоят четверо головорезов в масках, вооруженные по самые яйца. А перед ними, на коленях, с разбитым лицом стоит мой душка Зак. И прежде чем истеричный крик срывался с моих губ, кто-то хватает меня сзади, обвив одну руку вокруг талии, а другой, зажав мой рот.

Я смотрю через всю парковку в глаза Заку и понимаю, что живыми нам отсюда не выбраться.

Глава 2

Меня словно парализовало. Я не могу пошевелить ни одной частью тела. Мои глаза закрылись, и я не в силах заставить их открыться. Уши заложило, я не слышу ничего, кроме своего в ужасе бьющегося сердца.

Сквозь пелену страха я понимаю, что тащат меня в совершенно другую сторону. За колонны, в сторону автомойки.

За талию меня больше не держат, я прижата спиной к холодной, шершавой стене, но огромная рука по-прежнему зажимает мой рот. Я распахиваю глаза.

Первое, что я вижу перед собой это глаза. Холодные, странного серо-голубого оттенка, словно небо перед грозой. Если бы кто-то спросил у меня, как выглядят глаза серийного убийцы, именно такими я бы их и описала.

Незнакомец настолько красив, что я бы без сомнения приняла его за модель с обложки известного журнала. Его черные, словно вороново крыло волосы слегка выглядывают из-под капюшона толстовки. Легкая щетина, еще больше украшает это совершенное, мужественное лицо квадратной формы с густыми, черными бровями и высокими, острыми скулами.

Мужчина что-то мне шепчет, но из-за звона в ушах я не могу разобрать.

— Дыши, девочка, дыши, — слышу я хриловатый, бархатный голос. — Все в порядке, я ничего тебе не сделаю, просто дыши.

Я вдыхаю через нос прохладный воздух, наполненный мужским парфюмом, который, по-видимому, стоит дороже моего раза так в четыре. Голова начинает проясняться, но бешеный ритм сердца я не могу усмирить.

— Я не успел ему помочь. Их слишком много и они вооружены, — продолжал шептать незнакомец. — Я могу тебя отпустить? — Он посмотрел мне в глаза, оценивая мою вменяемость. Я лишь слегка кивнула головой. И его рука тут же отлепилась от моего рта, и я смогла набрать полные легкие воздуха.

— Они убьют его, да? — Ели слышно сказала я, ни столько спрашивая его, сколько подтверждая этот факт. — Боже, они его сейчас убьют.

Я старалась делать глубокие вдохи и считать про себя, чтобы хоть как-то убрать приступ

паники.

— Кто они? Сейчас же день, кто убивает среди бела дня на стоянке торгового центра? И где все охранники? Что нужно этим... от Зака? — Вопросы все лились и лились из меня рекой, и я не могла себя остановить, пока омбал не захлопнул мой рот своей здоровенной рукой.

— Ты знаешь, того парня? — В недоумении спросил у меня голубоглазый. И я лишь кивнула, вытаращив на него глаза. — У него есть одна очень старинная вещь, за которой эти люди охотятся. Понятия не имею, как она к нему попала. Много лет о ней никто не слышал.

Меня словно водой холодной окатило. И тут до меня дошел их разговор.

— У него нет медальона, видно кто-то нас опередил, Дарк, — забасил голос по парковке.

— Не врет, сукин сын, а я уж грешным делом подумал, что он решил в храбреца поиграть. Разберись с ним, — скомандовал головорез, приказным тоном.

Через несколько секунд послушались приглушенные выстрелы пистолетов, топот ног и стремительный, уносящийся вдаль, визг шин. Убийцы скрылись за углом парковки.

Дальше было все как в тумане.

Я со всех ног понеслась за угол, где минутами ранее видела Зака. Он лежал на полу в луже крови, но все еще дышал. На ватных ногах я подошла к нему, опустилась на колени. Слезы хлынули сами собой.

— О, милый, мне так жаль, — бормотала я сквозь слезы, обхватив руками его бледное лицо. — Пожалуйста, держись! Позвони в скорую помощь. Зак, ты слышишь меня? Ты не имеешь права умирать...

Волна ужаса накатывает на меня словно сошедшая лавина, а руки трясутся, как у припадочной. Зак что-то шепчет, но я не слышу.

Наклонившись прямо к его бледным губам, я пытаюсь разобрать слова, но не осознаю их смысл.

Он замолчал, его глаза стали такими бездонными и пронзительными, словно он смотрел глубоко в меня, прямо в мою душу. Мало-помалу, но слова, сказанные Заком, начали обретать смысл: «*Эмили, береги медальон. Никому его не отдавай. Он...*». Зак не успел договорить. Его сердце остановилось.

Меня рывком подняли на ноги. Слезы еще сильнее побежали по моим щекам. Незнакомец начал мне что-то объяснять, но я его не слушала. Я продолжала смотреть на бледное, мертвое лицо своего любимого.

Мои ноги подкосились, я полетела вниз. Последним, что я увидела, были смотрящие в никуда глаза Зака, а дальше была темнота.

Глава 3

Такое чувство, словно я нахожусь глубоко под водой, до меня будто эхом доносятся обрывки музыки. Тела своего я не чувствую, неужели меня парализовало от страха? А может я вообще умерла?

От испуга голова сразу прояснилась, руки-ноги отыскались, глаза распахнулись, и я обнаружила себя на заднем сидении автомобиля. Дорогущего автомобиля.

— Что? Куда?! Куда ты меня везешь? — Я с криками подскочила, от ужаса волосы просто дыбом встали. Мало того, что на моих глазах убили не безразличного мне человека, так еще и везут в непонятном направлении. Я понимаю, что он спас мне жизнь, но это не

дает ему, никакого права увозить меня куда-либо без моего согласия.

— Эй! Я с кем разговариваю? — Машина свернула к обочине, и я чуть ли не на ходу вылетела из автомобиля, понимая, что мы до сих пор находимся в черте города. Парень вышел следом за мной.

— Эй, девочка, не горячись, — Ошарашено заговорил парень, подходя ко мне. — Ты шлепнулась в обморок, что мне еще оставалось делать? Бросить тебя рядом с трупом?

— Это не труп! — Орала я. — Это мой друг!

Еще чуть-чуть и я ему врежу, ей Богу врежу. Хотя с таким громилой, как мой новый знакомый лучше не связываться. Парень легкой пощечиной может на два года отправить в кому.

— Боже, прости. Я не хотел, — Он нервно потер шею. — Давай, я просто отвезу тебя домой, хорошо?

Разговаривает он со мной таким голосом, словно я слетевшая с катушек баба, того и гляди наброшусь на него и выколю глаза.

— Нет уж, — рывкнула я, и хотела было уже уходить, как сама не знаю, почему спросила: — Ты же знаешь, почему они его убили, да? — Он лишь кивнул, с сочувствием в глазах. — Так расскажи мне, я должна знать.

Незнакомец помялся пару секунд, видно взвешивал все за и против, сомневаясь, стоит мне рассказывать или нет, видно он что-то прочел по моим глазам, раз тяжело выдохнул, махнул рукой в сторону пассажирского сидения, а сам плюхнулся на место водителя, не дожидаясь моего ответа. Я побрела к двери.

— Неплохо было бы выпить чего-нибудь и желательно покрепче, — пробубнила я, пристегивая ремень безопасности. Мой очередной пунктик по поводу езды в автомобилях. До тех пор, пока цепкая, черная лента не прижмет меня к сидению, меня съедает чувство тревоги, которая вскоре перерастает в паническую атаку. — Может хоть колотить перестанет.

Видно моя идея ему понравилась, так как через пару минут мы уже остановились у бара «Фисташка».

— Кстати, меня зовут Мил, — Наконец-то заговорил парень, вынимая ключи из зажигания.

— Эмили, — ответила я и вышла из машины.

Мы выбрали столик в дальнем углу бара. Я понятия не имею, что Мил нам заказал, такое чувство, что раскаленную лаву, но уже через пару глотков мне стало лучше. Мил не смотрел на меня, все его внимание было приковано к стакану в его руках, который он то и дело нервно прокручивал то вправо, то влево.

— Пару дней назад, пошел слух, что какой-то парнишка нашел медальон Эдема. Медальон пропал много, очень много лет назад. Но вычислить его, никому не удавалось. — Он немного помолчал. — До сегодняшнего дня, разумеется.

Меня всю передернуло, словно волна мурашек пробежала от кончиков пальцев до самой макушки.

— А ты тоже его искал? Ты был там для того же, для чего и они? — Словно только сейчас меня осенило. — Тебе нужна была эта безделушка! — Все мои мысли бесконечным, не фильтруемым потоком полились из меня. — Ты бы тоже убил его?!

— Нет, Эмили. Я не тронул бы твоего друга. Я должен был просто выкупить медальон. Должен был, да только не успел, — он потер ладонями лицо, а потом сложил руки у рта, как

для молитвы.

— Богом клянусь, я бы ничего подобного с ним не сделал. Я только одного не пойму, мой источник был верным, и если он сказал, что медальон у него, то значит, так оно и есть. Я не понимаю, почему его там не оказалось.

Да потому, что он за час до гибели отдал его мне! И если им нужен он, то они придут и за мной. Я буду следующей в списке жмуриков. Сердце мое предательски забилося. А я старалась смотреть куда угодно, только не на Мила. Но как бы я не отводила взгляда, он все равно возвращался к моей сумке, туда, где лежал этот долбаный медальон.

— Бог мой, — Мил словно позеленел. — Только не говори, что он у тебя.

Если бы не два стакана этого горючего, я бы в жизни не призналась в том, в чем призналась:

— Он отдал его мне, за час до смерти! А значит, я буду следующей, за кем они придут.

Мне даже не нужно было смотреть на него, чтобы увидеть, как он кивнул, подтверждая мои слова. Меня бросило в жар, такое чувство, что лицо мое вот-вот сгорит, да впрочем, как и тело.

— Мне надо выйти, — буркнула я и побежала в сторону туалетов.

Залетев в помещение, я заперла дверь и проверила кабинки. В туалете я была одна. Замечательно. Быстро стянув с себя куртку, оставаясь в одной шифоновой блузке без рукавов, я плеснула себе в лицо холодной водой, и влажными руками пробежалась по плечам, остужая тело. Что очень помогло, мне стало легче, паника отступила.

Я достала из сумки мешочек и вытряхнула его содержимое себе на руку. Это был медальон, крупный и золотой. Весь увит загогулинами, а в середине рисунок из маленьких синих камней (я совсем в них не разбираюсь, но тут и не нужно разбираться, что бы понять, что они драгоценные). Причудливый рисунок, словно ковш. Напоминает что-то, только вот что? Я перевернула медальон другой стороной, на ней оказался выпуклый узор, похожий на печать. Выпуклый круг, в центре которого находится большая буква «А», от нее вправо и влево отходят ангельский крылья, а сверху над всем этим изображена корона. Вот это мне точно не знакомо.

Чтобы это все могло значить? Я уставилась на побрякушку в своей руке.

— Неужели, ты стоишь того, чтобы из-за тебя погибали люди?

Что же с ним делать? Отдать Милу? Да только вот Зак просил его сохранить. Но стоит ли он моей жизни? Еще пару секунд меня мучили сомнения, но собравшись с духом, я надела медальон на шею, спрятав его под блузку, схватила куртку и вышла из туалета. Я должна, как можно больше узнать о нем, прежде чем решить, что делать дальше.

Купив в баре две колы, я побрела обратно к столику. Бар был практически пустой. Кроме нас в «Фисташке» был только бармен и два мужика, лет по сорок, которые выпивали уже по третьему бокалу пива.

Мой замученный взгляд упал на старинные настенные часы, которые, как казалось, пережили атомную войну, и если они были точными, то сейчас шесть вечера, а это значит, что прошел целый час, с того момента, как я посадила Ми-ми в машину. Надо было ехать с ней, о чем я только думала?

— Не знаю, любишь ли ты колу, но я взяла и на твою долю, — я протянула одну из банок Милу. — Хотя, кто не любит колу?

— Значит, парень отдал медальон тебе, — подвел итог Мил, совершенно не обращая внимания на мои слова о коле. — А он не рассказывал, каким образом он оказался у него?

— Нет, он как бы не успел, — сама не знаю почему, я начала язвить. — Его убили еще до того, как он успел сказать мне «привет».

— Прости, — Милу стало неудобно. — А ты не знаешь, кто еще может быть в курсе?

— Не знаю, скорее все никто. Он ни с кем особо не делится такими вещами. Что вообще в этом медальоне такого особенного? За что убили Зака?

— Медальон — это ключ.

— Ключ? От чего?

— Ключ от Эдема, — по лицу Мила было件ятно, что он понимает, насколько глупо это звучит, мой смех застрял где-то посередине горла, а потом и вообще сошел на нет.

— Ты шутишь? — Мои прищуренные глаза уставилась на парня, который смущенно потупил взгляд. — Нет. Ты не шутишь, — я уронила голову на руки, лежащие на столе.

— Ну, еще бы! Я была бы не я, если бы не вляпывалась в истории. Ну, давай. Выкладывай. Что это все значит.

Красивое лицо Мила исказилось от боли. И он начал все мне объяснять так, словно каждое слово застревало у него в горле.

— Много веков назад, Бог изгнал всех неверных из Эдема. Закрыв райские ворота, чтобы падшие не смогли вернуться. Но, как ты знаешь всегда и во всем есть обратные лазейки. Для тех, неверных, которые по настоящему раскаялись и искупили свою вину, есть возможность снять эту печать и вернуться домой.

— Для этого Бог создал два медальона и поместил их в разные уголки света. Медальоны можно сказать заколдованные, их нельзя отобрать или украсть. С ними можно расстаться только по доброй воле, искренне желая этого.

Например, продав или подарив, в ином случае они вернуться к своему истинному владельцу. Поэтому мне и не件ятно, зачем они напали на Зака, если только не хотели вынудить его продать медальон. Но это могло не сработать, хозяин должен сам желать этого. Бессмыслица какая-то.

— А если убить владельца, будет ли куда возвращаться? — Спросила я и уже через секунду пожалела об этом. Я явно не хочу знать ответ на этот вопрос. В данный момент хозяйкой одного из медальонов являюсь я сама.

— Этого я не знаю, — Мил словно прочел мои мысли. Привлекая внимание, он накрыл мою руку своей рукой. — Эй, девочка, с тобой этого не случится.

Да только вот я не была в этом уверена.

— Отлично! Pieceятно, что совсем ничего не件ятно, — все его слова образовались кашу. Все что я слышу, означает в какую-то тарабарщину. Вся усталость сразу на меня навалилась, да еще и с десятикратной силой. — Я, конечно, поняла, про медальон, но вся эта чушь про ангелов и все такое, ты серьезно думаешь, что я в это все поверю? По мне конечно психушка плачет, но в ангелов я перестала верить примерно тогда же, когда и в Санту.

— Эмили, это правда, позволь мне доказать тебе? Ты сама все увидишь!

— О нет, ты не считаешь, что это как то чересчур? Да час назад у меня на глазах друга убили, и тут ты со своими историями, хочешь окончательно снести мне крышу? — Еще чуть-чуть и я сорвусь на крик. Пьянчужки в негодовании уставились на нас, ожидая продолжения спектакля.

— Знаешь что? С меня хватит. Спасибо, что спас мою задницу, но на этом остановимся. Рада была познакомиться.

Я поднялась со своего места и начала собирать вещи, Мил подскочил и взял меня за

плечи:

— Они узнают, что он у тебя. И они придут за ним. Я не смогу тебя защитить.

Он смотрел мне в глаза стараясь донести до меня смысл каждого слова, было сложно соображать, когда на тебя смотрят такими голубыми, заботливыми глазами. У меня перехватило дух, от такой близости и видно Милу тоже, он неловко отпустил меня и отошел в сторону.

— Я думаю, что ты ошибаешься. Я не нужна им. И я еду домой, еще пару минут твоих историй и меня точно увезут с мигалками.

— Я тебя отвезу.

— НЕТ!! — Слишком громко сказала я, а потом, взяв себя в руки, и осмотревшись по сторонам в поисках зрителей этой картины, увидев, что те двое уже давно вырубились, уложив головы прямо на тарелки с фисташками, добавила:

— Спасибо, не нужно, я возьму такси.

— Эмили, пожалуйста, — начал говорить Мил, но я жестом попросила его замолчать и отрицательно покачала головой. Спустя минуту до него дошло, что меня невозможно переубедить и он сдался. — Запиши хотя бы мой номер, вдруг тебе понадобится помощь.

Сил продолжать спор у меня больше не было, я просто молча сунула ему телефон. Мил быстро записал свой номер в мой мобильник, нажал на вызов и через пару гудков нажал на отбой, а затем вернул телефон.

Я вылетела из бара, остановила такси, и только отъехав от «Фисташки» осознала, какой опасности подвергаю себя, возвращаясь в пустую квартиру. Одна.

Глава 4

Через пятнадцать минут машина остановилась возле небольшого четырехэтажного дома, отделанного оранжевым кирпичом, на третьем этаже которого находилась моя квартирка. Я расплатилась с таксистом и начала медленно подходить к дому. На улице почти не было людей. Вокруг тихо, впрочем, как и всегда. Я совсем не разбираюсь в шпионских штучках, но на первый взгляд за мной не следят.

Оказавшись в квартире, я задернула занавески и только потом зажгла пару ламп. Дома все было точно так же, как я и оставила, в нее никто не пробирался, что означает про меня никому неизвестно, ну или пока неизвестно.

Достав из холодильника откупоренную бутылку белого вина, я налила себе полную кружку, куда мне сейчас до бокалов. Прислонившись спиной к столешнице, я пыталась осознать все, что произошло сегодня днем.

Во-первых, мой друг убит из-за медальона, который тот в спешке всучил мне. Знал ли он что это за медальон или это просто случайное совпадение? Если это совпадение, тогда почему он попросил его сберечь?

Во-вторых, красавчик-спаситель, не только обладатель голубых глазок, но еще и ангельских крылышек, иначе, зачем ему нужен этот медальон. Денек выдался на славу, ничего не скажешь. Если бы я в прошлом не пережила, то, что пережила, то явно отходила бы от этого недели две.

Допив содержимое кружки, и поставив ее на стол, я пошла в сторону спальни. Плюхнувшись на кровать, я не видящим взглядом, тупо уставилась в потолок.

— Что же мне делать с тобой? — Прошептала я, поглаживая пальцами выпуклые узоры медальона.

Все становилось неважным, усталость и вино давали о себе знать, глаза мои закрылись и я начала погружаться в сон, даже не потрудившись снять с себя одежду.

Мне снится Эстер. Мы с ней в парке, под нашим любимым деревом на небольшом бугре, лежим на теплом пледе, она пьет горячий шоколад с корицей, рассказывая мне очередные смешные истории, а я лежу на спине и наблюдаю за облаками. Мне так хорошо, так спокойно.

Подруга берет меня за руку, но вместо ее маленькой ручки, я вижу большую мужскую ручищу. Подняв взгляд, я вижу, что на месте моей Ми-Ми сидит Мил, вид у него взволнованный, он крепко сжимает мою руку, от неожиданности я вскакиваю на ноги:

— Какого черта?

— Эми, они пришли за тобой, слышишь? — Он схватил и крепко сжал мои плечи. — Они уже близко, уходи из дома! — Крича, он встряхнул меня с такой силой, что я проснулась в своей постели.

— Ну вот, я даже сапоги не потрудилась снять, — простонала я, сползая с кровати. В комнате было ужасно душно, а я все никак не могла переварить увиденное во сне. Я подошла к окну, открыла его и увидела, что возле моего дома остановилась черная машина, и из нее начали выходить люди в масках. Они пришли за мной. Твою мать!

Паника ударила меня словно нож. Сердце бешено забилося. Я не знаю, как выбраться из квартиры, времени слишком мало. Заперев дверь в спальню, я пододвинула к ней комод, чтобы хоть как-то задержать их. В ванной было маленькое окно, которое выходило на задний двор, но самое важное, что под ним есть пожарная лестница, через нее я и уйду. Я побежала в ванную, заперла дверь, встав ногами на унитаз, я открыла окно и начала подтягивать себя в него, будь я еще на пару килограмм тяжелее, то наверняка не смогла бы в него протиснуться. Как только я ступила на землю, из моей квартиры раздался крик:

— Она сбежала через окно, догоните ее!

И я побежала.

Я совершенно не умею бегать, даже в школе бегала хуже всех, за что надо мной и посмеивались. Но на что только не способен человек, когда дело доходит до выживания.

Не знаю, сколько времени длится мой бег, а так же как далеко я нахожусь от дома, голова не соображает, сердце стучит в ушах так, что я ничего не слышу кроме него. В боку колит, дышать тяжело, но я не могу остановиться. Остановись я хоть на секунду — и это будет последнее, что я сделаю в этой жизни.

Перебежав на другую сторону улицы, я увидела огромные фары автомобиля, направленные прямо на меня, и прежде чем я смогла среагировать, из машины вылетел Мил, а за ним еще один парень, немного моложе, чем он.

Вы когда-нибудь видели оленя, попавшего в свет фар на ночной дороге?! Вот именно так, скорее всего, выглядела я. Бледная, остолбеневшая, с глазами на пол лица. Картина маслом.

Мил, что-то говорит, но я не разбираю слов, просто мотаю головой и пытаюсь отдышаться. Меня ведут к машине, все вокруг словно в тумане, мне не хватает воздуха, так и не ни отдышавшись, плюхаюсь на заднее сидение и мы со свистом уезжаем в противоположную сторону от моего дома.

— На, Бэмби, попей водички, это должно тебе помочь, — сказал второй парень с усмешкой на лице. Я схватила бутылку и начала пить маленькими глотками, краем глаза наблюдая за новеньким. Высокий, статный парень, на вид лет двадцать пять — двадцать

шесть. Волосы коротко стриженные, в полумраке машины не понятно какого они цвета, но однозначно темные. А глаза, как у Мила, голубые, но более живые, озорные. Я так и вижу, как у него черти в глазах пляшут. Типичный самовлюбленный, нахальный парнишка. Меня от его вида вымораживает.

Я с ним даже не знакома, а уже хочу его убить.

— Ты кто?

Наши с Милом глаза встретились в зеркале заднего вида, и он мне улыбнулся:

— Эмс, это мой младший брат Даниэль.

— Дани, — поправил он Мила, подмигивая мне. Я закатила глаза. Похоже у нас будут проблемы с общением. У меня с детства аллергия на нарциссов.

— Что это за фокусы? Как ты забрался в мой сон? — Спросила я жестче, чем хотелось.

— А, это, — замялся Мил. — Когда я узнал, что они идут за тобой, было слишком поздно. При любом раскладе мы бы не успели доехать. Я начал тебе звонить, но ты не брала трубку. — Объяснял парень, то и дело, поглядывая то на дорогу, то на мое отражение в маленьком зеркальце заднего вида. — Мне нужно было что-то придумать, пришлось рискнуть и пробраться в твой сон.

— Кто вы, люди? — С ужасом спросила я.

— В том и дело, что мы не люди, — улыбаясь во все свои белоснежные тридцать два, ответил Дани. — Мы — ангелы. Падшие ангелы.

— Просто отлично.

Это все, что я смогла вымолвить, а эти двое уставились на меня и ждут реакции. Видно ее отсутствие их сильно озадачило. А Дани только заржал во весь голос и стал, как маленький ребенок вопить во весь голос:

— Можно мы ее себе оставим? Можно? Можно? Ты смотри, какая она забавная. — Не унимался ржать Даниэль. А меня это так взбесило, что я швырнула в него полупустую бутылку воды, она чудом не влетела в лобовое стекло, а приземлилась темнѐхонько на колени парня. — Ай, Бэмби. Ты чего дерешься?

— Даниэль, ради всего святого, прекрати себя вести, как полный говнюк. — Взмолился Мил и Дани, со страдальческой миной на лице, нарисовал в воздухе над своей головой воображаемый нимб.

— Так куда мы едем? — Поинтересовалась я.

— В единственное безопасное место, Бэмби — к нам домой. — Улыбаясь, ответил Дани. И видимо выражение моего лица удовлетворило его ожидания, так как его улыбка стала еще шире. Мне показалось, что даже в машине стало светлее, до такой степени она была ослепительной.

— Мил?

— Да?

— Никогда, слышишь меня? Никогда больше не лезь в мои сны!

— Договорились.

Глава 5

Сама не поняла, но видимо в какой-то момент я уснула, так как очнулась я на диване в совершенно не знакомом мне доме. За окном темно, наверное, уже давно за полночь, я проспала пару часов. Отлично.

Комнату освещает только огонь в камине. До чего же красивая и большая комната,

размером с мою квартиру, судя по обстановке это гостиная.

Я села и осмотрелась, в гостиной кроме меня никого не было, но где-то неподалеку были слышны приглушенные голоса. Медленно встав, я направилась туда, откуда они доносились, говорили так тихо, что ничего нельзя было разобрать. Из приоткрытой двери на пол падала дорожка света, немедля я вошла внутрь. Это оказалась библиотека.

Окон в комнате нет, все четыре стены заставлены стеллажами с книгами. В левом углу стоит стол с компьютером, а в середине комнаты находится круглый кофейный столик, уставленный чашками, кофейником и вазой с печеньем. Вокруг столика стоят четыре кресла. На двух из них, спиной ко мне сидят Мил и Дани. Напротив братьев сидит не знакомая пара. Обоим на вид немного за сорок.

Мужчина плотного телосложения, бледная кожа, маленькие как бусинки карие глаза, волосы темные с проседью, одет он был в костюм, и напоминает аристократа.

Женщина, сидевшая справа от него обладает очень приятной внешностью, у нее красивые высветленные волосы, длинный, тонкий нос и тонкие губы. Стройная и подтянутая, сидит прямо, как палка, это двое точно напоминают особ королевских кровей.

При виде меня они подскочили.

— Доброе утро, Бэмби, — улыбаясь, сказал Дани, встав с кресла, тем самым уступив мне место.

— Эмили. Меня зовут Эмили. Кретин, — прошипела я, плюхаясь в кресло, которое мне только что уступили. — Который час?

— Пять утра, — ответил Мил, а затем продолжил. — Эмс, познакомься это Михаэль Сингер, он наш семейный советник, а это Катарина его супруга, она помогает нам по дому.

— Очень приятно, — мы обменялись формальными рукопожатиями.

— Пока ты спала, нам стало известно, что твоя квартира сгорела. Они ее подожгли, когда поняли, что ты сбежала, — рассказывал мистер Сингер, пока его супруга наливала мне кофе.

— Что? — Вырвалось из меня. — Они совсем что ли? Кто вообще так поступает? Где же мне теперь жить? У меня нет денег, чтобы восстановить ее, — и тут меня осенило, что я лишилась не только жилья, вещей, но и всех документов, а так, же денег, которые были спрятаны в квартире. Я лишилась всего. — Пристрелите меня, пожалуйста, я в полной заднице.

— Ой, да ладно, Бэмби. Перестань разводить сырость, — Дани похлопал меня по плечу.

— Еще раз так сделаешь, и я отгрызу тебе руку, — я послала ему испепеляющий взгляд.

— Насколько все плохо? — Спросил Мил

— Хуже не куда. У меня не осталось ничего: ни жилья, ни денег, ни документов. Даже квартира не была застрахована

Дани присвистнул:

— Добро пожаловать на дно!

— Дани, я прошу тебя! — Строгим голосом сказал Мил. — Эмили, это не конец света, мы все исправим, у нас полно лишних комнат, выбирай любую, с одеждой мы разберемся, документы восстановим за пару дней, с нашими-то связями. Не переживай раньше времени.

— С какой это стати вы будете помогать мне?

— А с такой, что я хочу этого и, — он немного помедлил. — Я все же надеюсь, что когда мы найдем второй медальон, ты поможешь нам вернуться домой. А пока береги его.

— Ну, по крайней мере, это было честно. Но в чем именно будет заключаться моя

помощь?

Я еще не решила, хочу ли участвовать в этой афере. Но одно ясно, как день — без помощи Мила, я сейчас не справлюсь. Я допила свой кофе и поставила чашку на столик.

— Дело в том, что никто из падших ангелов не может открыть проход. Это должен сделать человек. Там какая-то защита, мы не сможем подойти к проходу, до тех пор, пока медальоны его не откроют.

— Оу, если все именно так, как ты говоришь, и мне не надо будет пускать кровь девственницам или выпускать зверушкам кишки... я помогу вам.

— Катарина, — произнес Мил. — Будь добра, покажи Эмили свободные комнаты, пусть выберет любую.

— В этом нет необходимости, милый, я знаю, какую комнату она выберет, — улыбаясь, сказала Катарина. — Пойдем, я провожу тебя.

Мы вышли из библиотеки, и Катарина повела меня в обратном к гостиной направлении, попутно рассказывая мне о доме.

— Этот дом был построен три года назад, все чертежи были сделаны Даниэлем. На первом этаже у нас находится: кухня с выходом на террасу, столовая, гостевая спальня, ванная комната, библиотека и гостиная, — мы вышли в прихожую, с огромными окнами и широкой лестницей на второй этаж.

— На втором этаже, — продолжала моя спутница. — Располагаются три спальни: Мила, Дани и как видимо твоя. Про нее я рассказывать не буду, сейчас сама все увидишь. Так же на этаже две ванны, у тебя будет отдельная, и наконец, комната отдыха, а вот и дверь в твою комнату. — Прочиркала Катарина, открывая дверь.

Она зашла в комнату и зажгла свет. Я ахнула от удивления.

О такой комнате можно только мечтать: красивая, просторная и светлая. Слева стоит королевских размеров кровать, с кучей подушек и лиловым покрывалом, по бокам от нее стоят прикроватные столики из белого дерева на стене над каждым из них висят кованые бра.

Над кроватью картина в белой раме. Воздушные белые гардины и темные ночные шторы украшают окна. В правом углу у окна стоит белый велюровый диванчик, кофейный столик и большое зеркало в белой оправе высотой почти от пола до потолка. В левом углу, чуть дальше двери стоит туалетный столик с круглым зеркалом и фиолетовый пуф. Паркетные полы, лепнины, кованая люстра, а какие обои, темно-фиолетового цвета с причудливым узором.

— Я не могу налюбоваться, до чего же красиво, — с неподдельным восхищением сказала я Катарине.

— Пойдем, я тебе покажу, мою любимую часть этой комнаты, — улыбнулась женщина, затем взяла меня под руку и повела куда-то в темноту справа от двери. Она хлопнула в ладоши, и зажегся свет.

Мы стояли в гардеробной. Любая девушка умерла бы от зависти, если бы увидела эту комнату. Вдоль стен стоят шкафы и полки с ящиками и вешалками. В середине комнаты стоит комод с просторными, бельевыми ящичками. В конце гардеробной большой шкаф с зеркальными дверцами. Вся мебель так же белого цвета. Ближе к входу стоит розовый пуф. А прямо напротив пуфа находится дверь. В мою личную ванную.

Я зажгла свет и вошла внутрь. Большая ванная, раза в три больше моей прежней. Белые стены, мраморные полы и столешницы. Нежно розовые занавески, полотенца и халаты.

Справа от входа две тумбы с раковиной, над ними большое, широкое зеркало. Слева крючки, на которых висят два халата, большая ванная, чуть дальше ванной душевая кабина.

В другом конце комнаты, напротив входной двери окно, под ним стоит туалетный столик и шкафчик. За тумбами находится красивая, плетеная, розовая корзина для белья. Еще чуть-чуть и я запрыгаю от восторга.

— Вот это апартаменты. Ради них, я бы собственноручно подожгла свою квартиру.

— Я рада, что тебе она понравилась. У меня нет подходящей для тебя одежды, но я подберу что-то более или менее подходящее по размеру, до тех пор, пока мы что-нибудь не придумаем. А сейчас располагайся, прими ванну, я скоро вернусь.

— Спасибо! — Крикнула я в след уходящей Катарине.

Глава 6

Спустя пару часов, я сидела теперь уже в своей (временной) комнате. Катарина принесла мне майку и лосины, это единственное что более или менее сидело на мне, не сползая.

Волосы высохли и распушились, а после недолго сна еще и закучерявились. Зря я не попросила у Катаринины фен или плойку, придется ходить по дому в виде пугала.

Уже час никто не заходил меня проведать, от безделья я совершенно не знаю, куда себя деть. Я думаю, никто из жильцов не будет против того, что я немного осмотрю дом. Я вышла из своей комнаты и направилась к лестнице ведущей наверх.

Третий этаж был куда темнее первого, в коридоре нет ни одного окна, все пространство на стенах которые обшиты резными, деревянными панелями из красного дерева, занимают картины в позолоченных рамах, на полу постелен плотный, мягкий ковер, приглушающий шаги.

Прямо напротив лестницы первая дверь, я приложила к ней ухо и ничего не услышала. Медленно отворив, ее я увидела кровать, судя по всему это одна из свободных спален, как и говорила Катарина. Спальня в голубых тонах. Очень красивая, но моей не ровня.

Следующая дверь привела меня в кабинет. С красивым письменным столом и кожаными креслами, именно такие кабинеты у президентов, вроде ничего особенного, а вид шикарный.

Я пошла дальше по коридору к следующей двери, но она оказалась заперта. Странно, что там может быть такого, что они заперли ее?

За углом слышится шум воды. Вода? Откуда тут вода? Я поворачиваю за угол и попадаю в рай. Именно так можно назвать это место. Это что-то похожее на оранжерею. Кругом растения, цветы, пальмочки, а в середине пруд и маленький фонтанчик. Вот это да, слава Богу, что сие творение не над моей спальней, не хотелось бы проснуться в луже.

— Привет, Бэмби, осваиваешься? — Спросил кто-то из-за моей спины. От неожиданности я подпрыгнула на месте и резко обернулась. Дани, серьезно?!

— Можно и так сказать.

— Это мое второе любимое место в этом доме, — он прошел вперед и сел на бортик у пруда, трогая воду. Я подошла ближе к нему, обратив все свое внимание на пруд, там вальяжно плавали большие золотые рыбки.

— А какое первое? — На автомате спросила я.

— О, когда-нибудь я тебе его покажу, но не сейчас.

— Катарина сказала, что ты сам все это придумал. Весь этот дом.

— Да. — Это все, что я услышала в ответ. По его лицу я поняла, что Дани мыслями уже где-то в другом месте.

Я уже было собралась уходить, как он поднял взгляд ко мне и спросил:

— Как тебе твоя комната?

— Восхитительная.

— Твоя комната, единственная комната в доме, которую планировал не я, а Мил.

— Для кого она была?

— Бэмби, лучше никогда не спрашивай об этом ни у кого из нас, поняла? — Резким тоном ответил Дани. Я отшатнулась от него, словно он только что вlepил мне размашистую пощечину.

— В чем твоя проблема?

— Прости?

— Ну, ты со всеми такой гавнюк или только мне так повезло?

— О, крошка, не бери ничего на свой счет. Хотя, как бы я не вел себя, ты все равно будешь сходить по мне сума, — бархатным голосом говорил Дани, приближаясь ко мне. Я уставилась на него во все глаза.

До чего же он красив. Черная футболка плотно обтягивает его торс, очерчивая каждый мускул, джинсы низко сидят на бедрах. Каждое его движение, как у пантеры перед броском на жертву. Глаза хитрые, а улыбка нахальная, он явно знает какой эффект производит и на что именно я уставилась.

— Да я уже тебе нравлюсь.

Как только я поняла смысл того, что он мне только что сказал, я залилась краской. Все это время я нахально его разглядывала, всматривалась в каждую его частичку и он это заметил. Я нервно сглотнула, но промолчала.

— Мил уехал по делам, так что в доме только ты и я, — как ни в чем не бывало, добавил он.

— А где Катарина? — Спросила я срывающимся голосом. Перспектива быть в доме одной с сексуальным парнем, приводила меня в шок.

— Ее тоже нет. Пошли лучше позавтракаем, ты, наверное, голодная?

— Да, отличная мысль.

За завтраком Дани был необычайно молчалив, явно раздумывая над чем-то. А я и не настраивала на разговор. Было приятно, насладится вкусным кофе в тишине.

Кухня, как и все в доме была прекрасна и полна света. Кругом стояли вазы с цветами и свежими фруктами.

Двери выходили на террасу, должно быть здорово, завтракать там летним утром. И мне отчаянно захотелось увидеть, как выглядит это место, утопая в летней зелени. Сейчас на улице то еще зрелище. Мир только начинает просыпаться после зимы. Но даже при таком раскладе, двор Уорнеров прекрасен.

Спустя час, в дверь моей так сказать комнаты постучала Катарина.

— Привет, милая. Ну, как ты тут? Освоилась?

— Спасибо, я вроде в порядке, на столько, насколько это возможно

— О... все будет хорошо. Мальчики тебе помогут, вот увидишь, — она ободряюще пожала мою руку. — Я тут принесла тебе ноутбук, — она хлопнула по нему рукой и продолжила. — Там в закладках пара сайтов с одеждой, выбирай все, что тебе необходимо, а тебе необходимо многое, так что, пожалуйста, не стесняйся, и покупай все, что нужно. Это

не очень удобно, но я думаю ходить по магазину сейчас не лучшая идея.

— Большое спасибо, да здравствует шопинг! — Отсалютовала я с поддельным энтузиазмом.

Я расположилась на диване у окна. Это безумно дорогой ноутбук, мне даже страшно братья за него. Зная себя, это чудо, скорее всего, сломается в течение получаса. Я открыла закладки, о которых шла речь. — Бог мой, как все красиво, — восхищаясь, я пролистывала страницу вниз. — Красиво... и безумно дорого. Ми-ми была бы в восторге от таких вещей.

Ми-ми! Твою мать, я так и не позвонила ей. Могу только представить, что она думает. Я ей не перезваниваю, а на утро выясняется, что моя квартира сгорела. Бедная моя девочка.

Так, как телефон сгорел на моем пепелище, я быстренько зашла в почту и начала набирать сообщение для подруги, где вкратце описала всю ситуацию, предусмотрительно не упомянув про случай на стоянке и про медальон на моей шее.

Раздался стук в дверь, а затем она распахнулась, и Мил заглянул в комнату.

— Эмс, прости, что ставил тебя одну, — он подошел к диванчику и взглядом попросил разрешения присесть, я кивнула. — Спасибо. — Сказал он присаживаясь. — Я с Михаэлем был у тебя на квартире. Прости, но я вынужден тебя огорчить. Там все сгорело, ничего не уцелело, вообще. Я подключил связи, так что все списали на неисправную проводку, но твоя квартира не была застрахована, так что толку нет.

Я не могла найти слов, именно этих новостей я и ожидала. Вся моя прошла жизнь сгорела, синим пламенем, это карма.

— Я вижу, Катарина передала тебе ноутбук, — он кивнул в его сторону и продолжил. — Он теперь полностью в твоём распоряжении. Так, что тебе будет, чем скоротать время вечерами. — Он улыбнулся, но как-то грустно.

— Спасибо, — ответила я. — Особенно если учесть, что я осталась без средств связи. А он хоть как-то поможет мне связаться с друзьями.

Меня, словно громом поразило, я ухватилась за край стола.

— Что такое?

— Зак мертв, а Эстер знает, что я должна была с ним встретиться. Что если полиция будет ее допрашивать и она расскажет это? — Я начала еще больше паниковать. — Они будут подозревать меня. Меня обвинят в его смерти.

— Эй, Эмс, — он начал меня успокаивать. — Я это улажу... Все будет в порядке. Можешь об этом не беспокоиться.

Не знаю почему, но глядя в его искренние голубые глаза, мне стала легче.

— Спасибо.

— Не за что. Я хочу, чтобы единственная твоя забота была о том, что из всего этого, тебе выбрать, — Мил ткнул пальцем в экран ноутбука. — У тебя огромная гардеробная, заполни ее. Она слишком хороша, чтобы пустовать.

— Да, гардеробная, ванная, эта комната... Все настолько прекрасное, — я обвела руками комнату. — Я никогда в жизни не находилась в такой прекрасной обстановке.

В ответ он лишь грустно улыбнулся.

— Я рад, что тебе у нас нравится. Ладно, я не буду тебя отвлекать, через час ужин, ты самостоятельно найдешь столовую?

— Да, конечно.

— Ну, тогда еще увидимся, и, Эмс, закажи себе мобильный телефон, мы всегда должны быть на связи.

Милан ушел, оставив меня одну. А я все не могла перестать думать о нем. Что-то печальное таится в его глазах. Интересно, какую тайну он хранит, и для кого он обустроил эту комнату?

Оставшийся час я пролазила в интернете, выбирая одежду. Терпеть не могу онлайн покупки, поэтому время прошло впустую. Я так ничего и не выбрала.

Катарина приготовила потрясающий ужин, шеф повар любого отменного ресторана, ей и в подметки не годится.

За ужином все только и делали, что обсуждали план действий, как нам отыскать второй медальон. Мил уже подал запрос на восстановление всех моих документов. Так как сегодня вечер пятницы завтра и послезавтра я буду таскаться по магазинам с Эстер, потому что способ, предложенный Катариной мне явно не по вкусу. Мил и Дани будут за нами присматривать. А в понедельник мне предстоит вернуться на учебу.

Все разошлись и на кухне остались только мы с Катариной. Мы вместе убрали со стола и мыли посуду. Я была рада помочь, и хоть как-то убить время.

Дверь в мою комнату была приоткрыта, я точно помню, что закрывала ее перед уходом. Зайдя внутрь, первым, что я увидела, был Даниэль, вальяжно распластанный по моей кровати. Боже, до чего же он смахивает на змея — искуителя.

— Мило, — сказала я и двинулась в сторону дивана.

— Мило — мое второе имя. Ну, что б ты знала, — сказал Дани, хотя нет, не сказал, а прошипел, как змей. Затем ловко встал и начал двигаться в мою сторону. — Я заметил, что ты осталась без телефона. И подумал, что это должно тебе пригодиться. — Он положил белоснежную коробку на столик передо мной.

— iPhone?! Ты серьезно?!

— А почему бы и нет?!

— Ты мил, и не язвись сегодня целый день, подарил мне телефон, — с сомнением сказала я. — Скажи мне честно, у меня, что рак? Я умираю?

Он в недоумении уставился на меня, приподняв одну бровь, Боже, как он это делает?

— Я эгоистичный, но не бессердечный, — а потом с полностью серьезным лицом добавил. — Мы вошли в твое положение и решили помочь тебе, я надеюсь, что когда нам будет нужна твоя помощь, ты сделаешь то же самое. — Даниэль развернулся и направился к выходу.

— Ты расчетливая скотина, — я кинула ему эти слова в спину.

— Я не скотина, Бэмби. Я — ангел, — с усмешкой ответил он. — Ангел, который очень хочет домой.

— Падший ангел! — Крикнула я. — Ты самый настоящий падший ангел. Черт бы тебя побрал.

Я наконец-то позвонила Эстер, и полчаса успокаивала ее истерику, бесконечно говоря «Я в порядке». Договорившись о встрече, мы распрощались и я, приняв душ, надев футболку Катарины, которая была мне чуть выше колен, легла спать. День был слишком долгим.

* * * *

Я сижу на пассажирском сидении рядом с водителем, в салоне играет знакомая мелодия, но я не могу вспомнить, откуда я ее знаю. Я смотрю на водителя. Он улыбается и говорит мне что-то, но я его не слышу. Меня наполняет чувство *deja vu*¹. Паника подкатывает к горлу, что-то стискивает мое горло. Я хватаюсь руками за шею, и нащупываю цепочку. Цепочку с медальоном. Всеми силами пытаюсь сорвать ее. Ногти царапают кожу,

но цепочка не поддается.

Я хватаю водителя за руку, умоляя о помощи, тот в ужасе поворачивается ко мне. Глаза мои затуманились и единственное, что я слышу, это бешеный стук своего сердца. Мужчина дергает за цепочку, и она с треском слетает с моей шеи. Зрение прояснилось, и я вижу, как нашу машину вынесло на встречную полосу, и мы вот-вот врежемся в грузовик. Страх сковал меня, единственное, что я смогла сделать, это прошептать:

— Папа.

А затем наша машина влетела в грузовик.

Мое сердце с бешеной силой бьется об мою грудную клетку. Это был сон... Просто сон. Очередной кошмар.

— Медальон, — я быстро провела рукой по шее, медальона на ней не было.

Он пропал.

Глава 7

Я обшарила всю постель, но медальона там не было. Он валялся у подножия кровати с порванной цепочкой. Часы на телефоне показывали, что сейчас ровно три часа ночи. Моя бабушка говорила мне в детстве: — *«Если ты просыпаешься ровно в три часа ночи, значит, сам дьявол подшучивает над тобой»*. Никогда еще эти слова меня так не пугали, как сейчас.

Голова гудит, горло пересохло. Интересно, где они хранят таблетки?!

Я подошла к дивану за лосинами, и поймала свое отражение в зеркале.

— Твою мать! — Вырвалось у меня. Вся моя шея была расцарапана, капилляры полопались, и образовались кровоподтеки. Это все медальон, не знаю как, но он явно к этому причастен.

Я вышла из комнаты и направилась к Милу. Его дверь была заперта, около минуты я колебалась стучать или нет, так и не решившись, я двинулась дальше по коридору, к комнате Даниэля.

Я не стала стучать, а просто повернула ручку и на этот раз она поддалась мне. В комнате было темно, я зашла и закрыла за собой дверь.

— Даниэль? — Негромко позвала я. — Дани, ты спишь?

— Черт побери, Эмили, ты серьезно? — Недовольно пробубнил Дани. — Ты хоть знаешь, который час? — Он зажег свет, его сонные глаза скользнули, по моему лицу, а затем остановились на изуродованной шее.

— Мать Божья, Эмс, что произошло? — Он вскочил с кровати и подбежал ко мне. Слова застряли где-то посередине, и даже если бы я хотела, все равно не смогла бы ответить. И дело было не только в саднящем горле, Даниэль Уорнер стоял передо мной в одних боксерах.

Да я даже почувствовала, как покраснели мои щеки. Парень видимо понял, что меня смутило, и в два шага переместился к шкафу, достал из него спортивные штаны и футболку и через минуту он уже снова был рядом со мной, но теперь уже одетый. Что, в общем-то, не делало его менее привлекательным. Видимо он был до смерти перепуган, раз не съязвил в сложившейся ситуации.

Я. Даниэль. Три часа ночи.

Черт, Эмили, ты не о том думаешь.

Дани усадил меня на кровать, а сам скрылся за соседней дверью, судя по всему, ведущей в ванную и вернулся через пару секунд с аптечкой в руках. Пока он обрабатывал мою шею, я

рассказывала все, что произошло и зачем я приперлась к нему посреди ночи.

— Эх, а я уж было подумал, что твой сон был обо мне, — он пытался улыбнуться, но как-то не особо это у него вышло.

— Если бы мне приснился ты, я не была бы в таком ужасе, — ляпнула я, не подумав, Дани удивленно приподнял бровь. — Забудь. Ты лучше вот, что мне скажи, у вас тут есть какой-нибудь сейф, ну или что-то в этом роде, куда бы мы могли спрятать эту штуку? — Я с опаской покосилась на медальон, мирно лежащий на покрывале.

— Да, в кабинете есть сейф.

— Вот и отлично, мы должны спрятать туда эту штуку. Потому что, будь я проклята, если еще раз одену его на себя. Он явно полон какой-то сверхъестественной фигни.

— Ладно, пойдем.

Мы поднялись на третий этаж. Здесь, как и этажом, ниже горел приглушенный свет, эти люди явно не беспокоятся о счетах за электричество.

Сейф, как обычно был спрятан за картиной. Ничего особенного, одни банальности. Мой спутник быстро набрал комбинацию, которую я даже и не пыталась не рассмотреть. Сейф, был заполнен какими-то папками с документами, деньгами и не большой шкатулкой.

Даниэль взял шкатулку, и мы вернулись к письменному столу, на котором горела настольная лампа.

— Я думаю, будет уместнее положить его в шкатулку. — Он открыл ее, и я уставилась на содержимое. Шкатулка наполнена драгоценностями, в жизни не видела такой красоты.

— И раз уж ты в нашей команде, тебе необходимо всегда быть начеку, — порывшись, он выудил из шкатулки небольшое золотое колечко, усыпанное мелкими светло-розовыми камнями. — Оно зачарованно или что-то типа того, я в этом не понимаю. Эй, — засмеялся он. — Видела бы ты сейчас своё лицо, Бемби, я не собираюсь вставать на одно колено, расслабься. А то такое чувство, что ты сейчас в обморок грохнешься.

— Не смешно. Идиот, — но смех его не прекращался, схватив мою правую руку Даниэль с напущенной серьезностью, напялил колечко на мой безымянный палец.

— И что оно дает?

— Смотри сюда, — он вытянул левую руку вперед, выставляя напоказ свое запястье. — Видишь?!

Спустя пару мгновений, на нем проявилась татуировка. Своеобразная татуировка я бы сказала. Красный круг, размером сантиметров пять, внутри которого находится большая, красивая буква «А», от которой вправо и влево отходят белые, ангельские крылья. Сверху, над кругом находится золотая корона, а снизу витиеватым почерком написано его имя, Даниэль. Смотря на его татуировку, я вспоминаю, что точно такой же рисунок находится на обратной стороне медальона, очередная ангельская хрень.

— О, как мило, у тебя есть татушка, — издеваюсь я, несмотря на то, что понимаю всю серьезность ситуации и то, что Даниэль посвящает меня в вещи, которые мне в принципе знать не положено. Но я не могу упустить шанс хоть как-то уколоть его, потому что своего шанса он бы не упустил.

— Это не татуировка, Эмили, — раздраженно ответил Дани, громким хлопком захлопнув шкатулку, видно мой комментарий задел его за живое, какие мы ранимые. — Это метка.

— Что она означает?

— Изначально, фон был голубого цвета, как напоминание, о вечном спокойствии и

мире. После того, как мы были изгнаны, фон сменился на красный. Это означает, что мы пали и доступ в Эдем нам закрыт. Буква «А», логичным образом олицетворяет ангела, так же как и крылья. Корона — это символ богатства и силы. Имя нам указали при рождении. Все вместе это олицетворение вечной жизни в идеальном мире, где обитает духовное богатство и сила. В моем мире, носить эту метку великая честь. — Он говорил это так, словно ученик, которого вызвали к доске отвечать домашнее задание. Заучено и без каких-либо эмоций.

— Вау, а я думала, ну знаешь, как в книгах написано, — я плюхнулась в кресло. — Что когда ангелы «падают» им отрывают крылья и ну... На их спинах остаются такие уродливые шрамы. — От одной мысли об этом меня передернуло. — А у вас просто меняется фон на татуи... на метке и все?!

— Не думай, что если нам не вырывают крылья, мы не испытываем боли. С этой меткой мы не можем даже подойти к порталу, не то, что пройти через него. Они не пропустят, поэтому нам и нужна твоя помощь.

— Как все сложно. Я с трудом могу вникнуть, даже в половину этого бреда, — поставив локти на стол, я спрятала лицо в ладонях, я так устала от всего этого, у меня самой сейчас забот выше крыши, в моей жизни творится полный беспредел, а я еще вляпалась в сумасшедшую историю с ангелами.

— Это реальность, Бемби, — усмехнулся Дани. — Тут по-другому никак. Так что не снимай это колечко, оно поможет тебе вычислять ангелов, ты же знаешь, не одни мы хотим вернуться.

— Очевидно, спрашивать, почему вас выперли из Эдема бесполезно, — Дани нахмурился — Поэтому, лучше скажи с чего ты взял, что достоин, вернуться обратно? Ясно же, что вы в чем-то напортачили. Что дает тебе право думать, что ты загладил свою вину?

— Я виновен лишь в том, что люблю своего брата, — совершенно без эмоций ответил парень, но глаза его были наполнены злостью, которую он явно не желал показывать, но я ее уловила. — Это не является грехом, но и не оправдывает мои поступки. А сейчас возвращайся в постель, тебя ждет долгий день.

Он медленно встал, взял со стола красивую расписную шкатулку и запер ее в сейфе, вернув картину на место. Одна мысль не выходила у меня из головы.

— Ты сказал, что имя появилось при рождении, твои родители дали его тебе?

— Нет. Считай, что это — порядковый номер, — Даниэль развернулся и вышел из кабинета, больше не сказав мне ни слова. Через пару минут, я последовала его примеру.

Из моей головы вылетело, что утром у меня встреча с Эстер, и супер длинный список того, что надо купить.

Будильник прозвенел в девять часов утра. Я приняла быстрый душ, переоделась и уже в девять сорок пять мы с Даниэлем выехали на встречу с Эстер. Изначально с нами еще собирался Мил, но у него появились кое-какие зацепки по поводу второго медальона и он уехал. Чему я была очень рада, так как понятия не имела, как объяснить их компанию подруге. Врать ей мне не хотелось.

Всю дорогу до кафе Даниэль был угрюм и молчалив. Я даже не знала, что он на такое способен. Я пыталась выяснить у него, что происходит и все ли в порядке, но он проигнорировал мой вопрос и лишь сделал радио погромче. Мило...

Эстер уже была на месте, за нашим любимым столиком у окна. Как всегда одета с иголочки. Как можно выглядеть идеально в такую рань? Я представила Эстер и Даниэля, ожидая, что он сразу же включи свой *«режим павлина»*, но нет, он остался таким же

надутым и сосредоточенным. Сказав, что не хочет мешать нам секретничать, он занял столик чуть ближе к выходу. Я только сейчас заметила, что из машины он прихватил свой ноутбук и теперь все внимание Даниэля приковано к его экрану.

Подруга засыпала меня кучей вопросов, начиная от Зака, заканчивая тем, где я теперь живу. Мне ничего другого не оставалось, как рассказать ей всю правду за исключением всего сверхъестественного дерьма в этой истории. Я не умею врать и Эстер это прекрасно известно, она сразу меня вычислит. Так, что пусть будет, так как есть.

Вид у нее был полуобморочный, но в целом она нормально переварила полученную информацию и дала слово, что, никому, ничего не скажет, и я в этом не сомневалась. По части тайн она куда лучший хранитель, чем я.

День был ужасно долгий. Я купила почти все, что было в списке. Даниэль покорно таскал пакеты с покупками, и когда их становилось слишком много, относил все это в машину. Хотя я и старалась брать только все не обходимое, этого необходимого было слишком много с учетом того, что все, что я когда-либо имела, кануло в небытие. Мне было жутко неудобно брать у Уорнеров деньги, но оставшись, ни с чем выбирать, не приходилось и как только мои счета будут восстановлены, я верну им все до последней монетки.

Даниэль и Эстер неплохо спелись. Два стилиста на мою голову. Критиковали почти все, что я брала для примерки. Они единственные, кто видимо получал удовольствие в этой ситуации. Но, слава богу, в пять вечера я была уже дома, на полу гардеробной, и разбирала гору пакетов.

Кое-как все, развесив и разложив, я начала собирать пустые пакеты и упаковки с пола, запутавшись в собственных ногах, я полетела вперед. И непременно разбила бы себе нос, если бы вовремя не уперлась в шкаф ладонью.

Раздался щелчок и небольшой ящичек выдвинулся вперед на пару сантиметров. Ну, надо же. Я подошла поближе.

— Странно, — я начала ее рассматривать, как такое вообще возможно? Не большой и не глубокий ящичек, рассчитанный на мелкую бижутерию, теперь выпирал из шкафа на добрые пять сантиметров. Я потянула его на себя, но он не выдвинулся, а открылся, как дверца.

Глава 8

Тайник практически пуст за исключением небольшой деревянной шкатулки.

— Ничего себе, — да, у меня дурная привычка говорить сама с собой. Интересно, что внутри? Я прислушалась, вокруг вроде бы было тихо, никто не ошивался возле моей спальни, но я решила не рисковать и поспешила запереть дверь. — Чтобы наверняка!

Достав и открыв шкатулку, я обнаружила в ней лишь пару белых перьев, кулон из золота, усыпанный какими-то камнями зеленого цвета (скорее всего это изумруды) и старый, потрепанный годами конверт.

Внутри него были две фотографии и письмо, написанное красивым каллиграфическим почерком.

Я начала рассматривать фотографии. Они черно-белые, и судя по всему, сделаны много лет назад.

На первом фото была изображена девушка. Очень красивая девушка я бы сказала. На вид она старше меня лет на пять или шесть. Ее волосы уложены в красивую прическу, лицо обрамляют локоны. У нее такое приятное лицо, пухлые губы, белоснежная, яркая улыбка, добрые, горящие глаза.

Одета она в красивое, пышное платье с длинными рукавами. В одной руке она держит

веер. А на груди у нее находится этот самый кулон с изумрудами.

Эта фотография прямиком из девятнадцатого века.

— О, мой Бог.

На второй фотографии она в той же одежде сидит бок о бок с Миланом. Это точно Мил, конечно, он сменил имидж, прическу и всякое такое. Но это он. Это точно он.

Сколько же ему лет?!

Ошарашенная я начала читать письмо.

Дорогой Милан.

Любимый мой, если ты читаешь это письмо, значит, меня уже нет в живых. И мне очень, очень жаль, что я не смогла быть рядом с тобой, как можно дольше.

Мы провели вместе полвека, и я каждое утро говорила Богу спасибо, за то, что он подарил мне тебя. И я надеюсь, что у меня будет шанс вымолить твое прощение.

Это лишь малая часть того, что я могу для тебя сделать, ты слишком многим пожертвовал, хоть я того и не стоила.

Я люблю тебя. Люблю большой, безграничной любовью. Ты для меня все в этом мире и даже больше.

Я прошу тебя лишь об одном, не оплакивай меня, я не вынесу твоих слез и твоей боли. Мне слишком тяжело переносить свою. И я знаю, что убила меня ни старость, ни болезнь, ни чья та рука, меня убила мысль о разлуке с тобой.

Я люблю тебя.

Наша любовь похожа на безграничное, глубокое море.

И я, к сожалению, в нем утонула.

Я знаю, что святого во мне мало, но я молю небеса о том, чтобы они даровали мне место в рае, и когда ты вернешься домой, мы снова будем вместе, но на этот раз навсегда.

Прости меня, любимый, за то, что оставила тебя одного наедине с нашим горем.

Катарина пообещала мне, что отдаст тебе это письмо в самую темную минуту твоей жизни, как напоминание о том, что у тебя есть я и я люблю тебя везде, где бы я ни была.

Я жду тебя, твоя Хлоя.

Я не могла сдержать слез. Сколько нежности и боли в этом письме. Какой сильной была ее любовь. Их любовь. Через что они прошли. И видимо для нее, как дань памяти о ней, и была сделана эта комната.

Только одного не могу понять, почему это письмо спрятано здесь? Неужели Катарина не отдала его Милу? Это не честно. Должна ли я отдать эту шкатулку ему, стоит ли мне беречь его раны?

За ужином я не могла перестать думать о Хлое. Я все взвешивала за и против. Отдать или нет?!

— Эмс, ты в порядке? — Спросил у меня Мил, вид у него был заинтересованный.

— Что?! А... да, я в порядке, просто задумалась.

— Даниэль рассказал мне о прошлой ночи, — продолжил Мил. — Надо было тебе разбудить меня.

— Да, я хотела, — почему-то эта ситуация меня смутила. — Но у тебя была заперто, я не стала барабанить в дверь.

— Девочка, я прошу тебя, — словно старший брат, которого у меня никогда не было, проговорил он. — Если что-то еще случится, обещаю, что сразу приду к тебе. В любое время дня и ночи.

— Ладно, — не задумываясь, ответила я. Я могу поклясться, что увидела в его глазах облегчение.

— Ну, спасибо брат, — сказал Дани, бросая вилку на стол. — Спасибо, что выставил меня никчемным, словно я не могу помочь Эмили.

— Я не говорил этого, Дани.

— Нет, именно это ты и сказал, — его стул проехался по паркету, когда тот резко встал, у меня пропал аппетит. Он вышел из столовой, а через пару секунд хлопнула входная дверь. Даниэль ушел.

— Что это с ним? Я никогда раньше его таким не видела, — удивилась Катарина.

— Не поверишь, меня самого волнует этот вопрос, — ответил Мил. И больше тишину никто не нарушал, остаток ужина, никто не разговаривал.

Со стола убирали мы с Катариной. И почему-то я только сейчас задумалась кое над чем.

— Катарина, а где находится ваша комната?

— О, мы не живем в этом доме, — с улыбкой ответила та. — На заднем дворе, есть не большой домик для гостей, Мил подарил его нам. Это очень щедро с его стороны.

— Да, действительно.

Я уже было хотела завести разговор о шкатулке, но вовремя захлопнула рот. Я почему-то боялась того, что она мне скажет.

Оставшийся вечер я провела в своей комнате и писала реферат, который должна сдать в понедельник. Но мысли, так или иначе, возвращались к шкатулке под моей кроватью. Если бы я была на месте Мила, хотела бы я прочитать это письмо? Думаю да, но я никогда не любила (мои короткие влюбленности ни что, по сравнению с их любовью), я не могу даже представить себе, что он почувствует.

Я стаяла у двери Мила, и никак не могла решиться постучать.

— Да, была, не была, я сойду с ума, если не сделаю это, — уговаривала я саму себя. — Соберись тряпка и действуй.

И я постучалась.

— Войдите, — послышался голос Мила, и я вошла...

— О, Эмили, что-то случилось? — Взволнованно спросил парень.

— Да... То есть, нет, — мямлила я. — Я просто хотела посоветоваться с тобой.

— Помогу, чем смогу, — он сел на кровать и жестом попросил меня сделать то же самое. — Что такое?

Я подошла и села напротив него.

— Если бы ты... Боже, я не знаю, как начать. В общем, если бы ты знал что-то, что может принести твоему близкому человеку боль, но ты знаешь, что он имеет полное право знать это и не рассказывать ему, не правильно, как бы ты поступил?

Видимо мой вопрос его удивил:

— Ты хочешь знать, рассказал бы я или нет? — Я кивнула. — Я не знаю, Эмили, наверное, рассказал. Потому что я не имею право скрывать то, что мне не принадлежит.

Я кивнула и уставилась на свои руки, лежащие на моих коленях.

— Мой ответ помог тебе?

— Думаю да, подожди меня здесь, пожалуйста, я сейчас вернусь, — я встала и вышла из

комнаты, и через пару секунд вернулась обратно, но уже с ношей, которая беспокоила мою душу пару часов. Мил прав, мы не вправе скрывать то, что нам не принадлежит.

Я держала шкатулку за спиной.

— Прежде чем отдать тебе кое-что, я хочу попросить у тебя прощение, я не должна была читать. Но я прочла, потому, что не знала, что это вообще такое. Прости меня.

Он смотрел на меня в недоумении, а я плакала. Сама не понимала почему, но слезы лились ручьем, словно я знала, что через минуту его мир рухнет и он почувствует всю ту боль, от которой так давно бежит.

— Я нашла это в своей комнате.

— Я не понимаю, — почти прошептал он, когда я достала шкатулку из-за спины, но не было, ни намека на узнавание в его глазах.

Я протянула ее ему:

— Держи, я оставляю тебя одного.

Я развернулась и вышла за дверь, вытирая свое лицо от слез. Как же я надеюсь, что поступила правильно. Кто я такая, что бы рушить чужую жизнь.

Что-то тяжелое ударилось о стену и с грохотом рухнуло на пол. Да простит меня, Катарина. Но я должна была это сделать.

Дописав реферат, я легла спать. Мил больше не крушил мебель, я вроде как не выходил из своей комнаты. Дани домой не вернулся, и только одному Богу известно, где его носило.

Глава 9

Воскресенье прошло, как в тумане. Я проспала до одиннадцати часов. Приняв душ, я спустилась на кухню, Катарина что-то готовила, на моё «Доброе утро» она ничего не ответила. Очевидно, ей влетело от Мила, и разговаривать со мной она желания не имела, но я не считаю себя виноватой, хотя по отношению к ней я была несправедлива. Допив свое кофе, я решила исправить сложившуюся ситуацию.

— Катарина, прости меня, пожалуйста, — начала я, стоя за ее спиной. — Я не должна была идти к Милу, не поговорив с тобой. Я должна была сначала прийти к тебе, мне очень жаль.

Она вытерла руки и бросила полотенце на столешницу.

— О чем ты только думала, Эмили скажи мне на милость? — Взорвалась Катарина. — Чем ты думала? Какое право ты имела отдавать письмо, не поговорив со мной? Хлоя доверила его мне, не тебе. Ты не имела права.

— Я знаю, Катарина знаю. Но и так, же, никто из нас не имел право скрывать это от него, это принадлежало ему, ты давно должна была отдать это. Это память о ней. Но я, правда, сожалею, что не поговорила с тобой. Я не собиралась отдавать ему шкатулку, но потом, поговорив с Милом, я не могла поступить по-другому. Мне жаль.

— Я надеюсь, тебе действительно жаль, потому что последствия могли быть катастрофическими. И нам повезло, что ничего плохого не произошло.

— Как он?

— Как не странно он в порядке. Помахал конвертом перед моим лицом пару минут, потыкал в меня пальцем, сказал, что я не имела права скрывать его и все в этом духе, — Катарина сжала двумя пальцами переносицу, эта ситуация явно вызывала у нее головную боль. — Он уехал в девять часов на встречу с каким-то банкиром. Вроде как его сыну принадлежит второй медальон. Он звонил мне час назад и извинился за утреннюю сцену, странно, я думала, он меня не простит.

— У него большое сердце, — улыбнулась я, обнимая ее. — И на тебя не возможно злиться. — Я обняла ее еще крепче. — Ты простишь меня?

— Все в порядке, Эмс. Все в порядке, — обняла она меня в ответ. — О, милая, отнеси пожалуйста, завтрак Даниэлю, он вернулся под утро и завалился спать, так и не сказав, где был. И да, расскажи ему о шкатулке.

— Хорошо.

* * * * *

Мил восстановил мои документы и так же нанял людей, которые делали ремонт в моей сгоревшей квартире, готовя ее к продаже.

Разговоров о Хлое больше не заходило, да и я не возражала, слишком тяжелые воспоминания.

В воскресенье двадцать девятого числа, Даниэль позвал меня на пикник к озеру, чем очень удивил. Мы выехали из дома в три часа дня. Как оказалось, озеро было в пяти минутах езды от дома Уорнеров, я сделала себе пометку бывать тут чаще.

Место было потрясающее и живописное, а самое главное уединенное. Со всех трех сторон мы были спрятаны за пока еще «голыми деревьями», а перед нами ковром расстиралась водяная гладь.

— Тут так красиво, — я села на плед, который Дани расстелил на траве под деревом, чтобы солнце не слепило мне глаза. — Такая теплая погода мне нравится.

Даниэль ничего не ответил, лишь на его лице отразилась язвительная ухмылка. — Это от нахождения рядом со мной, тебя бросает в жар, Бэмби.

— Почему «Бэмби»?

— Я думал, это очевидно, — Он разливал шампанское по бокалам, а между нами стояла корзинка с фруктами, тарелки с сыром, бутербродами и какими-то пирожными. До чего же все аппетитно выглядит. — Ты бы видела себя в тот момент, в день пожара, когда фары нашей машины осветили твое лицо. Ты была такая милая, напуганная, глаза на пол лица, полные страха и надежды. Мне сразу захотелось сделать все что угодно, лишь бы больше никогда не видеть такого ужаса в твоих глазах.

Я потеряла дар речи, все, что я могла делать — это смотреть на него. На его красивое, угловатое лицо, красивые, четко очерченные губы, в его глаза. Я только сейчас заметила россыпь веснушек на его лице. Если бы на этот раз у меня спросили, как выглядит падший ангел, я бы показала фотографию Даниэля Уорнера. Прекрасный и опасный. Словно змей искушитель.

Он рассмеялся и протянул мне бокал.

— Давай выпьем за тот случай, ведь именно он свел нас вместе, — я покраснела и пригубила свой бокал.

— Эмили, расскажи мне о том парне на парковке, я не помню его имени.

— Зак. Его звали Зак. Что именно ты хочешь о нем услышать?

— Все... Точнее все, что ты готова о нем рассказать.

Я молчала примерно минуту, а потом начала говорить. Мне было тяжело смотреть в глаза Дани, поэтому я рассматривала озеро.

— Мы познакомились на первом курсе и сразу же подружились. Он был, что-то вроде заводилы. Ну, знаешь, всегда шутил и прикалывался. Всегда имел свое мнение и не боялся его высказать и отстаять. Я никогда не встречала таких, как он. Он всегда улыбался, я ни разу не видела его в плохом настроении, — я притихла и, переводя дыхание, уставившись на

свои ногти.

— Я думала, что любила его, точнее мне так казалось. Но вот его не стало, и я не думаю о нем как о погибшем парне, и о своих задетых чувствах. Я скучаю по другу, которым он был, мне не хватает его, и я все чаще ловлю себя на мысли, что жду его звонка.

Мои глаза наполнились слезами:

— Мне жаль, что я запуталась в своих чувствах. Неправильно их поняв, я оттолкнула его, и потеряла столько времени, которое мы могли провести вместе.

— Мне так жаль, — Даниэль сжал мою руку. А другой нежно стер слезы с моих щек. — Мне так жаль, Эмили.

— Мне тоже, — я сделала глубокий вдох. — Его похороны были в прошлое воскресенье, а я не смогла найти в себе силы пойти на них. Там были все, кроме меня. Я все никак не могу забыть его глаза, смотрящие на меня, и как жизнь покидала их.

Даниэль передвинулся ближе ко мне, и я положила свою голову на его плечо. Он нежно гладил мои волосы.

— Вы с ним еще встретитесь. Вот увидишь, рано или поздно вы встретитесь. Если не на земле то...

— Я знаю, — перебила я его. — Так и будет.

— Прости меня. Я полный кретин, раз поднял эту тему.

— Нет, все хорошо, если честно мне стало легче. Я ни с кем еще не говорила об этом. У меня словно груз с сердца спал.

Так мы и сидели бок, о бок, разговаривая не о чем и обо всем, мне становилось легче и спокойнее. И я поймала себя на мысли, что не осознанно представляю, какого бы это было, быть с Даниэлем. Он кажется таким беззаботным, опасным, веселым. В нем таилось столько нежности, что мне захотелось узнать, какого это — быть его любимой.

Он взял мое лицо в своих ладони и нежно-нежно коснулся моих губ своими губами, и целый мир вокруг растворился, а сердце сделало сальто. Нежность его губ меня захлестнула с головой, именно этого мне и не хватало. Я растворилась в Даниэле и позволила ему себя целовать. Словно каждый его поцелуй омывает мою душу.

* * * * *

Апрель....

Дальше дни летели один за другим. Мил навел справки по каким-то своим супер проверенным каналам и выяснил, что второй медальон так же находится в нашем городе, по совсем не понятным причинам. Принадлежал он Аманде Вудбери, но перед смертью она отдала его своему сыну Алексу. Аманда попросила его подарить медальон своей будущей невесте.

Отец Алекса, Роберт Вудбери крупный банкир. Милу пришлось очень постараться, чтобы втереться к нему в доверие. Но для Мила нет, ничего невозможного.

На днях Роберт прислал нам приглашения на день рождение Алекса, которое будет десятого апреля.

Дани всегда был со мной, делал мне сюрпризы и дарил подарки. Вчера, например, он принес мне завтрак в постель, да мне никто в жизни не приносил завтраки в постель. Сказать, что я была счастлива, равносильно тому, что ничего не сказать.

Я постепенно приходила в норму, так сказать возвращалась в свою колею. И Дани был не плохим отвлечением. Я сомневаюсь, что его устроит быть просто другом, но что-то

большее я предложить не могу. По крайней мере, пока.

Эстер обижалась на меня, за то, что мы мало времени проводим вместе, и мне пришлось пообещать ей, что скоро все изменится. Хотя я прекрасно осознавала, что рядом со мной она в опасности.

Катарина каждый вечер приходила ко мне в комнату с каталогами платьев, помогая мне подобрать наряд для вечеринки в честь дня рождения Алекса. И со всей этой суматохой, я чуть не забыла о том, что мой собственный день рождения тоже не за горами.

Выпускные экзамены тоже приближаются, так же как и защита дипломного проекта. А он у меня написан только на сорок процентов.

Эстер настаивала на том, чтобы на мой день рождения (семнадцатого апреля), мы собрались нашей женской бандой и отправились в клуб. Ее так радовала эта мысль, что я просто не могла отказать.

Я еще не сделала это, а уже жалею. Это плохая идея. Нет, это очень плохая идея.

Глава 10

— Привет, — повернувшись, я увидела Мила стоящего на пороге моей спальни. — Можно войти?

— Конечно, это же твой дом, — я допечатала предложение в дипломе и захлопнула ноутбук.

— Да, но это твоя комната, — он прошел и сел на угол моей кровати, отодвинув гору тетрадок. — Философия? Мой самый не любимый предмет.

— Как и мой.

— Эмили, я пришел к тебе поговорить об Алексе. Я не знаю, как нам заполучить второй медальон. Хотя ты прекрасно понимаешь, что тебе будет проще сделать это, чем кому-либо из нас.

— Почему?

— Это подарок его матери, вряд ли он просто отдаст его малознакомому мужчине. И стащить его мы тоже не сможем.

— И что ты предлагаешь?

— В том то и дело, я не могу найти выход из этой ситуации, — он запустил пальцы в свои волосы, взлохмачивая их. — Пока нам просто нужно познакомиться с ним, а дальше будет видно.

— Ладно, я уверена, мы найдем выход, — я сжала его руку, и он улыбнулся мне в ответ.

— Эмс, я, конечно, знаю, что это не мое дело, но что происходит между тобой и Дани?

Сама не знаю почему, но я покраснела.

— Насколько я знаю, ничего. На самом деле ничего. Он очень мил и добр по отношению ко мне. Я не знаю, имею ли я право называть его другом, но он что-то вроде этого. А что?

— Мне просто показалось... Не важно, просто помни, что я, Дани и Сингеры хотим домой. Это наша цель. И я не хочу, чтобы потом тебе было больно.

— Да, я знаю, — но до этой минуты я не осознавала, что совсем скоро они все исчезнут. Я могу поклясться, что Даниэль говорил мне, что он собирается остаться. Что влез во все это, ради брата. Но если и верить кому-то из Уорнеров, то Милу.

* * * * *

Сегодня вечером была вечеринка, в честь дня рождения Алекса на которой Мил должен будет нас познакомить.

Катарина, любезно предложила сделать мне прическу, наверное по мне сразу видно, что руки у меня не из того места растут. Не минуты не раздумывая, я согласилась.

Платье весело на дверце шкафа. Это самое прекрасное платье, которое я когда-либо видела. Длинное, почти до пола, нежно-фиолетового цвета, без рукавов и с v-образным вырезом, собранным под грудью. Легкий, струящийся материал дополнялся поясом расшитым пайетками и камушками темного цвета. Туфли, как и сумочка были черными.

Я сидела на пуфе в своей гардеробной, Катарина старательно накручивала мои волосы на плойку. Мил стоял на нас со скрещенными на груди руками, прислонившись боком к шкафу.

— Милая, постарайся запомнить самое основное: ты — наша двоюродная сестра. Все остальное, можешь рассказывать, как есть на самом деле, твой дом сторел, поэтому ты живешь у нас, и так далее.

— По ком? — Зевая, спросила я.

— Что прости?

— Двоюродная сестра, по чьей линии, — уточнила я.

— Без разницы. Ну, допустим твоя мама, и наш отец были родными братом и сестрой, сойдет?

— Угу.

Через полчаса я стояла перед зеркалом во всей красе, Катарина собрала мои кудряшки симпатичными завитками на затылке и заколола все это дело невидимками, украсив небольшой черной розочкой, лишь у лица осталось пара прядей.

Глаза я выделила темными тенями, а губы покрасила практически бесцветным блеском. Платье сидит идеально. Я не могла на себя насмотреться. Впервые в жизни я прекрасна, у меня даже слов нет. Через пятнадцать минут мы выезжаем, парни, должно быть, ждут меня в кабинете.

Они сидят друг напротив друга и о чем-то спорят, но как только я вошла, их разговор прекратился. Вот это да. Они и в обычной одежде дадут фору любой фотомодели, а в модных костюмах от них вообще глаз не отвести.

— Парни, вы, что решили довести всех дам на приеме до сумасшествия, — пошутила я. — Отлично выглядите.

— О, Эмили, если кто и выглядит великолепно, так это ты, — сказал Дани, подойдя ко мне, оставив легкий поцелуй на моей щеке. — Я на грани того, чтобы оставить тебя дома.

Я толкнула его в бок и рассмеялась.

— Ладно, Эмили, перед тем как выехать, нам надо поговорить, — серьезным тоном сказал Мил, прерывая наше веселье.

— Пожалуйста, помни все, о чем мы говорили, — продолжил старший Уорнер. — Ни о чем не волнуйся, не нервничай, просто расслабься и получай удовольствие. И самое главное просто будь собой. Наша задача привлечь внимание Алекса, прощупать почву так сказать.

— Хорошо.

— Ну и славно, — Мил потер ладони. — Тогда удачи нам. Пусть все пройдет, как по маслу.

Ровно в восемь вечера мы подъехали к ресторану «Q5», стоянка была заполнена

дорогими машинами, а в беседке неподалеку сидели мужчины и о чем-то разговаривали. Судя по внешнему виду, это были водители, дожидавшиеся своих хозяев.

Михаэль пожелал нам удачи и уехал домой, пообещав вернуться за нами ближе к полуночи.

«Q5» был довольно симпатичный. Большое двух этажное здание из серого камня с огромными окнами в пол. У входа посажены две большие клумбы с алыми розами.

Чета Вудбери на сегодняшний вечер арендовала все помещения ресторана, так как ожидалось, по меньшей мере, около ста пятидесяти гостей.

— Эх, девочка, хватит думать, — Мил, взял меня за плечи и ободряюще посмотрел в глаза. — Забудь, что мы тут по делу, развлекись немного.

Я набрала полные легкие воздуха и улыбнулась:

— Я постараюсь.

— Вот и славно, — заявил Дани. — Сопли в сторону и вперед к приключениям.

Я взяла его под руку, и мы пошли внутрь. Играла приглушенная музыка, везде мельтешили официанты с подносами, гости разбились на небольшие группки и мило беседовали. Напротив входа были распахнуты большие двойные двери, через которые, по-видимому, можно попасть в сад.

Со второго этажа доносились обрывки чьей-то речи. Туда мы и направились по большой витой лестнице. Второй этаж был точной копией первого, за исключением небольшой сцены у левой стены.

А у правой стены стоял большой шведский стол с угощениями, а так же бар с напитками.

Оставшееся пространство в середине зала было заполнено небольшими круглыми столиками, большинство из которых были уже заняты.

Взгляды всех собравшихся были прикованы к сцене, на которой находились двое мужчин. Одному на вид лет сорок пять. Одет он с иголки, в черный костюм, который на нем невероятно хорошо сидит. Который, скорее всего, был сшит на заказ. Его темные волосы были лишь кое-где тронуты сединой, в остальном он был до неприличия красив. Все от его осанки, манеры держаться, до его голоса, выражало высокомерие и властность. Видно пока я его рассматривала, он закончил свою речь, так как все гости взорвались аплодисментами.

И тут микрофон перешел в руки ко второму мужчине. Точнее сказать парню.

— Спасибо, отец, за такую речь, — заговорил в микрофон парень. — Я очень рад вас всех здесь видеть. Не каждый день исполняется двадцать три года, — улыбнулся парень, и продолжил свою речь. Я ее не слушала, я смотрела на него. На Алекса. Мне хотелось, как можно лучше его рассмотреть.

Его голос приятный, с мягкой хрипкостью, ясный и четкий, как у политиков, но с долей озорства. Алекс Вудбери высокий и подтянутый, среднего телосложения. Загорелая кожа, худощавое лицо с широкой угловатой челюстью, пухлые губы, прямой нос. Удлиненные светлые волосы, уложенные в какой-то мальчишеский беспорядок.

Небесно-голубого цвета рубашка в мелкую клетку, обтягивает его широкие плечи и накаченные руки. А классические черные брюки идеально сидят на бедрах. Сказать, что у него впечатляющая, яркая внешность, это просто промолчать. Он само воплощение богатства и стиля. Интересно, какого цвета у него глаза?

— Эй, Эмс, — Мил взял меня за руку. — Ты в порядке?

— В порядке ли я? — О чем это он?

— Я зову тебя уже в течение минуты, ты никак не реагируешь.

— О, прости. Я, наверное, задумалась.

— Ну, ладно. Даниэль пошел осмотреться, — я даже не заметила, в какой именно момент он отпустил мою руку и ушел. — Мне надо отойти и поздороваться кое с кем. Ты не против?

— Да. Конечно, я буду в порядке. Иди куда тебе надо.

— Я найду тебя позже.

Он двинулся в противоположную сторону зала, а я недолго думая пошла в сторону бара. Я натянута, как струна, если не выпью, то впаду в истерику. Не думала, что будет так тяжело находиться среди толпы богатых людей.

Заказав коктейль на усмотрение бармена, я осмотрела зал, никого из парней не видно, даже Алекс куда-то растворился.

— Отлично, по-другому просто быть не могло.

— Ваш напиток, мисс.

— Благодарю.

Коктейль оказался не плохой, зря я не спросила название у бармена. Чувствую, совсем скоро, мне понадобится второй бокал. Никого из парней по-прежнему не было в зале, и я решила спуститься на первый этаж, чтобы их найти.

Гостей здесь было еще больше, чем на втором этаже. Приглушенный свет скрывает комнату в полумраке, а музыка звучит значительно громче. Видно вся развлекательная программа вечера проходит здесь.

— Эмили!

Я начала осматриваться по сторонам высматривая того, кто зовет меня, и я его нашла. Это был Мил, он стоял в паре метров от меня за колонной, вот почему я сразу его не заметила. Мило улыбнувшись — я и помахала ему рукой. И только потом рассмотрела того, кто стоял рядом с ним. Это был Алекс. Алекс Вудбери.

Моя улыбка расплзлась еще шире. Держу пари, я сияла, как долбанная рождественская елка.

— Мил, вот ты где, а я везде тебя ищу, — пропела я, подходя к парням.

— Прости, я совсем потерял счет времени. Алекс, позволь тебе представить мою двоюродную сестру Эмили. Эмили, это Алекс Вудбери.

— Виновник торжества, — улыбалась от уха до уха, я протянула ему руку для рукопожатия. — Примите, мои искренние поздравления.

— Спасибо большое, — святые боксеры Даниэля, у Алекса Вудбери чертовски ослепительная улыбка. К моему удивлению он не стал пожимать мою руку, а нежно поднес ее к губам и поцеловал тыльную сторону ладони, от чего мои щеки вспыхнули.

Вот это манеры, очевидно за ним выстроилась вереница девушек, которые того и гляди подкараулят меня где-нибудь и надерут задницу.

— Мне очень приятно с вами познакомиться, — наконец-то он отпустил мою руку.

— Взаимно.

Мил и Алекс продолжили свой разговор, а я лишь стояла рядом и особо не вникала в то, о чем шла речь. Официант принес нам шампанское, очень даже кстати. Я ужасно нервничала и не могла сосредоточиться. Взгляд мой блуждал по залу, сама того не осознавая я пыталась найти Даниэля, но его нигде не было.

Вернув свое внимание к спутникам, я встретила взглядом с Алексом. Похоже, он все

время с любопытством наблюдал за мной.

Зеленые. У него красивые зеленые глаза. Уголок его рта приподнялся в улыбке.

Боже, почему вокруг меня столько потрясающих мужчин?! Такими темпами я заработаю себе сахарный диабет. Его пристальный взгляд заставляет меня нервничать.

— Дорогой, вот ты где, — откуда-то слева раздался женский, писклявый голосок, на который мы все трое обернулись.

— Нора! Позволь тебе представить моих новых знакомых, — Алекс обнял свою спутницу за талию. — Это Мил Уорнер и его кузина Эмили. А это Нора, моя невеста.

— Рада знакомству, — ответила девушка, но улыбка на ее лице была холодной и заученной.

Нора очень красивая, высокая, с фигурой фотомодели. Ее длинные черные волосы уложены легкими гладкими волнами, а красная помада хорошо гармонирует с ее платьем цвета красного вина. Она настолько утонченная и ухоженная, что мне стало неловко за свой внешний вид. На фоне нее я полная замухрышка. Я даю свою правую руку на отсечение, что эта Нора, та еще стерва.

— Я прошу нас извинить, журналисты ждут Алекса для интервью. Милый, ты забыл?

— Да, точно. Я прошу прощения, — он освободил Нору от своих рук. — Рад был познакомиться, я надеюсь, вы хорошо проведете время. — Алекс пожал руку Милу, а затем мне, но задержал рукопожатие чуть дольше, чем принято, а потом скрылся, под цокот туфель своей кобылки.

— Вот стерва, — прошипела я.

— Да... этот фактор я как-то не учел.

— Потанцуешь со мной, Эмс? — Я обернулась на голос и увидела Даниэля.

— Разумеется, ведь ради этого мы здесь? — Дани закружил меня в танце. А я чувствовала, как пара зеленых глаз наблюдает за каждым моим движением, поэтому я решила сделать все, чтобы ему было на что посмотреть. Настала пора повеселиться.

Время летело быстро. Я даже не думала, что в таком месте можно хорошенько оторваться. Но хорошая музыка, напитки и новые знакомства сделали свое дело, мешали только вспышки фотокамер, но к этому быстро привыкаешь.

Глава 11

Прошло уже пару дней с тех пор, как мы были на дне рождения Алекса. Но от него не было, никаких вестей, так что, никто из нас толком не знает, сработал наш план или нет. Что делать дальше пока тоже не известно.

Какие же парни наивные, раз думали, что я чем-то могу его привлечь. Он богат, нет, он супер богат, за ним девушки толпами ходят, штабелями падают к его дорогим ботинкам. Алекс избалован женским вниманием. Мне Вудбери явно не по зубкам.

— Эмили, ты совсем сдурела? — Эстер дернула меня за руку, тем самым вырвав из потока мыслей, от удивления я распахнула глаза и поняла, что стою на краю проезжей части, светофор горел красным. — Ты хоть изредка смотри куда идешь, доли секунды отделяли тебя от поцелуя с бампером вон той машины.

— Блин, я задумалась, милая. Прости, что напугала тебя.

— Детка, я с тобой поседею к тридцати годам. Ты меня точно доведешь до нервного тика. Мой глаз уже дергается, — продолжала причитывать Эстер. — Я уже жалею, что попросила проводить меня до издательства, ты точно до Уорнеров живой не доберешься.

Пусть Даниэль заберет тебя. Пока есть что забирать.

— Ми-ми перестань, все будет хорошо. Я как-то жила без мальчиков Уорнеров двадцать один год, значит, и еще один день проживу.

— Кстати про двадцать один год. У тебя день рождение послезавтра. И да я знаю, что ты не хочешь его отмечать, но все же столик в клубе «La Nuage» заказан. И видит Бог, ты пойдешь туда, даже если мне придется тащить тебя за волосы. Ты меня знаешь, если я сказала...

— Да, да, да, — я перебила Эстер. — Я все поняла. И думаю, это прекрасная идея. — Я всеми силами старалась изобразить правдоподобную, радостную улыбку, но, по-видимому, сильно переиграла. Подруга лишь покачала головой, и потащила меня на другую сторону улицы.

— Эмили!

Я закутила головой по сторонам, в поисках человека, выкрикивающего мое имя. Но я никого не видела.

— Эмили! — Мужской голос раздался позади меня и я медленно повернулась.

Скорее всего, со стороны я выглядела, как крошка Бакс Банни, у которого глаза выпали из орбит. Навстречу мне шел парень, его ослепительная улыбка затмила солнце. Темно-синяя рубашка, тонкий галстук, брюки, светлые волосы, зеленые глаза... Зеленые глаза? Алекс!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Твою мать! — Прошипела я, сквозь натянутую, идиотскую улыбку. Эстер видимо тоже обернулась и увидела объект моего внимания, потому что выглядела она, как крошка Бакс Банни номер два.

— Алекс! — Я старалась собраться и не выглядеть, как полная идиотка, но не могла, меня, словно парализовало. — Не ожидала тебя увидеть.

— Аналогично, — он не просто улыбается, он сияет, как маяк. — Я ехал на обед, и увидел тебя, не смог удержаться и остановился, чтобы поздороваться. Вы так быстро ушли прошлый раз, я не успел с вами попрощаться.

— Да, такое количество людей утомляет. Алекс, это моя лучшая подруга Эстер, — чувство паники подкатывает к горлу. Я не успела рассказать Эстер всю эту легенду о братьях-сестрах. Только бы она не сболтнула лишнего.

— Очень приятно, — сказала подруга и протянула Алексу руку. К моему удивлению он лишь мимолетно ее пожал. Видно наш красавчик не всем целует ручки.

— Взаимно, — Алекс спрятал руки в карманы своих дизайнерских брюк. — Дамы может, пообедаете со мной?

Мы с Эстер переглянулись. Она сразу просекла, в чем дело. За это я ее и люблю. По части интриг Эстер просто нет равных.

— О, милая, я знаю, что просила тебя побыть со мной в редакции, но ты можешь пойти пообедать с Алексом. Куда интереснее дожидаться Даниэля в обществе парня, чем компьютеров.

Я не знаю, как поступить. Страшно так сильно, что даже в глазах темнеет. Но я должна играть ту роль, на которую меня натаскали ребята.

— Да. Я бы с удовольствием выпила кофе, — я поцеловала подругу в щеку. — Я тебе позвоню.

— Хорошо, и не забудь о планах на пятницу. Я хочу, чтобы ты сразила всех наповал, —

Эстер лукаво улыбнулась и помахав рукой, скрылась за поворотом.

— А что будет в пятницу? — Поинтересовался мой спутник.

— Мой день рождения.

— Надо же, теперь и у меня будет возможность поздравить тебя с днем рождения.

Мы подошли к его машине. Я ели сдерживала дикий смех. Я на грани расхохотаться прямо посреди улицы. Серьезно, настолько предсказуем был его выбор машины. Кричащий, спортивный автомобиль Toyota GT86, красного цвета. На такие обычно засматриваются не далекие дамочки, любящие цацки, красивых мальчиков и деньги.

Он открыл мне дверь со стороны пассажира и помог сесть. Я закатила глаза, похоже, будет сложнее, чем я думала. Не в плане того, что он «крепкий орешек», нет. Он просто уже меня бесит.

— Куда предпочитаешь поехать?

— Удиви меня, — я пристегнула ремень безопасности, и мы сорвались с места.

Алекс выбрал небольшое милое кафе. Кованые стулья и красивые столики с мраморной столешницей. На каждом из них лежат не большие, белые, накрахмаленные салфетки, а так же стоят голубые вазочки с цветами. Все пропитано запахом кофе и корицы.

— Мне определенно нравится твой выбор!

— Да, это мое любимое место в городе, я тут часто бываю. Хозяйка кафе, была близкой подругой моей мамы.

— А почему была? Сейчас они не дружат?

— Нет, не в этом дело. Моей мамы больше нет с нами. Она умерла, — последние слова он просто выдавил из себя, ему до сих пор трудно это признать. Я чувствую себя полной идиоткой, ведь знала же, что тема очень деликатная, какого хрена начала ее?! Бестолочь.

— О, Алекс, прости меня. Мне очень жаль, — Боже, что я несу? Я постоянно слышу это когда люди узнают мою историю, всегда говоря вот такими клише. Мне захотелось исправиться: — И я это говорю не потому, что так принято говорить, ты не подумай. Мне, правда, жаль. Я сочувствую тебе и понимаю, как это, горевать по родителю. Я потеряла обоих. Поэтому мне, правда, жаль.

Алекс ничего не ответил, лишь грустно кивнул, а затем улыбнулся и повел меня в сторону столика у окна, но его лучезарная улыбка никак не отразилась в его глазах.

Его улыбка — это средство скрыть свою боль и печаль, четко отработанный рефлекс.

— Ну и как прошла вечеринка? — Я решила сменить тему на нейтральную.

— В целом не плохо. Но это был не мой праздник, а моего отца. Он бы устраивал подобные приемы каждую неделю, если бы у него было время. Отец любит собирать богатых друзей и выманывать у них деньги, попивая при этом шампанское. Для него это забавно.

— Ну, все прошло довольно не плохо, — официантка принесла наши заказы два черных кофе и лимонные пирожные. — Я умудрилась повеселиться и познакомится с замечательными людьми. Ты просто скромничаешь.

Мы проболтали два часа. Он был мил и весел, я совсем забыла про время, и мое мнение об этом парне изменилось в лучшую сторону. Наконец-то я думала о чем-то помимо медальонов, смерти и братьев. Только я и Алекс. Не знаю, почему, но я бы хотела иметь такого друга, а еще я жажду разгадать все его тайны. А тайн у него гораздо больше чем у меня.

Я даже не стала звонить Даниэлю, чтобы он приехал и забрал меня, а с удовольствием

согласилась, на предложение Алекса подвезти меня до дома.

Мил и Катарина сидели на кухне и пили чай, казалось, их даже не удивило то, с кем именно я вернулась домой, они лишь улыбнулись мне и сказали, что все идет по плану.

— А где Дани? — Обратилась я, к ребятам наливая себе стакан ананасового сока.

— Не знаю, — Катарина встала и принялась убирать со стола. — Я не видела его с тех пор, как утром вы вместе покинули дом.

— Я тоже не имею понятия, — ответил Мил.

— Мило, — больше мне сказать нечего. Они определенно знают, где он шляется, но ясно дают понять, что это не моего ума дело.

Пообщавшись с Эстер в социальных сетях до полуночи, я просто выбилась из сил. Но сна не было, ни в одном глазу. Ночами мне всегда тяжело уснуть, меня одолевают мысли. Я все время боюсь чего-то, или о чем-то жалею. Но чаще всего я думаю о людях, которые были в моей жизни.

Они появляются в моей жизни так же резко, как и исчезают. Я даже сбилась со счета, сколько подруг у меня было, а сейчас с большинством из них я даже не здороваюсь. Это просто убивает меня. Отдавать всю себя человеку, чтобы потом спустя год, два, пять, потерять его, скучать по нему. Бессмысленно.

Осознавая всю эту ситуацию, я перестала впускать кого-либо в свою жизнь. И я бы хотела сказать, что от этого жить становится легче, но не могу. Ничто ни сделает эту жизнь легче. И мне до ужаса хочется впустить в свою жизнь Алекса. Стать ему другом, только он сможет понять мою боль и тоску по родителям. Но я должна помнить, что он не друг, он лишь задание, которое я пообещала выполнить. Которое я должна выполнить.

Даниэль вернулся лишь ночью. Я оставила дверь в свою спальню приоткрытой и ясно видела, как он прошмыгнул в свою комнату в районе двух часов ночи. Ко мне зайти, судя по всему, он не посчитал нужным.

Утром его снова не оказалось и все утверждали, что он перед ними не отчитывается, так что в роли «Службы доставки Эмили» сегодня выступала Катарина.

Занятия по английскому языку закончились еще в первой половине дня, и дальше по расписанию ничего не было. Я не хотела возвращаться домой, не знаю почему, поэтому решила позаниматься со своим научным руководителем. И он как будто специально растянул занятия до восьми вечера. Так, что когда Катарина доставила мою задницу обратно домой, я была в коматозном состоянии, и хватило меня лишь на душ, а после я завалилась спать.

Лучи солнца пробираются сквозь крону дерева, создавая причудливый узор на моем любимом пледе, который мама подарила мне семь лет назад.

Теплый воздух окутывает меня, как кокон. Я узнаю место, где нахожусь. Это городской парк, наше любимое место с Эстер. Под этим дубом мы провели кучу времени прошлым летом. Подруга рисовала картины, а я читала любимые книги.

Я оглядываюсь по сторонам, чтобы найти свою Ми-ми. Но вместо нее вижу незнакомца выходящего из-за дерева.

Молодой парень высокого роста и худощавого телосложения. На нем серая майка и потертые джинсы. Мне не видно его лица, оно выглядит как калейдоскоп кривых зеркал.

Парень плюхнулся на плед напротив меня. Я не вижу, но знаю, что он улыбается. Меня должен был охватить ужас, но мне еще ни разу в жизни не было так спокойно.

Он протянул свою руку и взял мою ладонь, развернув ее кверху, нежно вложил в нее что-то и сжал мои пальцы в кулак. Я не успела рассмотреть, что это было, так как уставилась на его запястье. На нем красовалась татуировка, почти такая же, как у Уорнеров, за исключением того, что кольцо было голубого цвета. Под татуировкой написано его имя — Кайл. Он ангел. Настоящий ангел.

От испуга я отдернула руки и в туже секунду проснулась в своей постели. Часы показывали шесть утра, семнадцатое апреля. Я потерла лицо руками, и заметила, что из руки у меня что-то выпало. Маленькое, белое перышко лежало на моем одеяле.

— С днем рождения меня! — Я упала обратно на подушку, зажав перо в кулаке.

Я провалялась в кровати до девяти часов. Надеюсь уснуть и досмотреть свой сон, но хрен там, мои мозги уже во всю продумывали возможные конфузные ситуации, в которые я могу вляпаться сегодня вечером.

Катарина приготовила лимонно-творожный торт. Наверное, весь мир знает о моей лимонной слабости. И я чертовски этому рада.

За столом все были безумно веселые и милые. Все, кроме меня. Я же улыбалась лишь ради приличия, только утро, а настроения у меня уже не было. Типичное состояние для семнадцатого апреля.

Мил принес бокалы с шампанским.

— Эй, не рановато ли для спиртного? Ты нас спаиваешь? — Пыталась пошутить я.

— На самом деле ты права, для этого рановато. Но раз тебя не будет на ужине, я посчитал это уместным. Я бы хотел сказать пару слов.

Все встали со своих мест, и я последовала их примеру. Все было так торжественно, и мне стало стыдно, что я поленилась переодеться, и спустилась на завтрак в пижаме с мишками. Блин.

— На самом деле я пытался приготовить речь, — заговорил Мил, выводя меня из задумчивости. Я перевела на него свой взгляд. — Но что-то не пошло. Поэтому я буду говорить экспромтом и от чистого сердца. Эмили, я так рад, что судьба свела нашу семью с тобой. Это величайший подарок, который каждый из нас мог бы получить. Мы так давно живем на этой земле, что совсем потеряли вкус к жизни, дружбе, любви. Ты оживила наш дом и наши души. Для меня ты не просто девушка, живущая в моем доме, ты мне стала младшей сестрой. И я желаю тебе, чтобы года не забирали твою искренность, открытость и доброту. Пусть время будет не властно над твоей духовной силой и красотой. За тебя!

— Спасибо! — Мы все чокнулись бокалами, и сама того нехотя я расплакалась, ведь впервые за шесть лет я обрела, что-то похожее на семью.

— Ну, вот, сейчас соплями забрызгаешь весь торт, Бэмби! — Рассмеялся Даниэль. — Кто так делает вообще? Именинникам плакать не положено. Особенно таким старым, как ты. Двадцать два года, кто вообще доживает до таких лет?

— Даниэль, прекрати, — Катарина шлепнула его по плечу, но его слова вызвали у меня улыбку.

— И не подумаю. Наша несмеяна наконец-то улыбнулась. Эмс, мы все долго думали, что тебе подарить, и я уверен, что они, — Дани кивнул на смущенных Сингеров и взволнованного Милана. — Подарили какую-нибудь ерунду, так что можешь даже не открывать их подарки. Ладно, ребят, я шучу. Мы не стали тащить все это вниз, поэтому они ждут тебя в твоей комнате, и мы надеемся, что они тебе понравятся.

— Ребят, не стоило, правда, — мне так неловко, я готова сквозь землю провалиться. —

Вы и так слишком много для меня сделали, и вот это утро, с вами за одним столом, и этот супер вкусный торт, самый лучший подарок, о котором я могла бы только мечтать. Я рада, что в этот день я не одна.

— Мы тоже рады, — Катарина обняла меня за плечи и поцеловала в щеку.

Сразу после завтрака курьер привез огромный букет цветов и подарок. Я нашла в цветах карточку:

«Букет — всего лишь слабая попытка сравнить тебя с цветами.

Но куда им... Ты всех цветов прекрасней!

С днем рождения!

Алекс...»

Мне никогда не дарили настолько красивый букет. Не банальные розы, а целое произведение искусства, собранное из разнообразных цветов, от гербер до лилий.

Эстер приехала к двенадцати часам. Она уселась на мою кровать и уплетала здоровенный кусок торта, который Катарина приберегла специально для нее.

— Ты так и не открыла подарки?

— Нет, не было времени, — ответила я, возвращаясь в комнату из гардеробной неся в руках вешалки с одеждой, я до сих пор не выбрала, что одеть вечером.

— Не ври мне. Ты просто не хочешь этого делать. Но мой подарок ты все равно откроешь. Если ты не сделаешь этого — я обижусь.

— Ладно, ладно, — я подошла к кофейному столику, на котором громоздились коробки с подарками, и взяла подарок от Эстер, на глаза попалась надпись «Pandora».

— Серьезно? — У меня загорелись глаза, браслет от «Pandora», я так давно себе его хотела, но только руки не доходили, а Эстер видимо запомнила это.

Я направилась к подруге и стиснула ее в объятиях.

— Милая, спасибо, он прекрасен. — И я ничуть не лукавила, я была счастлива. — Застегнешь? — Подруга быстро обвила браслетик вокруг моего запястья и начала застегивать его, пока я любовалась шармами. Один из них был в виде рождественского ангела с крохотным сердцем внутри.

— Эстер, тебе когда-нибудь снились странные сны?

— Тебе известно, что да.

— Нет, ты не поняла меня. Да и как объяснить я толком не знаю.

— Просто расскажи мне его, — она снова принялась за торт, в то время как я начала пересказывать ей свой сон. В конце рассказа я достала из шкатулки перо, которое нашла сегодня утром.

— Подруга, я, конечно, тебя прекрасно понимаю, когда снятся сексуальные парни — это круто. А вот когда у этих сексуальных парней за спиной крылья — это прямое показание к психиатрической больнице, — высмеивала меня Эстер.

— Ну, спасибо. Если бы я хотела, что бы надомной поржали, я пошла бы к Даниэлю.

— Ну, извини, больше не буду. Я уверена, что это просто сон, а перо выпало из подушки.

— Ты совсем? В моей подушке нет перьев, там имитация плюс бамбук, я первым делом проверила. Да и это мало похоже на птичье перо.

— Еще скажи, что оно принадлежит ангелу, — прыснула от смеха подруга. И я почти крикнула «именно так», но вовремя себя одернула. Эстер об этой стороне моей жизни было неизвестно, она не поймет.

— Ты права, это полный бред. Мне надо больше спать, а не болтать с сумасшедшими до полуночи.

— Ха-ха, очень смешно, — доев свое угощение, подруга направилась к вороху одежды, который я принесла. — Давай лучше подберем тебе наряд на вечер. А то пропрешься в пижаме.

Оставшийся день мы провели в подготовках к вечеру.

Для меня мы выбрали белый расшитый бисером топ без рукавов, темно-синие узкие, укороченные брюки и пару черных ботинок. А Эстер выбрала для себя синее платье без бретелек, черный пиджак и такого же цвета сапожки. Свои волосы она завилала на плойку и подобрала с одной стороны невидимками, мои же уложила крупными локонами и сказала:

— Не дай Бог, ты стянешь их резинкой, я отрежу тебе их, прям там, в клубе. Имей это в виду. Сегодня ты будешь блистать.

В этом вся Эстер.

В десять часов вечера Михаэль привез нас в «La Nuage», где уже были девочки: Камилла, Таня и Беатрис. Мы все дружим со школьных времен, но в последнее время я почти перестала с ними общаться, видно Эстер решила это исправить.

Наш столик в vip зоне уже был накрыт. Всевозможные закуски, коктейли, фрукты, шоколад и шампанское. Много шампанского.

Народу было не много, обычно все подтягивались после полуночи.

Я не хотела напиваться, но глядя на подруг, я поняла, что они решительно настроены сделать обратное.

После пятого бокала я сбилась со счета. По крайней мере, алкоголь помог мне забыть обо всем: об ангелах, медальоне, Уорнерах и Эдеме. Все это отодвинулось на второй план, и осталась только я и музыка. Только это и больше ничего.

Девочки вытащили меря в середину танцпола, толпа потных мужских и женских тел просто поглотила нас, заводя своим ритмом, энергетикой и басами. Я закрыла глаза и растворилась в музыке, словах, движениях.

Меня поглотила атмосфера, алкоголь и музыкальные биты. Я не была в таком нереальном состоянии кучу времени и именно сейчас, именно здесь я понимаю что живу.

Раньше мы с Эстер каждые выходные выбирались в подобные места. Здесь невозможно думать, чувствовать и переживать. Тут нет эмоций, только эйфория и люди, такие же, как ты. Все приходят в клуб отвлечься от своей жизни, проблем и забот.

Именно в таких местах я справлялась с потерей родителей. Родители... я не должна думать о них сейчас. Но, если не думать о них в день моего рождения, то когда же?

Мне стало дурно...

— Мне жарко, — прокричала я на ухо Эстер. — Пойду освежусь.

Ответом мне послужил кивок, и потом она продолжила тереться об какого-то парня. Видел бы ее сейчас бойфренд, была бы поножовщина.

Глава 12

В женском туалете никого не было, я подошла к зеркалу и начала поправлять макияж, от количества выпитого меня шатало. Ума не приложу, как я все еще сохраняю вертикальное положение. Смочив лицо холодной, я наконец-то почувствовала облегчение.

Промокнув лицо бумажным полотенцем, я услышала, как распахнулась дверь и в

помещение кто-то зашел. Обернувшись, я увидела парня. Не просто парня, а самого горячего парня, которого я когда-либо видела. Он не просто горяч, он С-У-П-Е-Р Г-О-Р-Я-Ч!

— Это женский туалет.

— Я знаю, — парень лукаво улыбнулся, и все мое тело обдало жаром. Я просто потеряла дар речи, открывала и закрывала рот, словно рыба на суше. Видно парня позабавил мой вид, он засмеялся заразительным смехом, словно перезвон колокольчиков. На его щеках появились ямочки.

От него словно исходит свет, этот парень похож на ангела, я никогда в жизни не видела ничего прекраснее, а в последнее время я видела много красивых мужчин.

Мои глаза словно начали жить своей собственной жизнью, жадно впитывая каждый миллиметр его тела. И когда мой взгляд упал на его левое запястье, я поняла, насколько близко была к правде. Он ангел.

Меня охватила паника, я попыталась сделать шаг назад, но начала падать. В мгновение ока парень оказался рядом и подхватил меня.

— Не время падать в обморок, красавица, — он нежно убрал волосы с моего лица. — Нам надо убираться отсюда. Через минуту здесь будут очень не хорошие дядьки.

Он говорил медленно, смотря мне прямо в глаза. Видимо думал, что так до меня дойдет быстрее, но я, ничего не слышала. Наверное, я никогда не смогу налюбоваться его прекрасными, нежно-кариими глазами, похожими на теплый кофе.

— Эй, ты меня слышишь?

— Да. Я все поняла.

— Нет, меня ты не поняла. Они знают, кто ты и идут сюда за тобой.

— Что? Но как? Откуда ты...?

— Это потом. Уходим.

И тут, словно по щелчку пальцев, дверь разлетается в щепки. В воздухе образовался столб дыма, сквозь который просматривается толпа мужчин одетых в черное, с масками на лицах. Каждый из них держит в руках по автомату.

Крик застрял где-то в моем горле, а потом все исчезло. Через микросекунду я уже была на берегу озера. Под тем самым деревом, где Даниэль устроил для нас пикник.

— Какого черта?

— Эмили, серьезно? Ты ждешь объяснений?

— Да. Пока я не услышала этого от тебя, буду считать, что просто вдрабадан пьяная. Что было нужно этим людям?

— Ты и медальон, это ясно как день, — Ангел сел, на землю облокотившись спиной о дерево, согнул одну ногу в колене, а другую выпрямил. — Оно того стоило?

— О чем ты?

— О том, что ты напилась.

Я покраснела от пяток до кончиков волос. Мне еще ни разу в жизни не было так стыдно. Плюхнувшись на землю рядом с парнем, я прижала ноги к груди и обвила их руками. Все мои вещи и телефон остались в клубе, от озера исходила ночная прохлада, голые плечи начали замерзать. Это хорошо, быстрее протрезвею.

— Я не считала это хорошей идеей.

— Но все же напилась.

— Да ты кто вообще такой? Сидишь мне тут нотации читаешь, а я даже имени твоего не знаю.

— Все ты знаешь, — парень потер пальцами глаза, словно они жутко устали.

— Кайл? — Мой собеседник кивнул. — Отлично просто. Это был не сон? Кто ты такой?

— Это был сон. Я могу пробираться в чужие сны. Мил делал это, так почему ты удивлена?

— Одно дело Мил, а другое ты, — воспоминание о нем в моем сне, отозвалось на моем лице, я покраснела еще больше, если это вообще возможно. Я и подумать не могла, что он настолько красив. Братья Уорнеры, Алекс, безумно красивые мужчины, но в них нет и тридцати процентов той красоты, которой просто наполнен Кайл.

— Зачем? — Голова словно наполнена опилками, в ушах звенит, мне ужасно сложно сформулировать свои мысли. — Зачем ты вмешался?

— Уорнеры не рассказывали тебе, зачем посылают ангелов на землю?

— Нет, никто из них не упоминал об этом.

— Когда смерть начинает преследовать человека, который в будущем должен сделать какое-то великое дело, ему назначают ангела хранителя, который должен помочь своему подопечному избежать смерти и выполнить свое предназначение. Таким образом, ты, Эмили, мой подопечный.

Ужас сковал меня, если я правильно поняла то, что он только что сказал... то ангел спас мою чертову пьяную задницу. Эти маски-шоу убили бы меня так же, как месяц назад убили Зака. Боже, какой идиотизм, словно вся вселенная настроена против меня.

— И когда я должна умереть?

— Десять минут назад, — ответил ангел, как само собой разумеющееся. Слава богу, я выпила лошадиную дозу спиртного, иначе прямо сейчас я бы уже билась в истерике.

Твою мать.

— То есть, больше опасности нет? Я буду жить? Боже, Кайл, скажи, что я буду жить!

— Я сделаю все, что бы так было.

— Боже, я даже думать об этом не хочу. Это слишком, даже для меня.

Между нами повисла тишина, в которой мы так и сидели, смотря в пустоту. Мне это начало надоедать, и я решила нарушить эту минуту молчания:

— Слушай, а там все такие... как ты? Или только тебе так повезло?

— Какие это «такие, как я»? — Кайл улыбнулся, и я сразу же уставилась на ямочку на его левой щеке. До чего же это мило. Боже, я и вправду слишком пьяная.

— Ты действительно думаешь, что я скажу это вслух?

Он рассмеялся:

— Честно сказать, я очень на это рассчитывал.

— Забудь.

— Да. Там все такие, как я, и это считается вполне нормальным. Наша внешность впечатляет только людей.

— А разве могло бы быть по-другому?!

Я заставила себя подняться на ноги, стоять на них получается все лучше и лучше, алкоголь выветривается из организма.

— Слушай, мне холодно, верни меня обратно, вдруг там уже все утихло. Ну, или перемести меня или как это у вас там называется, в дом Уорнеров.

— Я не могу.

— Как это ты не можешь? Тогда дай свой телефон, я позвоню Даниэлю, он заберет меня. У тебя же есть телефон?

— Ты совершаешь большую ошибку, доверяя Даниэлю. На твоём месте я бы старался лучше разбираться в людях.

— Ты не на моём месте, и никогда на нём не будешь.

— Хвала Богам.

— Ты дашь мне телефон?

— Нет.

— Тогда верни меня обратно.

— Нет.

— Боже, как с тобой трудно. Ладно, была рада наконец-то увидеть твоё лицо. Всего доброго, — я развернулась и пошла в сторону дороги, до дома Уорнеров совсем не далеко. И хотя идти по лесу ночью не самая хорошая идея, другого способа вернуться домой у меня нет.

— Ты ему не нравишься, Эмили, — его слова ударили меня в спину подобно камню. Я резко остановилась, осмелившись обернуться к нему лишь на пол оборота. — На самом деле Даниэль просто использует тебя. Хочет, чтобы ты достала этот чертов медальон. — И я бы, наверное, разозлилась, начала кричать на Кайла, если бы не знала насколько он прав.

— Я знаю. — Это все, что я смогла ему ответить, а затем шагнула в темноту, под кроны деревьев.

— Ты сума сошла? — Кайл появился на моём пути, просто материализовался из воздуха. — Тебе жить надоело? Нашла время, прогуливаться по лесу.

— А что ты мне предлагаешь, Кайл? Они сходят сума, наверное, я пропала в разгар заварушки, Эстер там одна и скорее всего в панике. Я не могу её так бросить, она мне как сестра.

— Эмили, просто остановись, — прежняя веселость пропала с лица Кайла, он посмотрел мне в глаза и мой мир рухнул. — Я должен тебе рассказать.

— Нет. Чтобы ты не хотел мне рассказать, не надо. Замолчи, — у меня началась паника, я знаю, по его лицу вижу что то, что он мне сейчас скажет, сломает меня навсегда. Мою грудь разрывает невыносимая боль, которая словно в зеркале, отражается в глазах моего ангела. — Пожалуйста, не говори ничего.

— Ты должна знать, — я начала отступать от него. Слезы омывали моё лицо, перед глазами все плыло. Кайл в два больших шага преодолел расстояние между нами, и сжал мои плечи. — Эстер больше нет, Эмили, никого больше нет. Они убили всех, сожгли клуб дотла.

— Нет, ты врешь. Ты врешь! — Шептала я в темноту, хотя в глубине души знала, что это правда. Я чувствовала это. Но не могла принять тот факт, что все они погибли из-за меня. Эстер погибла из-за меня.

— Как бы я хотел, чтобы это была лож.

— Покажи мне. Верни меня туда. Твою мать, верни меня туда!

Меня окутал запах гари и дыма, перед глазами пылали яркие вспышки от огня, где-то вдалеке выли сирены, но я не слышала, ничего кроме треска огня и своего сердцебиения. В таком пожаре невозможно выжить. Это всепоглощающий пожар.

Меня охватило чувство безнадежности. Я словно еду на товарном поезде, который мчится на всех парах. И вместо того, чтобы остаться на нём и бороться за жизнь, я спрыгиваю с него, на всей скорости.

Я падаю на колени.

Больше не в силах сдерживать рыдания я отпускаю их наружу. Я кричу. Кричу так, что

горло горит огнем и разрывается на части. Кричу до тех пор, пока есть силы. И даже когда их совсем не остается, мой крик продолжается, хоть уже и безмолвный.

Я потеряла всех, кого когда-либо любила. И теперь я по-настоящему одна. Одна во всем мире.

Я тону в одиночестве и впервые в жизни мне кажется, что я не смогу выплыть.

Глава 13

Я проснулась в незнакомом месте. За окном всюду светит солнце. На мне все та же одежда, в которой я была в клубе. От взгляда на нее ко мне вернулись картинки прошлой ночи, от чего слезы побежали по щекам. Я до сих пор не могу это принять.

— Проснулась?

Я обернулась на голос и увидела Кайла заглянувшего в приоткрытую дверь, в ответ я лишь кивнула.

— Как ты себя чувствуешь?

— А как, по-твоему, я должна себя чувствовать? — Попыталась огрызнуться я, но хриплый голос порезал мое горло, как бритва.

— Хотел бы я знать, — грустно улыбнулся Кайл. — Я лишен этого.

— Лишен чего? — Спросила полупшепотом я. Видно только шепотом я смогу разговаривать ближайшие недели. Или вообще не разговаривать. Это мне нравится больше.

— Чувств. Всех человеческих чувств. Они мне не знакомы.

— Как я тебе завидую. Честно.

— Это не то, чему стоит завидовать, Эмили, — я не стала с ним спорить, явно, что у нас с ним разные понятия о том, что лучше. — В ванной лежит чистая одежда, я принес ее из твоей спальни в доме Уорнеров, а на кухне тебя ждет много кофе, я подожду тебя там. Можешь не торопиться.

Он вышел из комнаты, оставив меня одну. Я хотела спросить у него о Миле и Даниэле, о милой Катарине. Волнуются ли они за меня? Ищут или скорбят о потере?

Я поднялась с постели и побрела к открытой двери, ведущей в ванную. Заперев ее, я начала раздеваться, но поймала свое отражение в зеркале и ужаснулась. Я выгляжу почти так же ужасно, как и чувствую себя.

Включив воду в душе, я шагнула под ее поток. Холодная вода обжигала каждый дюйм моего тела. Омывая лицо, тело, но не мою душу.

У всего в мире есть предел, даже у боли. Когда она достигает его и переваливается через край, все вокруг становится безразличным и пустым. Боль больше не убивает тебя, не пожирает, не уничтожает, она бросает тебя в пустоту, где нет ничего. Ни любви, ни веры, ни мыслей. Туда, где нет даже тебя.

Я отрегулировала воду до нормально температуры, но теплые капли спровоцировали мое воображение. Передо мной всплывали образы огня, людей и как пламя поедает одежду, волосы, их плоть.

Какого это, стореть заживо? Это невыносимо. Никто не заслуживает такой мучительной смерти. Особенно моя Эстер. И я молю Бога о том, чтобы Эстер была мертва еще до того как огонь начал пожирать ее тело.

Выйдя из душа, я наткнулась на свою дорожную сумку. После гибели родителей я взяла за привычку собирать сумку с вещами первой необходимости, где всегда есть аптечка, косметика, средства гигиены, чистые вещи, небольшая сумма денег, фотография родителей,

документы, телефон и еще всякие мелочи. Эту сумку я собрала две недели назад и спрятала за коробками с обувью. Я даже не думала, что она сможет мне пригодиться. Откуда Кайл узнал про нее?!

Я переоделась в футболку и серые спортивные штаны, больше всего на свете мне сейчас хочется комфорта. Грязные вещи я выкинула в мусорное ведро, сомневаюсь, что я когда-нибудь в своей жизни снова их одену.

Выйдя из спальни, я оказалась в небольшом коридоре, в конце которого была винтовая лестница ведущая вниз.

Первый этаж представлял собой одну большую комнату, поделенную на три зоны: гостиная, столовая и кухня, отгороженная барной стойкой. Стены отделаны красным, состаренным кирпичом. Это место полная противоположность дома Уорнеров, нет предметов роскоши и дорогих украшений, но, тут очень мило.

— Нравится то, что ты видишь?

Я не стала вызывать новую вспышку боли в горле, поэтому лишь кивнула.

Стол был накрыт на двоих, тосты с джемом, фрукты, сок и кофе, как я хочу кофе.

Я села возле окна, а Кайл устроился напротив меня и налил нам полные кружки ароматного кофе.

— Я думала, что ангелы не едят, — прохрипела я, черт я звучу, как туберкулезник.

— Ну, нам это не обязательно, но разве можно устоять? Наверное, чертовски болит? Давай я тебе помогу. — Кайл встал и подошел ко мне, положил руки на мою шею и я, грешным делом, подумала: а не собирается ли этот красавчик меня придушить? Но тут шею окутало тепло, и боль стихла, Кайл улыбнулся, выставив напоказ свои ямочки.

— Готово! Скажи что-нибудь.

— Как ты узнал о сумке? — Я проговорила все тем же шепотом, но боли не было, поэтому я прочистила горло и продолжила уже в полный голос.

— Ты что следил за мной? — Кайл кивнул, и его улыбка стала еще шире, как такое вообще возможно? — Могу только представить, во время чего еще ты присутствовал. И как ты вообще это сделал? Снял боль?

— Это такой дар. Все ангелы это могут, залечить царапины, снять боль и всякое такое. Нам неподвластны серьезные ранения и болезни, но с горлом я могу справиться, — Объяснил мне парень, размазывая джем по тосту, и только сейчас я вспомнила, что давно ничего не ела, так что я последовала его примеру.

— Полезно дружить с тобой. Который час?

— Два часа дня.

— Я проспала девять часов? — Странно, у меня такое чувство, словно я проспала целую вечность.

— Эмили, сегодня девятнадцатое апреля, воскресенье.

— Как воскресенье? Я не могла столько проспать.

— На самом деле могла. С моей помощью разумеется, — смущенно объяснил Кайл, ожидая моей бурной реакции, он смотрел куда угодно, но только не на меня.

— Фантастика! — Сыронизировала я. — И что стало известно за это время?

— В клубе сгорело сто двадцать человек, еще даже половину из них не опознали, так как там полная каша тел и... Черт, прости.

Я уронила свой тост на тарелку и, замерев, ждала наступления боли и отчаяния, но... Я совершенно ничего не почувствовала. Внутри меня не было ничего, сплошная пустота.

Словно я наглоталась антидепрессантов. Мне знакомо это чувство, я жила с ним на протяжении двух лет после гибели моих родителей, до тех пор, пока мой врач не перестал выписывать мне рецепты. И я наконец-то столкнулась со своей новой реальностью. Но на этот раз я ничего не принимала, скорее всего, это очередная ангельская фигня.

— У тебя есть время подумать, что делать дальше. Вернуться к Уорнерам и снова подвергнуться опасности или уехать из города и начать новую жизнь. Ведь тебя тут больше ничего не держит. Подумай об этом.

— А что Уорнеры?

— А что они?

— Как они отреагировали на мою возможную смерть?

— Они думают, что ты выжила, по крайней мере, Мил на это надеется. Но медальон в доме Уорнеров, так, что их волнение быстро сойдет на нет. Ты сама его там оставила, он к тебе не вернется, а того парнишку они и сами как-нибудь разведут на второй.

— Как ты жесток.

— Во мне нет ни капли жестокости, Эмили. Я просто смотрю на ситуацию со стороны, непредвзято. И тебе стоит последовать моему примеру.

— Я подумаю над твоим советом.

Я схватила тост и намазала на него толстый слой джема, ели мы в тишине. Тише бывает только в морге, и то на этот счет я не особо уверена.

Доев Кайл начал убирать со стола.

— Есть ли хоть один шанс, что она жива? — Мой вопрос прозвучал настолько тихо, что я засомневалась, что Кайл услышал его. Он уже вторую минуту молча моет посуду, а я не осмеливаюсь задать этот вопрос второй раз.

— Если бы был хоть малейший шанс, что в том пожаре мог выжить хоть кто-то — меня бы туда не отправили. Мне жаль, — он выключил воду, а у меня сложилось такое чувство, что Кайл только что выстрелил мне в сердце. Я могу поклясться, что слышала выстрел.

После обеда мы устроились на диване и смотрели телевизор. Все местные каналы говорили только об одном:

«Ночью восемнадцатого апреля случилась трагедия. Сгорел один из самых модных клубов нашего города. В результате пожара погибло сто двадцать человек, посетители и персонал. По нашим данным никто не выжил. Двадцатое апреля объявляется днем траура, и в три часа дня на городской площади мэр нашего города произнесет речь, после которой состоится минута молчания. Точные имена погибших пока не известны... Мы будем держать вас в курсе событий. А пока...»

Первым не выдержал Кайл, он нажал на кнопку выключения и швырнул пульт в кресло.

— Это ужасно.

— Боже, меня второй раз пытаются сжечь. Что не так с моей жизнью? Или у них это фетиш такой? Мерзли в детстве, наверное, — меня охватывал ужас и отвращение, вся кожа покрылась мурашками. — Кайл, а почему ты не спас остальных? Почему только я? Ты же мог прихватить и Эстер к примеру. — От этой мысли я начинаю заводиться, злость так и кипит внутри меня.

— Нет, ты просто обязан был предотвратить это. Там было столько невинных людей, а ты даже пальцем не пошевелил, что бы их спасти. — Мой голос перешел на тон выше. — Да это равносильно тому, что ты сам бросил спичку.

— Я не мог! Это была их судьба.

— Но меня ты спас.

— Тебе не было суждено погибнуть в том пожаре, это просто стечение обстоятельств. Всегда существуют два варианта событий. Каждый выбор определяет твою судьбу. — Теперь уже Кайл срывался на крик, все мышцы на его лице и теле были напряжены. — Ты не должна была пойти в этот клуб, но ты была настолько глупа, что пошла. Поэтому ты могла погибнуть. У всех тех людей при любом их выборе и поступке все закончилось бы пожаром в том клубе. Пусть те люди в масках не подожгли бы его, но он бы все равно загорелся.

Кайл закрыл лицо руками, надавливая пальца на глазницы, его левая рука сместилась на тыльную сторону его шеи. Кайл открыл глаза, в них больше не было той ярости, которую я наблюдала всего минуту назад. А говорил, что людские чувства ему чужды, лжец.

— Послушай, допустим, ты не пошла туда и следственно тебя там не ищут. Но тогда там замкнуло бы проводку и все закончилось точно так же. Погибли бы все те же сто двадцать человек, это их судьба. Просто их время вышло. — Голос Кайла, звучал так тихо и спокойно, точно как у семейного психолога. Его манера говорить успокаивала и завораживала меня. Я не поняла и половины, что он пытался мне донести, но думаю, со временем я пойму. — Поверь мне, там, где они сейчас им лучше.

— Надеюсь это так, — я начала перебирать коробки с дисками, которые Кайл взял в прокате, среди них оказались любимые фильмы Эстер *«Три метра над уровнем неба»* и *«Три метра над уровнем неба 2. Я хочу тебя»* их я и выбрала. Пускай мой бесчувственный ангел расчувствуется.

— Кайл, поставь, пожалуйста, этот диск, — Я протянула коробочку ангелу.

— Про что фильм? — Он быстро извлек диск из коробки и вставил в дисковод.

— О, поверь, ты не захочешь знать ответ на этот вопрос, — я рассмеялась с растерянного вида Кайла. — Ха-ха, ты бы видел свое лицо. Да про любовь фильм. Про любовь. Я зла на тебя, поэтому ты мне должен.

— Очень смешно. Знаешь, я уже жалею, что спас тебя. Не думал, что ты настолько коварная, — продолжал веселиться Кайл, пока я на него не шикнула, так как на экране уже появился Аче.

Весь фильм Кайл возмущался и ругал Баби, он напомнил мне меня. Когда мы смотрели этот фильм с Эстер, я так же возмущалась и обзывала нецензурными словами малышку Баби. Интересно посмотреть, как это выглядит со стороны.

Когда я нахожусь рядом с Кайлом, со мной происходят непонятные вещи: боль утихает, рана в сердце затягивается, а на душе становится спокойнее.

Я уверена, что это какая-то ангельская фигня, но я благодарна за это. Если бы не Кайл, я умерла бы от горя еще тогда, рядом с горящим клубом. Я знаю его всего ничего, но у меня такое чувство, словно мы знакомы, целую вечность.

Я то и дело замечаю, насколько хорошо Кайл меня знает. Он смешит меня и подбадривает. Словно чувствует самые подходящие для этого моменты, и знает, как подколоть меня и при этом не обидеть, а развеселить.

— М-да, теперь я совсем перестал понимать девушек, — вымученно сказал Кайл, растягиваясь на диване. — А этот Аче, он идеал твоего парня? О таком ты мечтаешь?

— Каждая девушка мечтает встретить своего Аче.

— И даже ты?

— Особенно я.

Кайл все продолжал подшучивать надо мной по поводу Аче, и мы договорились завтра

посмотреть вторую часть. Он рассказывал какую-то историю, но я отвлеклась, когда увидела в углу комнаты старенькую гитару.

— Ты играешь? — Спросила я Кайла, кивнув в ее сторону.

— О, нет. Определенно нет. Она была уже тут, когда я въехал.

— А ты?

— Я играю. Мама Эстер научила меня еще в детстве. И мы часто летними вечерами собирались на заднем дворе, пили чай, рассказывали истории и пели песни. Было так круто.

— Сыграешь мне?

— Я думаю, что это плохая идея.

— Эмили, пожалуйста, сыграй мне что-нибудь, я еще ни разу в жизни не слышал, как кто-то играет на гитаре.

— Это не честно, ты давишь на жалость, — Я кинула в него подушку. Он поймал ее на лету и прижал к груди, смотря на меня умоляющими глазами. Боже мой, кто-то вообще может устоять, глядя на него?! Точно не я. — Только один раз, первый и последний.

— Договорились.

Я взяла гитару и села в кресло, в голове крутится целая вереница песен и мелодий и мне трудно выбрать, что-то одно для Кайла. Я коснулась струн, словно в первый раз, но пальцы знают, что делать. И я заиграла, словно это единственное, что я когда-либо делала в своей жизни. Музыка поглотила меня и я начала петь:

*Ты стал жестоким, Кай
Вместо сердца лёд
Ты навсегда январь
Солнце не взойдёт
И только снег в твоём окне
Так и летит наискосок
Прямо мне в лицо
Будто бы во сне*

*Ты стал жестоким, Кай
Много лет назад
Ты позабыт и рад
Только иногда
Такие тёплые слезинки
Застывают на щеках
Не тает снег в руках
Льдинки на щеках
И только льдинки на щеках, щеках.
А-а-а-а щеках...
А-а-а-а щеках...*

*Такие хрупкие снежинки
Всё летят наискосок
Прямо мне в лицо
Будто бы во сне*

*Как будто бы во сне
Как будто от тебя ко мне...
Се-и-ие-ие...
Се-и-ие-ие...
Ты стал жестоким, Кай
Ты стал жестоким, Кай...*

Моя песня закончилась, я в последний раз ударила по струнам, тем самым лопнув пузырь, образовавшийся от моего пения.

Я достаточно неплохо пела, а если по честности, то у меня потрясающий голос. Я всегда мечтала стать певицей, но выступая по кабакам на жизнь не заработаешь. И мои родители настояли на чем-то более серьезном. Я пошла, учиться на журналиста в память о них. Чтобы они мной гордились.

— Это великолепно, — его шепот был очень тихий и мягкий, а глаза горели, как у ребенка. Такие большие, теплые, ясные, наивные и боготворящие. И мне стало страшно от того, какие эмоции у меня вызывал этот «не человек». Он ни капли не старался, чтобы покорить мое сердце, тем самым завораживал его куда сильнее, чем те, кто упорно добивался моего внимания.

Кайл подкупает своей чистотой. Он говорит то, что думает и думает, о чем говорит. Вот он, как на ладони, яркий и светлый. Такие парни, как обычно бывают душой компании. К ним всегда все тянутся, как растения к солнышку. Он настолько настоящий, что даже страшно.

— Это лучшее, что я когда-либо слышал.

— Ты же сказал, что никогда не....

— Я соврал, — рассмеялся Кайл. — Иначе бы ты мне не спела.

— О-о-о, был бы ты человеком, Кайл, я бы тебя убила, — меня словно озарило, почему я раньше об этом не спросила? — А ангела вообще можно убить?

— Да. Но, ничто человеческое не причинит нам вреда. Нас можно убить только небесным кинжалом, но к счастью их очень мало. И трудно достать.

— А падшие ангелы?

— На них это тоже распространяется.

— Тогда хорошо, что подобных кинжалов мало, падшие ангелы — хорошие ребята, ну хоть и падшие.

— Они не все хорошие, — меня поразила серьезность в голосе Кайла и то, как быстро сменилось его настроение. — Никого не изгоняют без причины. И она должна быть ужасной. За пустяк не отрывают крылья, Эмили.

— Разумеется, я понимаю это, просто Уорнеры хорошие ребята. Падшие они или нет, они замечательные и добрые. И я очень хочу помочь им вернуться домой, потому... — я не успеваю договорить, потому что Кайл резко вскакивает на ноги, его руки сжаты в кулаки с такой силой, что даже вены выступили.

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь, — процедил он сквозь зубы, и я невольно сделала шаг назад. — Ты знаешь, за что их изгнали? Разумеется, нет. Они гораздо хуже, чем преступники, Эмили, они предатели, а предатели не заслуживают прощения.

Его взгляд полон ярости, мне впервые становится страшно находиться рядом с ним.

— Прости, — выдавливаю из себя я. Образ Кайла стоящего передо мной застилает

пелена, меня словно кружит в водопаде, а в моих легких совсем не осталось воздуха.

— Черт, Эмили, я не хотел. Прости меня. — Кайл подходит ко мне, я ощущаю его руки на моем лице, его теплые пальцы вытирают мои ледяные слезы.

— Для того, кто не испытывает чувств, ты слишком хорошо знаком с я-веду-себя-как-придунок.

— Меня воспитали так. Это на геном уровне. Все это отношение к падшим. Для тебя это как, — я вижу, как он старательно подбирает сравнение, и каждая мысль отдается болью на его лице. — Представь, что какой-то психопат, зашел с ружьем в детский садик и перестрелял всех детей.

— Ты ужасен.

— Вот этот псих — падший ангел в нашем понимании.

Я не могу ничего ответить, и лишь киваю головой, не веря в то, что он говорит.

— Прости меня, Эмили, — я не могу поверить тому, что происходит. Кайл обнимает меня. Да, тот самый бесчувственный ангел обнимает меня. Я утыкаюсь носом в его шею, и меня обволакивает его запах. Он пахнет, свежестью, как после сильного дождя и чем-то еще, до одури приятным. Моя боль проходит, уступая место умиротворению и спокойствию. Все стало таким правильным, очевидным, незначительным. Чертовы, ангельские штучки.

— Но, Уорнеры хорошие.

— Не все падшие ангелы, такие как Уорнеры, Эмили.

Глава 14

Следующие два дня мы с Кайлом провели у него дома. Он из кожи вон лез, чтобы развлечь меня и отвлечь от мыслей. И это у него здорово получается. Я в жизни не встречала настолько интересного собеседника, он довольно осведомленный для того, кто живет на небе.

В среду ночью Мил пытался связаться со мной во сне. Но я успела сообщить ему лишь то, что жива и в полной безопасности. Сразу после этого Кайл его заблокировал.

Мы договорились, что до пятницы я буду под его защитой, а потом если захочу, он позволит мне вернуться к Уорнерам. Я должна злиться на него, за плен, но вместо этого я благодарна. В противном случае, я давно была бы уже мертва.

Находясь столько времени наедине со своими мыслями начинаешь задумываться о разных вещах. Моя симпатия к Даниэлю лопнула, как воздушный шарик и я поняла, насколько жалкой была, пытаюсь навязать себе влюбленность.

Я вспомнила об Алексее. О подарках, которые не успела открыть, о перышке, которое Кайл мне дал. Все эти мелочи единственное, что формирует мою жизнь. Через месяц у меня выпускной. Я буду журналисткой. Или не буду. Разве сейчас это важно? Я просто должна жить дальше, если не ради себя, то ради тех, кого я потеряла.

Сегодня двадцать второе апреля. Утром по новостям объявили имена шестидесяти людей погибших в клубе. Остальные шестьдесят все еще не опознаны. Мое сердце в очередной раз разбилось, когда ведущая назвала имя моей Эстер. Она одна из ста двадцати погибших. Она не выжила.

Я сижу на диване, подобрав под себя ноги, делаю вид, что читаю книгу, хотя мои мысли далеко от этого. Кайл сидит в кресле напротив и отчаянно что-то пишет в блокноте, с таким видом, словно от этой писанины зависит жизнь человечества.

Я не могу перестать смотреть на него, его идеальная красота завораживает меня.

Уорнеры прекрасны, но даже их красота блекнет на фоне Кайла. Моего словарного запаса слишком мало, чтобы описать, насколько прекрасен этот мужчина.

Он говорит, что ничто человеческое ему не чуждо. Но... смотря на него каждый раз, я понимаю, что ни один человек не сможет быть более человеческим, чем мой ангел-хранитель.

— Неужели она настолько ужасна? — Спросил Кайл, не отрываясь от блокнота, на щеке у него появилась ямочка, его слова доходят до меня лишь спустя минуту.

— Мои мысли однозначно где-то в другом месте.

— В каком? — Его темно-медовые глаза встречаются с моими, и вдруг эта квартира кажется мне в миллион раз меньше. Слишком маленькая для нас двоих, он так близко ко мне. Я не могу думать, мое тело начинает дрожать. Такое чувство, что он видит меня насквозь и от этого мои щеки вспыхивают, Боже, как неловко. Я вскакиваю на ноги, роняя книгу на пол.

— Ты не захочешь об этом знать. — Бурчу я и убегаю на второй этаж. Мне нужно пространство. А еще лучше ледяной душ.

Я плюхнулась на кровать, ругая себя, на чем свет стоит. Дура, дура, дура. Твоя жизнь танцует румбу на краю пропасти, а ты глазеешь на парня. Ладно, на очень горячего парня.

— Эмили?! — Я что, сказала это вслух? Твою мать! Нет, это не может быть правдой. Скажите мне, что это не Кайл стоит в дверях спальни и это не он находится на грани того, чтобы заржать в полный голос. Пожалуйста, пусть меня убьет молнией, прямо сейчас. — Я решил заказать на ужин пиццу, у тебя голодные глаза.

Боже, прошу, убейте меня, какое унижение. Мне кажется, я покраснела до корней волос. Перевернувшись на живот, я уткнулась лицом в подушку, отчаянно игнорируя Кайла стоящего у двери.

— Ладно, я закажу что-нибудь на свой вкус. Когда закончишь с самобичеванием, спускайся к ужину, — он вышел из комнаты, которую, скорее всего, я не покину до пятницы.

Какой позор.

Я не знаю, сколько времени пролежала, уткнувшись лицом в подушку, но видно достаточно долго, раз Кайл сам пришел за мной.

— Эмили, еще чуть-чуть и пицца остынет до такой степени, что примерзнет к твоему языку, как только ты начнешь ее есть. — Кровать прогнулась под его весом.

— Уйди.

— Да ладно тебе, пошли ужинать, — очевидно, ему было весело, а мне ни капли.

— Ты думаешь, что я смогу есть? — Я села. Прижав ноги к груди, я обняла их руками. — Ты серьезно?

— А почему нет? — Казалось, он действительно не понимал, что именно меня беспокоит.

— Я не знаю, — внезапно мне стало плевать на то, что он подумает. Не ему меня судить, я привыкла лажать и позориться. Со мной бывали вещи и по хуже, так что я даже не думая выпалила все как на духу. — Для тебя это может быть и нормально, но я не привыкла быть двадцать четыре часа в сутки рядом вот с этим. — Я указала рукой на него. — Что если бы я выглядела как... Как... Блин, да я даже пример привести не могу, потому что любая супер сексуальная женщина земли, даже рядом не стоит с вашей среднестатистической женщиной. Тебе не понять. — Я спрятала лицо в ладонях, как стыдно, что я все же это сказала.

Он молчал примерно минуту, явно переваривая то, что услышал.

— То есть, проблема в том, что тебе нравится, как я выгляжу? Я привлекаю тебя?

— Да! То есть, нет. Блин, это сложно. Дело не в том, как ты выглядишь, а в том какой ты. Я даже не могу дать определение этому. Ты просто... другой.

— Почему это звучит так, словно я не той ориентации? — Рассмеялся Кайл.

— Что? Ты же не серьезно? — Я посмотрела на него, прищутив глаза, в то время как по лицу Кайла пробежала легкая усмешка. — Я вижу, ты не собираешься облегчить мне этот разговор, да?

— Ты шутишь? Я собираюсь выжать максимум веселья из этого разговора.

— Какой же ты... — Похоже, моя злость еще больше веселила Кайла. Мне хотелось его стукнуть. Он рассмеялся. Его смех напоминает смех ребенка, не тем, что он истеричный или звучит по-детски, на оборот, он заражающий. Я не знала, что Кайл даже смеется красиво. Есть ли хоть что-то, что он не делает идеально?

— Эмили, ты живешь с Уорнерами, я думал, ты уже привыкла к этому, — он указал рукой на свое тело, явно подражая тому, что проделала я чуть ранее.

— Я тоже так думала. Находится рядом с Дани и не получить обезвоживание было крайне тяжело. Но это, не идет ни в какое сравнение с тобой. Очевидно потому, что ты не падший.

— Так значит я красивее?

— Я ни за что не произнесу это вслух, можешь даже не пытаться, — я толкнула Кайла в плечо, что еще больше его позабавило.

— Почему я другой? В чем это выражается? — На его лице не осталось ни тени веселья. Я целую минуту прищурившись, всматриваюсь в его глаза, ища подвох. Но, кажется, что его, в самом деле, интересует этот вопрос. Без какого либо подтекста.

— Это сложно объяснить. Не знаю, поймешь ли ты, — я замаялась. — Я в своей жизни потеряла слишком много людей. Все кого я люблю — умирают. Я не знаю, совпадение это или просто какая-то кара, но сейчас я осталась одна. Эстер была моей семьей, а теперь и ее не стало. — Я опустила глаза на свои руки, если я продолжу смотреть ему в глаза, то расплачусь. — Но когда я с тобой, мне легче. Ты напоминаешь мне ее своей добротой и открытостью. И Зака, когда шутишь и веселишь меня. — Мне стало трудно дышать, тяжело говорить вслух о том, что болит, когда слишком долго скрываешь свои печали.

— Родителей, потому, что я вижу, как ты искренне заботишься обо мне и переживаешь. Хоть мы толком не знакомы. Уорнеры тоже заботятся, но я не видела в их глазах ничего даже отдаленно похожего на то, что вижу в твоих. Знаешь, я тебя почти не знаю, мы знакомы всего ничего. Но у меня впервые такое чувство, словно я сотню лет бродила пустыне и вот только сейчас оказалась дома. — Я осмелилась встретиться с ним взглядом. Глаза Кайла были полны боли и печали. Это сломало меня, и я наконец-то разрыдалась.

— Эй, Эмили, не плачь, — Кайл пододвинулся ко мне и обнял за плечи. — Это жизнь и тут нет твоей вины. Все так, как должно быть.

— Я знаю, но все равно виню себя, за то, что они все погибли. Родители погибли в аварии, потому, что папа отвлекся на меня, поэтому не сразу заметил автомобиль, вылетевший на встречную полосу. Если бы я не передумала и осталась дома, они могли бы быть живыми. Если бы я настояла на своем и не пошла в клуб, все мои знакомые и Эстер тоже бы там не оказались. Если бы я не опоздала к Заку или вообще отказала ему в помощи, не взяла медальон, те люди не убили бы его. Я знаю, что это глупо, и они все равно бы его убили, даже забрав этот чертов медальон, но... Просто мне, наверное, легче винить себя, чем

признать, что их всех забрала случайность.

— Я с уверенностью могу тебе сказать, что все, что случилось, никак от тебя не зависело. Эти события все равно бы случились, просто пришло их время.

Видно Кайл понял, что его слова меня не особо убедили, и решил убедить меня в свое правоте. Он нежно приподнял мой подбородок, удерживая мой взгляд на себе.

— Каждый наш выбор, каждое принятое решение, хотим мы того или нет влияет на окружающих нас людей, кирпичик за кирпичиком меняя их жизни. Этого не изменить. Всегда так было и будет. Словно наше решение — это брошенный в воду камень, а круги, исходящие от него — последствия. Надо просто смириться с этим и жить дальше.

— Знаешь, что самое ужасное? — Спросила я и Кайл в ответ лишь отрицательно покачал головой. — То, что я ни с кем из них так и не попрощалась.

Мы окончательно забыли про ждущую нас на кухне пиццу. На часах почти полночь. Я и Кайл лежим на моей кровати и болтаемо пустяках. Я пыталась расспросить его об Эдеме, о жизни после смерти, и о том, как он жил до того, как был отправлен ко мне, но как всегда натыкалась на один и тот же ответ: *«Мне запрещено об этом говорить...»*.

Блин!

— Кайл?

— М-м?

— Ты знаешь, за что у Мила отобрали крылья? — Он открыл рот собираясь ответить, но я его перебила. — Если ты снова скажешь *«мне запрещено об этом говорить»* я тебя ударю.

— Ха-ха, очень смешно, я и не собирался. Да, я знаю, но я не уверен, что я тот, кто должен тебе это рассказать.

Мы лежали на спине, уставившись в потолок. Я терпеть не могу секреты, для меня они, как красная тряпка для быка. Я перевернулась лицом к Кайлу, буду давить на него до тех пор, пока она не выложит всё.

— Кайл, пожалуйста, расскажи мне. Ты же понимаешь, что Мил в жизни мне это не расскажет.

Парень вымучено застонал и, последовав моему примеру, повернулся на бок, лицом ко мне.

— Ты достанешь кого угодно, Эмили Бейли. Хотя я думаю, что ты и так в курсе, какой занозой являешься. В 1861 году Милан был послан на землю, что бы спасти от гибели девушку, которая обладала великим даром, нам не рассказывали каким именно, — он словно прочел мои мысли. Я только собиралась перебить его, чтобы уточнить этот факт. — И в будущем должна была спасти много жизней. Звали ее Хлоей.

Хлоя должна была погибнуть в 1863 году на войне, где бы работала медсестрой. Мил знал о том, что ангелам запрещено влюбляться в смертных, но все равно влюбился. И в марте 1862 года они сбежали из страны. Мил спас Хлою от смерти, тем самым выполнив свое предназначение, но отказался возвращаться в Эдем. За что и был лишен крыльев. Ворота в Эдем закрылись для него навсегда, так же как и для тех, кто помогал ему с побегом. — Даниэль, Михаэль и Катарина. Они все помогали Милу, вот почему Дани сказал, что был наказан за любовь к своему брату.

— Не лишили его лишь бессмертия. Как в наказание за то, что он ослушался. И Мил был должен вставать каждое утро и знать, что каждый новый день, это шаг на встречу к ее смерти. В 1863 году Милан и Хлоя поженились. Из не особо достоверных источников мы знаем, что Даниэль спроектировал и построил дом, на берегу озера, где они все вместе жили

до 1915 года. В этом году на восемьдесят втором году жизни Хлоя умерла. И после вековой скорби по жене Милан решил восстановить свое доброе имя и вернуться домой в Эдем. Конец!

— Не такой рассказ я ждала. Ну да ладно. Хорошо, что у тебя не будет детей, я представляю, какие «содержательные» сказки ты бы им рассказывал.

— Я рад, что тебе понравилось, — он плюхнулся на спину. И я последовала его примеру.

— Это грустно. Быть наказанным за любовь, — я лежала, уставившись в потолок, продолжая прокручивать в мыслях эту историю. Теперь понятно, что разлучило влюбленных, и почему Хлоя оставила то письмо. Какая красивая история любви. Любви? — Постой, ты же сказал, что у ангелов вообще нет чувств. Нет чувств, значит, вы не можете любить.

— Да я прикалывался над тобой, — рассмеялся Кайл. Я ели сдержалась, чтобы не столкнуть его с кровати. — Всё мы чувствуем. У нас тоже есть эмоции и всё такое, но мы не любим. Преданность, уважение, злость — да, любовь — нет. Это то же самое, если бы ты пыталась дышать через уши.

— Мил полюбил.

— Всегда есть исключения. Я, правда, не знаю как, но ему это удалось.

— Это чудо, — теперь настало мое время улыбаться. — Какой же сильной и всепоглощающей должна быть любовь, чтобы заставить влюбиться того, кто в принципе любить не умеет? Тогда эта любовь стоила того, что бы «потерять» крылья.

Несколько минут мы лежали в тишине, и я уж подумала, не заснул ли мой ангел часом, как он нарушит тишину:

— Эмили?

— Что?

— А ты любила когда-нибудь? — Тихим шепотом спросил Кайл.

— Раньше я думала, что да. Думала, что любила Зака, а когда его не стало... — Я замолчала, подбирая слова. — Я скучаю по нему, как по другу. Я и вправду любила его, но не так, как думала. Жаль я слишком поздно поняла это. Кажется я вообще не знаю, что такое любовь.

Больше никто из нас не сказал ни слова.

После полуночи, когда я уже практически спала, ангел встал с кровати, достал плед из комода и накрыл им меня. Я почувствовала, как он наклонился ко мне, так близко, что я ели сдерживалась, стараясь держать глаза закрытыми. Его пухлые, теплые губы коснулись моего лба, и задержались там всего на пару секунд. На пару секунд, которые мне хотелось растянуть на часы.

— Ничего, ты еще встретишь своего Аче, — прошептал он. — Он сможет дать тебе гораздо больше, чем я.

— Нет, — промычала я сквозь сон. Мне хотелось открыть глаза и посмотреть на его лицо, но мои веки словно склеены клеем. — Я не хочу этого.

— А чего же ты хочешь, Эмили? — Звук его шепота, наполнял меня теплом, убаюкивая еще сильнее.

— Я хочу, чтобы ты меня полюбил, — я понятия не имею, сказала ли я это вслух или только подумала, что сказала. Уже через секунду Кайл ушел в свою комнату. Как только дверь за ним захлопнулась, я сразу же погрузилась в сон.

— Доброе утро, Эмили, — проскандировал Кайл, увидев, как я спускаюсь по лестнице. — Хорошо спала?

— Доброе утро. Да, я уже забыла, когда в последний раз, так крепко спала.

— Я рад. Прости, что начинаю утро с такого разговора. Но времени нет, завтра утром объявят имена оставшихся шестидесяти погибших. Ты должна решить остаешься ты или уезжаешь из города. Чтобы я мог скрыть следы и вписать твое имя в список погибших. Ты сможешь начать все с чистого листа, — распинаясь Кайл, накрывая на стол.

— Я уже решила, — сказала я, делая глоток кофе. — Я остаюсь.

— Что? — Боже, он в ярости уставился на меня. — Ты в своем уме? Тебя убьют!

— Ну и пусть, мне нечего терять.

— Боже, чем думает эта женщина? Тебе дан шанс, начать все с чистого листа, без всего этого сверхъестественного дерьма.

— Эй!

Казалось, что Кайл разнесет сейчас пол квартиры. За эту неделю я первый раз вижу его в таком состоянии. Он быстрым шагом направился к двери, снял кожаную куртку с вешалки и со словами *«у меня дела, я вернусь через час...»* ушел, саданув дверью так, что посыпалась штукатурка.

— Вот тебе и ангел.

Я еще не уехала отсюда, а уже скучаю. Не только по дому, но и по Кайлу.

Пока его не было, я убиралась на кухне и в спальне, которую занимала, не хочу оставлять после себя беспорядок. Я собрала вещи, приняла душ и привела себя в более или менее приличный вид. Сегодня я намерена вернуться к Уорнерам, даже если Кайл будет против.

Я смотрела телевизор, когда мой временный сожитель вернулся домой, с невозмутимым, спокойным видом.

— Я вижу, ты время зря не теряла. — Он плюхнулся рядом.

— Да, я возвращаюсь к Уорнерам.

— Я так и понял.

— Э-м-м, Кайл, мне нужно вызвать такси или ты... Ну, знаешь, перенесешь меня?

— Я не смогу заявиться с тобой к ним домой, мне запрещено с ними видаться, а я уверен, что они ждут тебя и незамеченными нам не пробраться, — он потер рукой тыльную сторону шеи, я заметила, что он делает так каждый раз, когда нервничает. — Но я могу оставить тебя неподалеку от их дома.

— Давай лучше у озера? — Я ободряюще положила руку ему на колено. — На этот раз погуляем по лесу в нормальное время. — Я пыталась пошутить, но судя по его вымученной улыбке, у меня это не особо вышло.

Обедать мы спустились в кафе, которое как оказалось, находилось на первом этаже дома Кайла, никто из нас даже не пытался завести разговор. Не знаю, по какой причине, но я просто не знала, что сказать.

— Ну, вот мы и на месте, — понятия не имею, зачем я это сказала. Так глупо звучит. Я сама неловкость.

— Угу, — вот и весь ответ Кайла.

Повисло молчание. Боже, почему он так себя ведет, словно я его предала? Я лишь

стараюсь поступить правильно. Я не знаю, увижу ли его снова или это наша последняя встреча, поэтому я должна сказать ему все, что так и просится наружу. Один лишь Бог знает, будет ли у меня еще такая возможность, поэтому я собираю все свою смелость в кулак и начинаю речь.

— Кайл, я хотела сказать тебе спасибо, — я подхожу и становлюсь напротив него, заглядывая в его нежные, грустные, темно-медовые глаза.

Я часто слышала это выражение «красив, как ангел», но никогда не знала, что именно оно означает. До того дня, когда впервые его увидела. Я смотрю на стоящего напротив меня Кайла. Лучи солнца играют на его лице и теле, освещая каждый мускул, нет ничего в мире прекраснее. Его бронзовая кожа просто светится, мне так и хочется прикоснуться к нему.

Я даже не знала, что бывает настолько идеальное лицо, тело и душа. На его фоне звезды меркнут. И даже время останавливается, когда он улыбается.

Кайл красив. Нечеловечески красив. Людей таких не бывает. Ангел наполняет меня теплом, озаряет путь и делает меня лучше, но это ничего не упрощает, а лишь запутывает еще сильнее.

— Правда, спасибо, — продолжаю я. — За то, что спас меня. Если бы не ты, то меня убили бы в том клубе, или я умерла бы от горя днем позже. — Я делаю шаг к нему. Шаг, который окончательно стирает расстояние между нами, я обвиваю его шею своими трясущимися руками. Если он меня сейчас оттолкнет, то, скорее всего я умру от унижения. Он меня не отталкивает, но и не обнимает в ответ. Стоит, замерев, как статуя, ничего не говоря. У меня складывается впечатление, что он даже задержал дыхание. Я отступаю от него, поднимаю с земли сумку и перекидываю ремешок через плечо.

— До встречи, — у меня нет сил смотреть ему в глаза, поэтому я разворачиваюсь и ухожу.

Его слова, брошенные мне в след, бьют острой дробью мне в спину:

— Эмили!

Набрав полные легкие воздуха, я оборачиваюсь на его голос. Наши глаза встречаются, и я в первый раз вижу в них столько грусти. Его глаза больше не напоминают теплый кофе. Они как две большие, черные дыры, поглощают мою душу.

— Я буду скучать...

Вот и все. Эти три слова, рушат мой мир. Переворачивают все с ног на голову. И в эту самую секунду я осознала, что по-настоящему влюбилась в своего ангела-хранителя.

— Я тоже.

Кайл исчез. И все, что осталось мне, это вернуться в дом Уорнеров, надеясь на то, что я никогда в жизни не пожалею о выборе сделанном сегодня утром.

Глава 15

Моя нога только ступила на дорожку, ведущую к дому Уорнеров, а мне на встречу уже мчался Мил. Он налетел на меня на всей скорости, и чуть не сбил с ног. Меня не было всего пару дней, а такое чувство, что целую вечность.

— Бог мой, Эмс. Я так волновался, — он обнял меня так крепко, что еще чуть-чуть, и я не смогу дышать. Вот тебе и крепкие «братские» объятия. — Где ты была?

— Привет, — выдавила из себя я. — Меня вытащили из клуба за минуту до пожара.

— Кто вытащил? И почему ты сразу со мной не связалась? Мы тут все сума сходили.

— Прости, мне нужно было переварить все, — я не могу рассказать ему о Кайле,

поэтому первую часть вопроса я оставляю без ответа. Хорошо, что он взволнован, и не обращает внимания на мою уклончивость.

Я была удивлена тому, насколько сильно каждый из них радовался моему появлению, Катарина даже пустила слезу, а Даниэль ни разу не назвал меня «Бэмби», что совсем на него не похоже. После дней, которые я провела с Кайлом, обаяние Даниэля меня совсем не трогает.

Видно он тоже обратил на это внимание, когда на все его попытки пофлиртовать, я совсем не реагировала.

Катарина приготовила вкусный ужин, чтобы отпраздновать мое возвращение. Все суетились и носились вокруг меня, рассказывая понемногу, что я пропустила. Сославшись на головную боль, я ушла в свою комнату еще до десерта.

Тут совсем ничего не изменилось, каждая вещь лежит там, где я ее и оставила. Я до сих пор не открыла подарки и сомневаюсь, что сделаю это в ближайшее время. Вместо этого я собрала коробки и спрятала в шкафу, который пустует. Не хочу наткнуться на них и вспоминать тот ужасный день. Единственный подарок, который я оставляю — это браслет от Эстер.

Я распахнула окна и впустила в комнату свежий воздух, воду в вазе с цветами, которые подарил мне Алекс, похоже, никто не менял, они быстро испортились. Мне жаль, что я так и не насладились их красотой.

Приведя все в порядок, я включила ноутбук. Вся моя почта была завалена сообщениями от знакомых и друзей, которых интересовал только один вопрос:

«Ты в порядке?!»

У меня совершенно нет никакого желания отвечать каждому из них, вместо этого я зашла на фейсбук и поставила статус «Я в полном порядке». На более содержательное сообщение меня не хватило. От Алекса Вудбери пришло восемь писем. Как бы паршиво мне не было, не стоит забывать, зачем я здесь. Поэтому Алекс был единственным, кому я ответила. После моего пятого сообщения «да, я действительно в полном порядке», мы договорились, что пообедаем завтра.

Захлопнув ноутбук, я откинулась на спинку дивана и стала обводить взглядом комнату. Вся эта роскошь меня больше не радует. Мне хочется вернуться в квартирку Кайла, но продолжать думать об этом, равносильно самоубийству. Я не знаю, насколько сильные чувства испытываю к нему, но, ничего подобного со мной еще не происходило.

Глупо, мы знакомы всего неделю, а я не могу выкинуть его из своей головы. Но в тот момент, когда мой мир рухнул, он был тем, кто вытащил меня из-под обломков.

Стук в дверь вырвал меня из потока мыслей.

— Эмс, я не помешаю? — В комнату неуверенно заглянул Милан.

— Нет, конечно, заходи, — на этот раз моя улыбка была искренней. Я рада, что он пришел. Мил относился ко мне, как к младшей сестре, а мне ужасно не хватало чего-то настолько нормального, мне не хватало семьи.

— Сидишь в интернете?

— Да, я снова осталась без телефона, так что это единственное средство связи с друзьями. Мне написал Алекс, мы обедаем завтра.

— Ты уверена, что готова?

— Да, разумеется. Они уже знают, что один медальон у меня. Если они узнают, что второй у Алекса, то они доберутся до него, куда раньше нас. Поэтому нам надо как можно

скорее заполучить медальон. Хотя я понятия не имею, каким образом мы провернем это. Алекс не отдаст его просто так.

— Я ломаю над этим голову уже вторую неделю, — безнадежно ответил Мил. — Но так ничего и не придумал.

— Было бы куда проще, если бы медальон можно было украсть, — я пыталась придумать какой-либо план, но в голову ничего не приходило. Алекс должен подарить его своей будущей жене, так что единственный вариант выйти за него замуж. Но я не готова пойти на такое, да и времени это займет куда больше, чем есть у нас. Или...

— Мил?

— М-м?!

— А второй медальон, почти такой же, как наш да?

— За исключением камней. В его медальоне они из рубина.

— А что за камни в нашем медальоне?

— Топаз.

— А что если нам сыграть на истории? Как ты думаешь, насколько долго медальон находится в их семье?

— Насколько я знаю, он попал в руки его бабке по отцовской линии, та подарила его матери Алекса, после того, как она забеременела. Так, что я думаю, он находится в чете Вудбери около пятидесяти лет. А что?

— Это глупо, но это единственное, что пришло мне в голову. Либо это, либо свадьба, — пошутила я. — Так вот, что если мне сыграть на его жалости ко мне? Скажем, что он принадлежал нашей бабушке? Придумаем историю о том, как дедушка своими руками сделал его для бабули, как подарок на свадьбу. Но когда моей маме было десять лет, а твоему отцу восемнадцать, бабушку убили во время ограбления, а через полгода дедушка умер с горя? Что скажешь?

— И как ты собираешься преподнести ему эту историю? Типа: «*Ой, знаешь, у моей семьи есть страшилка... Бла-бла-бла и теперь я ищу этот медальон?*». Он не клюнет.

— А что если Даниэль нарисует портрет, какой-нибудь женщины похожей на меня, а на шее у нее будет этот медальон. Мы повесим ее в гостиной на видное место, я приглашу Алекса на чай. Думаю, он обратит внимание, мы можем хотя бы попытаться.

— Идея не плохая. Можно хотя бы попробовать. Если ты его разжалобишь, мы можем предложить ему кругленькую сумму за медальон. Я думаю, Алекс не полный болван и отличит свежий портрет от старого, поэтому, скажем, что оригинал сгорел в твоей квартире, а эту нарисовал Даниэль, и подарил на твой день рождения, со словами: «*Я знаю, насколько это важно для тебя!*». — Идея явно понравилась Милу, на его лице появилась широченная улыбка, — девочка моя, ты гениальна. — Он обнял меня за плечи. — Я так тобой горжусь.

— В каком-то веке, я сама собой горжусь, — данный факт, меня порядком рассмешил. — Давай возьмем Даниэля и съездим куда-нибудь. Я ужасно хочу мороженое. Как раз продумаем наш план.

— Сегодня ты просто генератор гениальных идей, Эми.

Даниэль отвез нас в кафе, которое находится в центре города, но каким-то образом я о нем даже не слышала, а зря, я в жизни не ела такого вкусного мороженого. Эстер была бы в восторге.

Братья продумали все до мелочей, и сегодня ночью Дани должен будет приступить к

портрету моей «бабушки». Я понятия не имею, что именно он будет рисовать, и как она будет выглядеть. Но, по словам этого болвана, он представит меня старую. Видно время его радости, по поводу моего возвращения, вышло, и весь оставшейся вечер он себя как обычно. Иными словами, как полный засранец.

— Бэмби, это уже становится нашей традицией, — Дани положил на стол небольшую белую коробочку. — Постарайся не «поджарить» хотя бы этот. — Новый iPhone, мне даже страшно представить какая судьба ждет его. Я совсем не дружу с техникой.

— Какой ты говнюк, — я кинула в него салфеткой. — Ты так говоришь, словно я специально подвергаю их испытанию огнем. — Рассмеялась я. — Просто мне в принципе не положено иметь технику.

— Если ты продолжишь называть меня «говнюк», я приду к тебе ночью и накажу по полной программе, имей это ввиду, — проговорил он бархатным голосом, подмигивая мне. Если бы глаза могли лопаться, мои непременно сделали бы это прямо сейчас.

— Дани! — Крикнули мы в один голос с Милом.

— Даниэль, ты debil. Вот честно, — сказал Милан, допивая свой коктейль. — Думаю, нам пора возвращаться домой. Но по дороге мы должны заехать кое-куда.

— Куда? — Данный факт меня очень заинтересовал.

— Это совсем рядом, — загадочно ответил Мил. — У нас для тебя сюрприз.

Буквально через три минуты, мы были возле центрального парка. Мил хотел завязать мне глаза, но я сказала, что если он попытается это сделать, я откушу ему руки.

Мы зашли в красивый пятиэтажный дом. Мил что-то бубнил себе под нос, поднимаясь по лестнице. Я уловила лишь «упрямая» и «заноза». Очень надеюсь, что он не имел в виду меня.

Цены на квартиры в этом доме были значительно выше, чем на точно такие же в другой части города, потому что его окна выходили на городской парк, расположенный прямо через дорогу.

— Ну и к кому мы идем в гости? — Спросила я, стараясь смотреть под ноги, чтобы не пересчитать носом все ступеньки.

— На самом деле к тебе, — в тоне старшего Уорнера не было и намека на шутку.

— Не поняла. В каком смысле?

— Мы отремонтировали и продали твою квартирку, и вместо нее, купили жилье здесь, — ответил Мил, ведя нас по лестнице на второй этаж. — Правда квартирка не большая, но я думаю, тебе понравится. — Он остановил нас напротив квартиры номер двадцать семь. — Вот ты и дома!

Мил был полон энтузиазма, открывая дверь и запуская нас внутрь.

— Это что, такой намек, чтобы я съезжала от вас?

— Нет, ни в коем случае, Бэмби, — слишком быстро ответил мне младший Уорнер. — Просто на всякий случай. Чтобы в следующий раз, когда тебе захочется побыть одной, ты ехала сюда, а не бежала к какому-то «другу». — При слове друг, он артистично изобразил в воздухе кавычки.

— Катарина нашла дизайнера, и он все тут переделал, — продолжил свой рассказ о квартире Мил. — Я не уверен, понравится тебе или нет, но ты всегда можешь все тут переделать под свой вкус. И да, тут тоже есть гардеробная, я знаю, что ты очень любишь свою.

Я начала осматривать свою квартирку. Она куда больше прежней моей квартиры. И что

греха таить, намного лучше.

Мил прошел первым, зажигая свет и показывая комнаты. От входной двери ведет длинный и просторный коридор, стены которого выкрашены в темно серый цвет. Деревянный пол, мебель и межкомнатные двери цвета «венге».

— Первая дверь слева ведет в просторную ванную комнату, — с гордостью объявлял нам Мил. Прекрасная ванная в синих тонах, не сравнится с моей ванной в доме Уорнеров, но она куда уютнее. — Следом за ней — дверь, ведущая в гостиную. — Продолжал Уорнер. Посреди комнаты стоит большой темно-серый диван с синими подушками, два кресла, плазменный телевизор, кофейный столик, справа от окна стоит книжный шкаф, а слева письменный стол.

— Тут очень уютно. Более того, я в полном восторге, — и это малое, что я могла сказать. Потому, что все сделано именно в моем вкусе. — И я молчу не потому, что мне тут не нравится, а потому что в шоке.

— Я надеялся, что ты это скажешь. Идем дальше, — он повел нас в проход между книжным шкафом и телевизором. — Здесь у нас обеденный стол, слева есть дверь на небольшой балкон, справа, как ты видишь проход в коридор. А там кухня, ну это и так видно. Она не большая, но все же. — Тут так же все выдержано в белых, темно-коричневых и синих тонах. Выйдя из кухни, мы вернулись в коридор. — Ну и последнее, напротив гостиной располагается твоя спальня, с гардеробной как я и обещал. Так же, там тоже есть выход на балкон.

В спальне стены выкрашены в цвет кофе с молоком, что необычно для меня, но вполне устраивает. Огромная двуспальная кровать, большое зеркало, тумбочки, маленький диванчик, все так же было темного цвета.

Справа от входа в спальню небольшая дверь, ведущая в гардеробную. Она намного меньше той, которой я пользуюсь сейчас, но куда больше подходит мне. Гардеробная в доме Уорнеров на восемьдесят процентов пуста, а эта будет заполнена наполовину.

— Эта квартира прекрасна, спасибо, Боже, у меня просто нет слов. — Я обняла Мила. — Мне очень нравится.

— Она больше похожа на спичечный коробок, чем на квартиру, — с небольшим отвращением в голосе сказал Даниэль, который до этого вел себя на редкость тихо. — Ты же не собираешься переезжать сюда?

— Не знаю, — его вопрос поставил меня в полный ступор. А если мне пора переехать и это, такой тонкий намек *сваливай от нас, Эмили?* — Но я обдумываю это... — Мне серьезно стоит задуматься над этим. Я не могу больше оставаться у них. Они пустили меня из жалости, потому, что мне не куда было пойти, но теперь есть.

— Я надеюсь, ты не будешь спешить с переездом, — заметил Мил. — А мой брат не будет нести полную чушь. Вот возьми, — он передал мне связку, состоящую из трех ключей. — Это твои ключи, они есть только у тебя. Я говорю это на тот случай, чтобы ты не думала, что у кого-то из нас есть доступ сюда. Ну, а теперь уже поздно и я думаю нам надо домой.

Я долго не могла уснуть. Чувствовало себя не в своей тарелке. Лишь только после того, как я достала перо Кайла из шкапулки и вернулась в кровать, я смогла уснуть.

Проснулась я лишь в полдень, когда солнце окончательно оккупировала мою кровать. Погода на улице стояла прекрасная. Все деревья покрыты яркой листвой. Сад утопает в ярких красках тюльпанов. Надо не забыть спросить у Катарини, можно ли срезать парочку

для себя.

Я порылась в гардеробной и подобрала наряд для обеда с Алексом. Остановившись на темно-синей блузке и брюках, если будет холодно, накину пиджак. Благо вещей у меня навалом. Просить Катарину уложить мои волосы я не стала, а просто собрала их в высокий хвост.

Алекс заехал за мной ровно в два часа дня.

— Привет, — сказала я, распахнув входную дверь.

— Привет, — он протянул мне огромный букет тюльпанов. — Я проезжал мимо цветочного магазина и увидел их на витрине. Не смог устоять. — С обворожительной улыбкой произнес он. Я знала, что эти слова банальность и клише, но мне все равно было приятно.

— Спасибоо, — протянула я, вдыхая чудесный аромат этих цветов. — Именно о них сегодня были мои первые мысли. Я умираю по тюльпанам и пионам, они моя слабость. Проходи. Я только поставлю их в вазу и возьму сумочку.

Глава 16

Обедали мы в замечательном тихом кафе возле центрального парка. Я рассказала Алексу выдуманную историю о том, как за десять минут до пожара уехала из клуба, чтобы забрать подругу, а когда мы вернулись, пожар был в самом разгаре. Все произошедшее было слишком сильным ударом для меня. И мне потребовалось время, чтобы принять смерть друзей. Поэтому я жила пару дней у подруги.

Я ужасная лгунья, и мне приходится включать все свои мозги, чтобы не запутаться в паутине лжи. Но, слава Богу, Алекс сильно не вникал в мои слова и не пытался меня подловить, скажи я ему, что в спальне у меня живет единорог, он с удовольствием поверил бы и в это.

Все девушки в районе пятидесяти метров во все глаза смотрели на Алекса. Как кошки нализавшиеся валерьянки, того и гляди начнут об него тереться. Мне до того неудобно под таким напором, что я начинаю нервничать и елозить по стулу.

Если обаяшка Алекс, вызывает у особ женского пола такую реакцию, что бы было появиться я здесь с Кайлом?

— Что-то не так? — Видно Алекс заметил, что меня что-то тревожит.

— Они все так смотрят на тебя, — я наклонилась через стол к Алексу, и как можно тише прошептала:

— Словно готовы в любую минуту наброситься и съесть.

Алекс рассмеялся, запрокинув голову назад, его волосы цвета золота заиграли в лучах солнца, пара девушек возле нас громко, мечтательно выдохнули.

— Алекс, прекрати, это не смешно. Держу пари, каждая из них мысленно вышла за тебя замуж и нарожала пару тройку детей, — мои слова еще больше рассмешили этого парня. Наклонившись поближе ко мне, он взял меня за руку.

— В этом кафе. Да, что в кафе, в этом городе, есть только одна девушка, на которой я бы мог жениться.

Я не знаю, как должна реагировать на его слова и поэтому лишь улынулась. По-моему и такой ответ вполне устроил Алекса.

— Эмили, — мы уже вышли из машины возле дома Уорнеров, когда Алекс заговорил. — Первого мая, в моем доме состоится ежегодная вечеринка, мы ее называем «Маска» ну

знаешь наряжаться в костюмы, как на Хэллоуин для папиных друзей, как-то глупо, поэтому все просто надевают маски. — Боже, он что волнуется? Такой самоуверенный на вид парень, пленивший своим видом весь женский пол этого города, волнуется как школьник, приглашающий девушку на танцы?! Немыслимо.

— Так вот, к чему это я. Я бы хотел, чтобы ты с братьями пришла на нее. Я выслал приглашения два дня назад, но ответа так и не получил

— О, я спрошу у Катарини, скорее всего она еще не отдавала почту Милу, — солгала я, в очередной раз. — И да, я с удовольствием приду на твою вечеринку.

Мы дошли до двери. Боже, как я ненавижу этот момент на пороге. Ужасно неловкий момент, я всегда не знаю, куда деть руки, что сказать и как попрощаться. Если я начну его обнимать, не подумает ли он, что я хочу его поцеловать?!

— Спасибо тебе за обед, — улыбаясь, сказал Алекс, я надеюсь, он не заметил, насколько сильно я задумалась. Это бы сделало ситуацию еще неудобнее, чем она есть.

— Это тебе спасибо. Ты вытащил меня из дома. Я хорошо провела время. И да, спасибо за цветы и за подарок на день рождения. Я не успела его открыть, а сейчас не могу, мне слишком тяжело вспоминать тот день.

— О, все нормально, я просто надеюсь, что тебе он рано или поздно понравится, — улыбаясь, ответил он. — Можно мне тебя обнять на прощание?

— Что? О, да конечно, — облегченно выдохнув, я подошла к Алексу и обвила свои руки вокруг его шеи. Это значительно упрощает дело и я благодарна ему за это.

— Я надеюсь, твои братья из тех, кто подсматривает в окна за младшими сестрами, а потом избивают их ухажеров в темных переулках? — Подшучивал парень.

— Нет, они определенно не такие.

— Спасибо тебе еще раз, — он отступил от меня. — До встречи, Эмили

— До встречи, — ответила я и зашла в дом. Алекс для меня словно отдушина, хорошо иметь хоть частичку нормальности в моей совсем не нормальной жизни.

Все выходные Даниэль рисовал картину, и в понедельник она была уже готова. Мил повесил ее в гостиной над камином. Столько почета для подделки.

Я упорно работала над дипломным проектом и речью к его защите, доводя все до совершенства. Я наконец-то смогла успокоиться, теперь, когда у меня все готово, я могу пустить все свои силы на Алекса.

В прошедшие выходные состоялись похороны Эстер. Еще одни похороны, на которые я не явилась. Но я не нашла в себе сил пойти туда. Михаэль утверждает, что, скорее всего за кладбищем следят, чтобы вычислить меня. Но, не смотря на все предупреждения, в эти выходные я все равно намерена побывать на могилах Зака и Эстер.

Сегодня костюмированная вечеринка в доме Алекса. Я бы с удовольствием не пошла, но уже пообещала Алексу, что я там буду. Мне нравится этот парень, и я не хочу его обижать отказом, тем более я, во что бы то ни стало должна достать второй медальон для ребят.

Катарина купила мне платье, явно обратив внимание на то, что мне не было никакого дела до наряда. Оно черное, длинной чуть выше колен, на тонких бретелях, лиф украшен гипюром и кружевом. От груди до пупка идет лента с одним вертикальным рядом пуговиц, похожих на небольшие бриллианты, к нему Катарина подобрала такую же украшенную кружевом черную маску и комплект украшений сочетающихся с пуговицами, что-то мне подсказывает, что это явно не стекляшки, а настоящие бриллианты. Сегодня я надена на себя целое состояние. Меня смущает лиф платья, я уверена, что в нем половина моей груди будет

выглядывать наружу, но у меня нет никакого желания спорить об этом с Катариной. И я уверена, что именно поэтому она и остановила свой выбор именно на нем.

Волосы собраны в объемный замысловатый пучок, и весь этот образ смотрится прекрасно. Мне приходится приложить много усилий, чтобы убрать с лица свою кислую мину.

Слава Богу, у меня нет такой привычки, в отсутствии своего настроения, портить его окружающим, иначе в доме Уорнеров зародилась бы третья мировая.

Уже прошла неделя, с тех пор, когда я последний раз видела Кайла. Я надеялась, что он объявится, если не наяву, то хотя бы во сне. Но, увы, наверное, его отозвали домой.

Ровно в девять вечера мы с братьями Уорнер подъехали к особняку Вудбери. Я думала у Уорнеров шикарный дом, но это... Этот особняк не просто прекрасный, он сказочный. Двухэтажный, в классическом стиле, украшенный колоннами и балконами. Он огромен.

Справа к дому пристроен большой одноэтажный гараж, а слева, судя по обилию света и гостей, тот самый зал, в котором будет проходить вечеринка.

Мил и Даниэль одели практически идентичные черные костюмы и белые рубашки, единственное отличие было в галстуках: у Мила он темно-синий, а у Даниэля красный, их выбор меня ни сколько не удивил. Они на самом деле как лед и пламя. Милан спокойный и рассудительный, всегда смотрит на проблему беспристрастно, Даниэль же, как вулкан страстей, горячий и вспыльчивый, сначала делает, а только потом думает, что он наделал, ну или вообще не заморачивается по этому поводу.

У входа нас встретили Алекс и Нора.

— Мил, Даниэль, — сказал Алекс, пожимая по очереди каждому из них руку. — Рад видеть вас сегодня в моем доме. Эмили. — Он перевел взгляд на меня. — Ты прекрасно выглядишь. — Затем взял мою руку в свою, и вместо того, чтобы просто пожать, он снова ее поцеловал. Такие манеры покорят любое сердце, какой же он душка, теперь я понимаю, почему Нора похожа на Цербера. За таким парнем нужен глаз да глаз.

— Я надеюсь, вы хорошо проведете время, мне нужно встретить остальных гостей. Но позже я обязательно найду вас.

Он отпустил мою руку, и мы пошли в сторону зала, на ходу одев маски.

— И шоу начинается господа! — Саркастично объявил Даниэль. Он словно ведущий популярного ток-шоу.

Мы здесь уже час и с каждой минутой мое настроение становится все хуже и хуже. Мил познакомил меня с кучей народа, которые ужасались и фальшиво сочувствовали мне по поводу пожара в клубе. Кто вообще тянул Мила за язык? Какого черта он на каждом углу трубит о том, что я так стараюсь забыть?

Шесть мужчин приглашали меня на танец. Пытаясь при этом подцепить меня глупыми и клишированными способами. Из-за этого седьмому и последующим кавалерам я дала отворот поворот, прямо на подходе. Надоело. Нора ни на шаг не отпускала Алекса, испепеляя меня взглядом каждый раз, когда я нахожусь где-то поблизости.

Мне ее жаль, хочется подойти и сказать ей, что мое сердце принадлежит другому и что ее жених мне просто друг, но я не могу, если этот разговор дойдет до Алекса, медальона мне не видать как своих ушей.

Заиграла очередная песня и очередной кавалер осмелился пригласить меня на танец.

— Я уже долгое время наблюдаю за вами, — улыбаясь во все тридцать два, произнес высокий блондин. — Потанцуйте со мной.

— Простите, я уже пообещала этот танец другому, — я изо всех сил старалась изобразить дружелюбную улыбку, понятия не имею, насколько хорошо это у меня вышло, или не вышло совсем.

— Да? — Рассмеялся незнакомец, оглядываясь по сторонам. — И кому же?

Он что насмехается надо мной? Вот урод. Мои хорошие манеры уже на исходе, и если он не отвалит, я надеру ему его богатенькую задницу.

— Мне! — Послышался голос за моей спиной, и я застыла. На полном серьезе. Мое тело окаменело, а сердце замерло, пропустив целую кучу ударов. Глаза незнакомца расширились. Парень помотал головой из стороны в сторону, прогоняя незримое наваждение, выглядя при этом так, словно он не верит своим глазам. А затем, нервно сглотнув, и натянуто улыбнувшись — исчез из вида стремительнее реактивного самолета.

Я могла не оборачиваться, чтобы узнать, кто стоит позади меня, я и так это знала. Кайл.

Он подошел вплотную, чуть ближе и я буду чувствовать биение его сердца сквозь тонкую ткань одежды. Его теплые пальцы нежно коснулись моей руки:

— Потанцуй со мной, Эмили, — послышался его шепот около моего виска. Я повернула голову и наши глаза наконец-то встретились. Половину его лица закрывала черная маска, и я бы ни за что его не узнала, если бы не знала куда смотреть. Его светло карие с медовым оттенком глаза, сразу выделяются из толпы. Да он сам выделяется из толпы. Почему я раньше его не заметила?

Кайл одет в темно-синий костюм и светло-голубую, почти белую рубашку. Весь этот образ дополняет галстук в цвет костюма. Который сидит на нем до такой степени идеально, что создается впечатление, что он в нем родился.

— Что ты здесь делаешь?

— То же что и ты, — как же красиво он улыбается. Почему он всегда так соблазнительно улыбается? Я настаиваю, чтобы ввели штрафы за «сносящие крышу» улыбки. Ангел взял меня за руку и повел в середину зала. — Развлекаюсь.

Я обижена на Кайла. Он пропал из моей жизни, не объявлялся столько дней, хотя я ждала его. И я уверена, что Кайл это знал. Он просто не мог не знать. Но сейчас. Здесь. Когда он так близко ко мне, когда его теплая рука сжимает мою, а карие глаза блестят в свете ламп, все мои обиды кажутся такими беспочвенными и маловажными.

Ангел закружил нас в танце. Каждая клеточка моего тела отзывается на его движения и нежные прикосновения. Я не умею танцевать, точнее я полный лузер в этом деле. У меня обе ноги левые. Но танцуя с Кайлом, я понимаю, что нет ничего проще и естественнее, чем наш танец.

Мое сердце до такой степени бешено бьется, что парой я совершенно не слышу музыку. Есть только я и Кайл. Его глаза, смотрящие вглубь меня, его руки на моей талии, и мое сумасшедшее сердце, которое бьется за нас двоих. В первый раз, за все мои двадцать два года я испытываю подобные чувства, находясь рядом с мужчиной. Это просто не передать словами.

Звучащая музыка далека от понятия «медленная», она томная и сексуальная, местами набирающая ускоренный, потрясающий ритм. Я совсем не разбираюсь, в том, что мы танцуем и к какому стилю это отнести. Но танец отдаленно напоминает мне танго, ну или, по крайней мере, его быструю версию.

Кайл прижимает меня к себе, от нашей близости я не могу дышать. Его правая рука ложится мне между лопаток, а левая скользит вниз по телу и останавливается лишь тогда,

когда достигает правого бедра. У меня перехватывает дух. В глазах Кайла пылает огонь, порожденный желанием и похотью. Я чувствую, как он поднимает мою ногу, прижимает к своему боку и наклоняет меня так низко, что я вижу потолок.

Из моих волос выпадает шпилька, и я отчетливо слышу, как она приземлилась на пол. Но ни Кайл, ни я не обращаем на это никакого внимания.

Его пухлые губы находятся на расстоянии нескольких сантиметров от моих. И уже несколько минут это единственное, о чем я могу думать. Томность и плавность его движений завораживает. Возвращая нас в вертикальное положение, он разворачивает меня, прижимая спину к своей груди. Я забываю, как дышать.

Мы продолжаем свой томный танец. Бросая взгляд через плечо Кайла, я вижу, как расступаются люди, а те, кто мгновение назад танцевал, прекращают движения и смотрят на нас. Все наслаждаются зрелищем, которое устроил мой партнер. Но, по-моему, Кайла это совсем не заботит, единственный человек, кому он уделяет свое внимание — я.

Мое тело горит огнем в тех местах, где Кайл меня касается. Мне кажется, что его руки находятся повсюду одновременно. Он как поток воды обволакивает меня и направляет, все, что я могу делать, это подчиняться.

Я отдала бы свою правую руку, лишь за то, чтобы наш танец продлился хоть на минуту дольше. Но слова закончились, и музыка начинает утихать. Руки Кайла все крепче сжимают мою талию, а мои, как тиски лежат на его плечах. Я впитываю глазами каждую черточку на его лице, каждый изгиб, каждый миллиметр его кожи. Я хочу запомнить, как можно больше, потому что, никто не знает, будет ли у меня еще один шанс оказаться к нему так близко.

Музыка остановилась, и мое сердце последовало ее примеру. Кайл поцеловал меня в щеку, и только через секунду я поняла, что его руки больше меня не держат, а мои как плети весят по бокам. Повернув голову вправо, я увидела, как мой ангел выходит через двери в другой зал. Как только он скрылся в толпе, меня окружили Мил и Дани. А я стояла и изо всех сил старалась сдерживать слезы, подступившие к глазам.

— Кто это, черт возьми, был? — Спросил меня Даниэль.

— Понятия не имею, — ответила я, по-прежнему смотря в сторону, где совсем недавно виднелась спина уходящего Кайла.

Мой взгляд забегал по залу и остановился лишь тогда, когда нашел Алекса. Он стоял с потрясенным видом и глазами, как блюдца, его рука до такой степени сильно сжимала бокал, что костяшки пальцев побелели. Как он не раздавил его, остается для меня загадкой.

— Мне надо, — так и не сообразив, куда мне надо я поспешила в сторону дамской комнаты.

После такого танца мне нужно не просто освежиться, а как минимум принять ледяной душ. Что это, черт возьми, было?

Глава 17

Вернувшись в зал, я нашла Мила в компании Алекса. Даниэля нигде не было видно.

— Привет, веселитесь без меня?

— У нас вряд ли это получится, — ответил Алекс. — Я просто жду тебя. Хочу украсть на танец. Хотя конечно, до предыдущего кавалера мне далеко.

Я не знала, что ответить Алексу (да и что тут в принципе можно ответить) поэтому просто улыбнулась.

Начала играть песня *Damien Rice — Delicate*, мой любимый исполнитель. Я даже купила диск с его песнями, но руки так и не дошли его послушать, а последние пару дней, я

никак не могу его найти. Алекс протянул мне руку, приглашая на танец. Немного помедлив я все же приняла его приглашение.

— Да, тот парень однозначно поднял планку, будет сложно после такого танца впечатлить тебя, — как бы в шутку сказал Алекс, но на самом деле видно, что это действительно его беспокоит. — Вы с ним знакомы?

— Нет. Я ума не приложу, кто это мог быть, — ответила я. — Но он действительно хорошо танцует. Хотя мне не понравилось, что он привлек к нашему танцу слишком много внимания. Я не особо люблю, когда сотни глаз пялятся на меня. Это жутковато.

Видно Алекс из тех, кто любит болтать во время танца.

— Даниэль пошел его искать, кажется, ему хочется лично познакомиться с таким отменным танцором, — данный факт меня не на шутку встревожил. Надеюсь Кайл уже далеко отсюда, не хотелось бы мне, чтобы эти двое встретились.

Я решила сменить тему:

— Алекс, я не знаю уместно ли это. Но, я бы хотела попросить тебя об одолжении, — робко начала я.

— Я сделаю все, что угодно, — смеясь, ответил Алекс. У него приятный смех. Да и сам он очень приятный и харизматичный парень, явно знающий, как завоевать сердце девушки. Странно, что он остановил свой выбор на этой вобле Норе, когда мог заполучить партию куда лучше.

— Это странная просьба, предупреждаю сразу, но мне больше не к кому обратиться, — он кивнул, говоря мне, чтобы я продолжала. — Какие у тебя планы на воскресенье?

— В восемь вечера бизнес ужин, а так, целый день я свободен.

— Ты не съездишь со мной кое-куда? — Интересно, как много девушек приглашали его сходить на кладбище?

— Конечно. А куда ты хочешь съездить?

— Я знаю, как странно это звучит, но мне нужно съездить на кладбище. Я не могу сделать это одна, — я опустила глаза в пол. Я знаю, что не должна просить его об этом, но он единственный, кто поможет мне пройти через это. Уорнеры не поймут.

— О, Эмили, разумеется, — мы остановились. Алекс взял в руки мое лицо, заставляя смотреть ему прямо в глаза. — Я заеду за тобой в десять утра, и мы поедим, куда пожелаешь, хорошо? — Я кивнула ему в ответ. Убрав ладони от моего лица и обвив рукой мою талию, Алекс повел нас в сторону бара. — Я думаю, нам не помешает выпить и наконец, повеселится.

** * * *

— Завтра Алекс увидит картину, — сказала я глядя в окно автомобиля. Михаэль забрал нас с вечеринки десять минут назад и теперь мы направлялись домой. — Если он придет, а я думаю, что он придет, мне нужно чтобы вы мне не мешали. Вы не должны вмешиваться, я сама разыграю этот спектакль.

— Откуда ты знаешь? Ты его пригласила? — Спросил Дани с каким-то вызовом в голосе.

— Нет, лучше. Я оставила ему повод, навестить меня завтра.

— А если это не сработает? — Он продолжал меня выводить из себя, но я ему не поддамся. Этот вечер был слишком хорошим, и я не позволю выходкам Даниэля испортить его.

— Тогда с тебя новый телефон, — ответила я, улыбаясь ему. — И пиджак.

Смех Мила наполнил машину:

— Ты оставила там телефон и пиджак?

— Именно.

— И как ты это ему объяснишь? — Не унимался младший Уорнер.

— Скажу, что пиджак должен был забрать ты, но ты волнуешься только о своей заднице, поэтому так бесцеремонно оставил мои вещи, — я явно наслаждалась этой ситуацией.

— Очень смешно, — передразнил меня Дани.

— Ты умница, Эмс, — Мил ободряюще сжал мою руку.

После того, как мы приехали домой, Мил собрал нас всех в кабинете, чтобы мы обсудили завтрашний день. Если я все правильно рассчитала, то работники, обнаружив мои «забытые» вещи, доложат об этом хозяину. Я знаю Алекса, он наверняка самостоятельно отправится вернуть мне потерю.

— Бэмби, мое дело было за малым, — сказал Даниэль. — И теперь ты должна включить все свое обаяние, глаза, как у косули и всю ту фигню, что обычно делают девушки, что бы влюбить в себя парня.

— Я не понимаю о чем ты? — Я в полном смятении.

Даниэль начал, что-то говорить о том, что я должна быть милой и обольстительной, как никогда, из кожи вон лезть, чтобы произвести впечатление и бла-бла-бла. Я больше ничего не слышала, потому, что во мне начала закипать ярость. Я поняла, к чему именно ведет Даниэль.

— Я что должна врать Алексу? Быть фальшивкой, заглядывать ему в рот, притворятся по уши влюбленной, пока не украду этот чертов медальон? — Мой голос срывался и местами переходил на крик, от чего Мил все сильнее съеживался. — Даниэль, ты совсем сбрендил?

— Эмили, ты должна влюбить его в себя, ты понимаешь это? Если он полюбит тебя, то сделает все, о чем бы ты его не попросила, — пугающе спокойным тоном ответил Дани.

Сама мысль, что бы играть чувствами Алекса приводила меня в ярость. Мне нравился этот парень. Он добрый, умный и заботливый. Несмотря на всю ответственность, которую он несет по жизни он остается открытым и забавным. Алекс хороший друг, всегда выслушает и даст мудрый совет. Я не буду так поступать с ним. Он этого не заслуживает.

— Даниэль! — Мой голос уже чуть ли не переходит на крик. — Ты понимаешь, что ты мне предлагаешь? Опомнись, у Алекса есть невеста, я не собираюсь рушить их отношения, ради чертового медальона, забрав который я исчезну из его жизни навсегда! Я никогда не использую людей, заруби себе это на носу. Одно дело втереться в доверие, стать ему другом, совсем другое дело увести его у невесты, а потом бросить.

— Она права, брат, — произнес Мил. — Эмили просто должна была сблизиться с Алексом, точнее они уже сблизились и довольно хорошо общаются. Этого достаточно, чтобы попытаться выкупить медальон. — Он пытается донести до Дани суть нашей идеи. — Таким образом, от этой сделки никто не пострадает.

— Да вы в своем уме? Вы вообще соображаете, о чем говорите? — Заорал Даниэль. — Эту хрень, оставила ему мать. Его мертвая мать, Эмили. Ты думаешь, он просто так, за красивые глаза, продаст его? — Его небесные глаза в упор уставились на меня. — Ты бы продала медальон своей матери, а?

Он прав, я полная идиотка, если рассчитывала, что Алекс продаст мне медальон мамы.

Эта вещь досталась ему от нее как память. Будь я на его месте, то ни за какие деньги не продала медальон.

— Дошло? — Зло спросил Дани.

— Дошло! Но с чего ты взял вообще, что он в меня влюбится?

— Если он не идиот, то непременно полюбит тебя. Да тебе даже напрягаться не придется, — он положил руку на мое плечо, смотря прямо в глаза. — Он влюбится, и сделает все, о чем бы ты его не попросила.

— Одно дело надавить на жалость и выкупить медальон, совсем другое вытереть об него ноги и разбить сердце. Кто вообще так поступает, Дани?

Я уставилась на него, не мигая, меня словно переехал бульдозер, словно мое сердце обмотали колючей проволокой. С каждым моим вдохом и выдохом наступала адская боль, я смотрела в его бездонные голубые глаза и все, что происходило между нами, начало приобретать смысл. Выстраиваться в логическую цепочку.

— Ты. То же самое ты делал со мной, — я не спрашивала, я утверждала, потому что была уверена в этом на все девяносто девять процентов. — Ты хотел, чтобы я полюбила тебя. Поэтому ты так ко мне относился, принося этот гребаный завтрак, и делая всю ту милую фигню, на которую ты в принципе не способен. Поэтому ты сказал мне, что останешься тут. Что не вернешься в Эдем. Ты лгал, что помогаешь своей семье. Зная о том, что если я узнаю правду то не стану тебе помогать, потому что не захочу терять. Ты сукин сын, Даниэль Уорнер. Ты продумал каждый свой шаг, каждое свое слово, произнесенное в моем присутствии.

Бог ты мой, если бы я не встретила Кайла, я бы повелась на розовые сопли Дани, позволив ему использовать себя. Какой подонок.

Он стоял неподвижно, как статуя. А лицо Мила стало белее белого. Но по опустившейся, оглушительной тишине, нависшей над нами, я поняла, что каждое сказанное мной слово, было правдой.

— Да, что б ты сдох, — я со всей болью, со всей яростью, что были во мне, вlepила ему размашистую пощечину. — Катись к черту. — Крикнула я и пулей вылетела за дверь.

Не помню, как добежала до своей комнаты, но осознала, что я там, когда забрав из шкатулки перо Кайла и медальон, я начала класть их в сумочку.

— Вот идиотка, — ругала я себя, запихивая в дорожную сумку вещи, пару джинс да футболок, на первое время хватит, я так и не собрала свою «пожарную сумку», после того, как вернулась от Кайла. О чем я только думала?! Я должна была догадаться, я же чувствовала, что, что-то не так. Поверх вещей я положила косметичку и застегнула молнию.

Сменив платье на пару джинс и черную кофточку с черепом на груди, срываясь на бег, начала убираться из этого проклятого дома.

— Эмили, подожди! — Кричал мне в след Мил. — Ты не можешь просто так уйти, это не правильно.

Я даже не думала отвечать ему, а о том, что бы послушаться и остаться вообще речи быть не могло. Я не поняла, в какой именно момент он догнал меня. Рывком, открывая входную дверь, я почувствовала, как он взял меня за руку и повернул лицом к себе.

— Прощу тебя, останься. — В его глазах стояла такая боль, что не будь я настолько зла, я бы наверняка поверила ему. — Останься со мной...

— Мил, если ты меня еще раз тронешь, я сломаю тебе руку. — Яростно ответила я. — Клянусь Богом, я сломаю твою чертову руку, даже если это будет последнее, что я сделаю в

этой жизни.

Он выглядел так, словно я только, что вонзила ему нож в сердце, но мне было плевать. Я развернулась и вышла на улицу. Светила полная луна, стоял поистине прекрасный майский вечер. Я ушла из этого дома, почти, так же как и пришла в него — ни с чем. Но глубина пустоты внутри меня была на этот раз куда больше.

Только отойдя от их дома на приличное расстояние, я позволила себе заплакать.

Даниэль предал меня, использовал. Он играл мной, пытаясь влюбить в себя, чтобы потом уничтожить.

А самое ужасное это то, что если бы судьба не свела меня с Кайлом, возможно, я могла бы влюбиться в Даниэля.

Глава 18

На часах за полночь. У меня нет телефона, чтобы вызвать такси или позвонить кому-то, кто мог бы забрать меня. До города идти минут сорок. А до моей новой квартиры так вообще два часа пути как минимум.

Я в отчаянье. Поймать машину в такое время и не влипнуть в неприятности, один процент из ста.

Единственный, кто мог бы мне сейчас помочь это Кайл, но я понятия не имею, каким образом связаться с ним.

— Да, Эмили, это самое «подходящее» время для съезда от Уорнеров. Ты просто генератор бредовых идей.

Фары осветили дорогу передо мной. Сердце «ушло» в пятки. Еще не хватало, чтобы это был какой-нибудь серийный убийца. Хотя нет, уж лучше пусть это будет серийный убийца, чем кто-то из Уорнеров.

— Эмили, милая, — я услышала голос Катарины. — Давай я отвезу тебя. До твоей квартиры слишком далеко.

Я уставилась на нее, раздумывая над ее предложением. Я была зла, но Катарина здесь совсем не причем. А я чисто физически не доберусь до квартиры, день был слишком длинный, а выпитого шампанского слишком много.

— Эмили, пожалуйста, — надавила на меня Катарина. Я послушно села в машину.

— Что ты тут делаешь?

— Милан разбудил меня и попросил отвезти тебя в квартиру, потому что его помощь ты сейчас не примешь, — ответила женщина отъезжая от обочины. — Он в ужасе, отчитывает Даниэля, как школьника. Он еще никогда не был так зол на него.

Дорога до квартиры заняла двадцать минут. Я уговорила Катарину остаться ночевать у меня. Я не хочу, чтобы она еще полчаса добиралась до дома и только в два часа ночи легла спать.

— Я постелила тебе в спальне, а сама лягу в гостиной. Сомневаюсь, что смогу сегодня уснуть, — сказала я, заходя на кухню, Катарина сидела за кухонным островком и пила сок. Она была в шелковом халате, накинутом поверх пижамы, видно Мил действительно вытащил ее прямо из постели. — У нас что, есть сок?

— Ты шутишь? Холодильник забит едой до отвала. Я позаботилась обо всем, чтобы въехав сюда, ты ни о чем не беспокоилась. Более того, половина гардероба забита вещами. Так, что пока ты будешь жить здесь, у тебя будет все необходимое для этого.

— Знаешь что?

— Что? — Удивленно спросила Катарина.

— Ты супер крутая, и я люблю тебя.

— О, милая, я тоже тебя люблю. И братья любят тебя, ты же знаешь об этом?

Я пожала плечами:

— Можно мне воспользоваться твоим мобильником? — Я указала на телефон Катаринины лежащий справа от нее вместе с ключами от машины.

— Конечно.

— Доброй ночи.

— Доброй ночи, Эмили.

Так и не сумев заснуть, я всю ночь просидела в интернете, спасибо Катарине и за него. Я ответила почти на все письма друзей и знакомых, которые потеряли меня в свете этих событий. Одни в действительности переживали за меня, другим же было просто любопытно.

В восемь утра, я отправилась на кухню, чтобы сварить кофе и приготовить завтрак для Катаринины.

Я никак не могу решить, звонить на свой телефон или нет. С одной стороны, я не хочу, чтобы Алекс ехал в дом Уорнеров до тех пор, пока эта ситуация с Дани остается не решенной. А с другой, мне позарез нужен телефон, а новый мне сейчас не по карману, так что выбор был не велик. Набравшись смелости, я набрала свой номер. После пяти гудков, кто-то взял трубку.

— Ало.

— Здравствуйте, извините, что звоню в такой час. Меня зовут Эмили Бэйли, и я потеряла свой телефон, — что я несу?.

— Доброе утро, Эмили. Это Алекс, — еще бы. Я бы удивилась, если бы трубку взял кто-то другой. У него отличное настроение, для такого часа. У кого вообще бывает хорошее настроение ранним субботним утром?! Уж точно не у меня. — Ты забыла пиджак в гардеробе, твой телефон был в нем, я хотел завести их сегодня.

— Слава Богу. Я только ночью вспомнила про него. Мои вещи должен был забрать Даниэль, но его отвлекла очередная смазливая мордашка.

— По-моему вчера на празднике, была только одна мордашка, подходящее под твое описание. И именно ее вещи Даниэль забыл, — шутливо ответил Алекс. — В котором часу тебе их завести?

— В любом. Я сегодня целый день буду дома.

— Отлично, тогда я заеду в час дня.

— Хорошо, — я уже хотела повесить трубку, как вспомнила, что не сказала ему самое важное. — Ой, Алекс, я забыла тебе сказать.

— Да?

— Я больше не живу в доме Уорнеров. Я пришлю тебе свой адрес в сообщении, хорошо?

— Неожиданный поворот. У тебя все в порядке? Ничего не случилось? — Уже без нотки веселья в голосе спросил Алекс.

— Да все хорошо. Просто я слишком долго пользовалась гостеприимством Уорнеров. Я буду ждать тебя, Алекс.

— Хорошо, до встречи, — ответил он, и я повесила трубку.

* * * * *

Взяв с меня тысячу обещаний, звонить ей, при любой проблеме и даже просто для того,

чтобы поговорить, Катарина уехала домой в девять часов.

До приезда Алекса еще как минимум четыре часа. Убравшись в квартире, я спустилась в булочную, расположенную в соседнем доме. Там самые вкусные круассаны в городе.

Как раз их я и купила. За то, что отвлекаю Алекса от дел, я как минимум обязана угостить его кофе.

Времени в запасе еще много, а соблазн опробовать новую ванную, так велик, что я не выдержала и направилась напрямик туда.

Понежившись в горячей воде примерно сорок минут, я начала приводить себя хоть в какой-то порядок. Чтобы у Алекса не случился сердечный приступ при виде меня, не спавшей целые сутки. И к двенадцати часам я была уже при полном параде.

Надев легкое, нежное платье синего цвета, я выглядела более или менее аккуратно.

Ровно в час раздался звонок в дверь.

Открыв дверь, я обнаружила Алекса с двумя пакетами в руках.

— Привет, проходи, пожалуйста, — я приоткрыла дверь шире, пропуская его внутрь.

— Привет. Знаешь, я раскрыл твою тайну, — шутливо произнес парень.

— Мою тайну?

— Да. Теперь я знаю, почему ты переехала сюда, — он продолжал подшучивать надо мной, в то время как я вела его в сторону кухни. — У тебя под боком замечательная булочная. Запах выпечки разносится на многие мили. Это потрясающе. Я купил для нас парочку круассанов. — Он потряс в воздухе бумажным пакетом, и я только сейчас рассмотрела логотип магазинчика.

— Мы с тобой мыслим в одном направлении, — ответила я, указывая на свой круглый стол, на котором уже стоял кофейник с кофе, сливки, сахар, чашки и блюдце с круассанами.

— Ну, значит, я правильно понял причину твоего переезда.

— Ты почти угадал. Чай или кофе?

— Кофе.

— Так почему ты переехала на самом деле? — Попивая кофе, спросил меня Алекс. Я не хотела ему врать, но и сказать правду я тоже не могла. Поэтому рассказала ему слегка переделанную версию происходящего, деликатно умолчав о его причастности к ссоре.

— Я поругалась с Даниэлем сегодня ночью.

— И он указал тебе на дверь? Просто уму непостижимо, вот подлец.

— Я бы назвала его словечком похуже, но подлец тоже подойдет, — шутила я. — На самом деле он не выгонял меня. Я слишком загостилась в их доме, и эта ссора дала мне это понять.

— Он настолько ужасен?

— Он невыносим. Хотя думает, что именно от таких парней и тащатся все девушки в мире. Даниэль — придурок с примесью нарцисса. А это просто взрывная смесь. Хотя он может быть милым, когда захочет, — со смехом рассказывала я. — Но когда он мил со мной, мне становится страшно. Я начинаю думать: «А не подсыпал ли он яда в мою чашку?» или «Боже, у меня что рак? Я умираю?». — Кажется, мои слова очень забавят моего друга, потому что такого искреннего смеха и улыбки на его лице я еще не видела.

— И он был такой всегда? — Вот и все. Этот вопрос поставил меня в тупик. Как бы я не хотела быть откровенной с Алексом, фальшь между нами всегда будет. Я должна придерживаться легенды, что мы с Уорнерами одна семья.

— Я не знаю. Мы не особо общались раньше.

— Почему?

— Это долгая история, я не уверена, что ты захочешь ее слушать, — неплохая попытка увильнуть, но она не сработала.

— А разве мы куда-то спешим, я очень хочу ее послушать. Так что давай, рассказывай мне все в мелких деталях, — Алекс положил свою ладонь на мою руку, и посмотрел мне в глаза, улыбаясь. — Я спрашиваю это, потому, что мне действительно интересно, а не из вежливости.

Я кивнула в ответ. Мы с Милом хорошенько продумали нашу историю, так что я знала ее так, словно она на самом деле произошла с моей семьей.

— Роберт и моя мама были родными братом и сестрой. Моя мама была младше его на восемь лет, и они не особо ладили. За неделю до того, как бабушке исполнилось тридцать семь лет, ее убили при ограблении. Дедушка винил во всем себя.

— Почему?

— Он был знатным ювелиром в то время. И в подарок на ее тридцатый день рождения, дед сам сделал для нее медальон. Бабушка боялась его носить, говорила, что он слишком красивый и привлекает внимание, что его обязательно украдут. Но в тот день дедушка настоял на том, чтобы она одела его на день рождения подруги, сказал, что он идеально дополняет ее наряд. Домой бабушка не вернулась. Ее нашли только утром, в квартале от дома, с ножевой раной. Медальон пропал. Дедушка умер через месяц. Его сердце не выдержало потери. Он так и не смог смириться с ее смертью. Моей маме на тот момент было всего десять лет и ее забрали к себе бабушкины родители. Роберту уже было восемнадцать, и он уехал учиться в другую страну. Они лишь изредка переписывались письмами. Его жена Аделаида умерла при рождении третьего ребенка. Как и младенец. Сам Роберт умер десять лет назад от рака. Мил и Даниэль нашли меня шесть лет назад, когда мои родители погибли в автомобильной аварии. Но более или менее общаться мы начали лишь с марта. Когда сгорела моя квартира, они забрали меня жить к себе. Так что, по сути, мы в родстве всего два месяца, и я не особо их знаю, — выдохнула я. — Вот такая наша семейная история, не такая уж и веселая.

— Скорее печальная, — грустно сказал Алекс, а чуть помолчав, добавил. — Мне очень жаль.

— Мне тоже.

Глава 19

Алекс уехал от меня около четырех часов вечера. Мы договорились, что завтра в десять часов утра мы поедем на кладбище.

Я развалилась на диване с целью посмотреть телевизор, хоть раз, за столь долгое время. Но видимо уснула, потому, что оказалась на крыше высотки. Ночь. На небе неестественно много звезд, вокруг расставлены свечи, а с крыши открывается потрясающий вид на огни ночного города. Я одета в длинное, шелковое платье, алого цвета.

— Потрясающий вид, не правда ли? — Я повернула голову на голос и увидела Кайла.

— Не то слово, — ответила я. — Что я тут делаю?

— Я слишком рано ушел в прошлый раз.

— Ты имеешь в виду, слишком рано сбежал?

— Ну, «сбежал» это не совсем подходящее слово, но да, — лицо Кайла озарилось улыбкой. — Я на днях послушал твой диск.

— Мой диск? Который?

— Тот, который ты у меня забыла. Альбом Дэмьена Райса, — уточнил ангел, на его красивом лице играла озорная улыбка.

— Я не могла забыть этот диск, ты стащил его, — рассмеялась я.

— Одолжил. Так вот. Я его послушал. И ты знаешь, его песни идеальны.

— Идеальны? Для чего?

— Для нашего танца, — с лукавой улыбкой Кайл подходит ко мне. На нем был все тот же костюм, что на вечеринке «Масок». Единственное, что изменилось, это рубашка. Сегодня она белая. — Эмили Бейли, ты потанцуешь со мной?

— Но музыки нет, — я уставилась на его протянутую руку.

Он рассмеялся:

— Это сон, здесь будет все, что ты пожелаешь. Ну, или что пожелаю я.

— Ты не перестаешь меня удивлять.

— Ты считаешь меня удивительным?

— И более того, — я вложила свою руку в его, отовсюду раздался звук гитары, и мое сердце замерло. — Это моя любимая песня. — Прошептала я.

— Знаешь, я не слышал ничего более красивого, чем она. Собственно ради нее мы и здесь.

Он кружил меня в медленном танце. Не в таком страстном, как на той вечеринке.

Сейчас наш танец само воплощение нежности и трепета, он кажется мне куда интимнее, чем все, что может происходить между мужчиной и женщиной.

Руки Кайла держат меня так, словно я сделана из папье-маше и одно его неловкое движение, может сломать меня навсегда. Он настолько близко, что я чувствую, как бьется его сердца, в то время как мое, чуть ли не выпрыгивает из груди.

Кайл шепчет слова песни мне на ухо, так тихо, что я только изредка улавливаю отдельные фразы. Кажется, что эта песня является его откровением, и когда он шепчет мне слова из припева «*Я просто не могу отвести от тебя глаз*» даже его шепот не скрывает тот факт, что они цепляют его душу.

Мне хочется остановить танец, обхватить руками его лицо и узнать, что он делает? О чем думает? И что это должно значить для меня? Но я не могу, магия нашего танца просто заворожила меня и я лишь подчиняюсь ее течению.

Одна песня сменилась другой. Её я никогда не слышала. Поэтому вся обратилась в слух. Кайл не просто так устроил все это. Это должно что-то означать, только вот что?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Воздух наполнился звуками фортепиано, а когда зазвучали слова, мое бедное сердце словно провалилось в бездонную пропасть.

Выбрось меня, как ненужную вещь...

Хотя я так не сделаю.

Это плохое место,

Чтобы думать о тебе...

Это неподходящее время

Для нового романа...

Это небольшое преступление,

И для меня нет оправдания...

На этот раз Кайл не шепчет слова песни на мое ухо, и мне порой кажется, что он замер

и перестал дышать. Я понимаю, что он дает мне шанс осмыслить слова. Среди их потока услышать именно то, что сам он никогда не сможет сказать.

Не возражаешь?

Отдай мне пистолет — он заряжен.

Не возражаешь?

Если ты не выстрелишь, то, как мне это выдержать?

Не возражаешь?

Отдай мне пистолет — он заряжен.

Не возражаешь?

Ты не против?

Руки Кайла все сильнее сжимают мою талию, в то время как мои бессильно повисли на его плечах. Ноги перестают меня слушаться, такое чувство, что еще чуть — чуть, и я рухну перед ним на колени. Он ранил меня, ранил в самое сердце.

Выбрось меня, как ненужную вещь...

Хотя я так не поступлю.

Это плохое место,

Чтобы обманывать тебя...

Это непростое время,

Через которое ты заставляешь меня пройти...

Это небольшое преступление,

И для меня нет оправдания...

Я уловила смысл, который он видит в этой песне. Осознание этого, заставляет мое сердце разрываться. Я плачу. Слезы водопадом стекают по моим щекам, падая на пиджак Кайла.

Не возражаешь?

Отдай мне пистолет — он заряжен.

(Ты не возражаешь?)

Не возражаешь?

Если ты не выстрелишь, то, как мне это выдержать?

Не возражаешь?

Ты не против?

Ноги меня больше не держат. Я падаю на колени, но Кайл успевает меня подхватить. Ангел пытается поставить меня на ноги, но я падаю обратно, у меня нет сил. Мне хочется лечь на пол, свернуться комочком и плакать до тех пор, пока во мне не останется слез. Словно он только что пырнул в меня нож по самую рукоять.

— Эй, Эмили. Эмили, ты должна встать, — нежно говорит мне Кайл, но я отрицательно мотаю головой и вырываюсь из его рук. Я хочу проснуться. Умоляю, кто-нибудь, разбудите меня. Разбудите. Из-за рыданий мне не хватает воздуха. Скажи он эти слова сам, мне бы не было так больно. Но эта песня разрывает мою душу, просто потому, что она есть, а теперь еще и от того, что именно он хотел ей сказать.

— Зачем ты так поступаешь со мной? Это жестоко! — Я кричу на него, что есть сил. — Ты бы мог просто сказать это, без всего этого. — Я развела руки в сторону, показывая на повсюду стоящие свечи.

— Я думал, тебе будет приятно, — виновато ответил он.

— Было. До того, как я поняла, что ты возвращаешься домой, и я больше тебя не

увидю. — Мои слова, словно кнут ударили его и он вздрогнул. — Да лучше бы ты просто заявился ко мне домой и сказал все в лоб, чем делать вот так. Ты ничем не лучше Даниэля.

— Я не такой как он, — с яростью ответил он.

— Да! Ты не такой, как он Кайл, ты еще хуже!

Я вытерла слезы ладонями и уставилась в небо, пытаясь заставить себя перестать плакать. Мне кажется, что если я буду смотреть вверх, мои горькие слезы зальются обратно, но это не помогает.

— На что ты рассчитывал, когда устраивал все это? Что мы потанцуем, ты мне скажешь «до свидания», а я тебе в след с улыбкой, от уха до уха, буду махать белым платочком и кричать «счастливого пути»? Ты идиот, если рассчитывал именно на такую реакцию.

— Нет, я просто думал, что все будет немного по-другому.

— Я даже не хочу знать, как это твое «по-другому» должно было выглядеть, — я закрыла лицо руками, пытаясь, успокоится. — Верни меня домой. Я хочу проснуться. — Наконец посмотрев на него, устало сказала я.

— Я просто хотел попроситься, — его голос был пропитан виной. — Я не хотел делать тебе больно.

— Знаешь, Кайл приходит на вечеринку, на которой в принципе быть не должен, танцевать со мной, давать надежду, устраивать свидание на крыше, а потом объявлять, что возвращаешься домой — при любом раскладе больно. Что б ты знал!

Кайл не произносит ни слова. Его темно-медовые, нежные глаза полны боли и печали, но он молчит. Эта тишина убивает меня. Я хочу уйти отсюда, но понимаю, что буду здесь до тех пор, пока он меня не отпустит.

— Ты была для меня просто очередным заданием, — наконец произносит он, от этих слов мое сердце наполняется болью.

— Вау. Спасибо. Мне совсем не больно это слышать, — безразличным голосом говорю я.

— Я и раньше присматривал за женщинами, спасая их от смерти. Но за эти шесть лет, что я присматриваю за тобой, я понял, какая ты удивительная. Мне не встречался никто, даже отдаленно напоминающий тебя. Твоя жизнь наполнена смертью и скорбью, но ты все равно остаешься чистой и светлой. И вот это действительно удивительно. — С каждым словом он делает шаг навстречу мне, а я словно пустила корни и приросла к земле.

— Шесть лет? Какие к черту шесть лет? О чем ты говоришь вообще?

— Я не должен был говорить тебе.

— Какие шесть лет, Кайл? Объясни мне!

— Ты не должна была погибнуть в клубе, в день твоего рождения. Я соврал, что меня послали вытащить тебя из огня.

— Я не понимаю...

— Эмили, меня послали гораздо раньше. Ты должна была погибнуть в той аварии. Вместе с родителями. Ты выжила не потому, что вылетела из машины, через лобовое стекло, а потому, что я вытащил тебя из нее. Ты была на волосок от смерти, и я ели успел тебя спасти.

— Нет. Нет, нет, нет, — я даже не знала, что можно рыдать еще сильнее, откуда во мне столько слез? — Ты лжешь! Скажи мне, что ты лжешь!

— Я бы хотел, но не могу. Это правда. В марте, меня не было рядом всего неделю, — Он замолчал, подбирая слова. — Это был единственный раз за шесть лет, когда я уходил от тебя.

К тому моменту как я вернулся, ты уже ввязалась в эту гонку за медальоны. И я уже не мог это остановить.

— Почему? — Набрав побольше воздуха, спросила я. — Почему ты не сказал мне раньше?

— Я не знаю. Наверное, мне не хватило смелости, — он потер ладонью тыльную сторону своей шеи, его красивое лицо было хмурое от тревоги. — Они узнали, что у тебя есть чувства ко мне.

Я подняла на него взгляд, наши глаза встретились и он продолжил:

— Теперь они боятся, что я поведу себя как Милан. Но, Эмили, это невозможно, я не умею любить. Я даже не знаю, какого это, быть влюбленным. Для меня это просто слова, понимаешь?

— Нет, — я отрицательно покачала головой, подтверждая свои слова. — Я совсем не понимаю о чем ты.

— Как же ты не понимаешь, что чувствую я. Да даже я не понимаю, что со мной происходит. Ты забрался ко мне под кожу, и я чувствую тебя внутри: в венах, сердце, легких в голове. Меня тянет следом за тобой, как веревкой привязанную. От одного твоего взгляда мне умереть хочется.

Легкие горят он недостатка кислорода. Я делаю пару крохотных вздохов, а затем снова продолжаю:

— Я не знаю что это, если не любовь. Когда ты рядом — все вокруг кажется таким мизерным, незначительным, практически фантомным. Меня переполняет буря эмоций и чувств. И я ни за что не поверю, что ты ничего не чувствуешь.

Он не смотрит на меня. Уставился на что-то за моей спиной.

— Посмотри мне в глаза и скажи, что твое сердце не выпрыгивает наружу при виде меня, — я подхожу ближе и беру его лицо в свои ладони, так нежно, словно касаюсь неба. Так всегда делала моя мама, и я чувствовала в этом прикосновении всю силу ее любви. Я хочу, чтобы Кайл это тоже почувствовал. — Скажи, что ты крепко стоишь на земле, что она не уходит из под твоих ног, когда я тебя касаюсь. Скажи мне это и я тебе поверю.

Он тяжело сглатывает. Смотрит на меня потемневшими глазами и молчит. Он колеблется. Я вижу его сомнения. Все его тело говорит мне об этом.

На секунду мне показалось, что я победила. Вмиг он сдулся, как шарик, а затем вновь стал неприступным и холодным:

— Я не умею любить, — отводя взгляд, произнес он. — Это единственное, чему меня не научили.

— Не научили? — Отшатнулась я. — Разве тебя учили дышать? Тебе объясняли, как слушать? Смотреть?

— Нет, — непонимающе ответил Кайл. Я подошла к нему вплотную, его глаза так прекрасны, что посмотрев в них, я уже не могу отвести взгляд, я кладу руку на его грудь. Туда, где бьется его сердце.

— А твое сердце? Кто-нибудь учил твое сердце биться, Кайл?

— Нет, — снова отвечает он сдавленным голосом.

— Так, какого хрена ты говоришь, что не умеешь любить? — Я ударяю кулаками ему в грудь, срываясь на крик. — Ты ведь даже не пытался.

Кайл отворачивается от меня.

— Вот видишь, — я указываю на него рукой. — Это то, что ты делаешь все эти шесть

лет — убегаешь. Просто закрываешься от меня. Скажи мне, Кайл, что ты чувствуешь?

— Я не знаю, что я чувствую, понимаешь? — Первый раз за все время его голос переходит на крик. — Я НЕ-ЗНА-Ю! — По слогам произносит он. — Что ты хочешь, Эмили?

— Я хочу, чтобы ты открылся, Кайл. Чтобы ты хоть раз взял на себя ответственность и решил чего ты на самом деле хочешь.

Кайл он молчит, так что я продолжаю:

— Я влюблена в тебя, и я не скрываю это. Да у меня на лбу, словно баннер с бегущей строкой и только тупой не может понять это. Мне ужасно трудно было признаться в этом самой себе после того, что я пережила, но я сделала это. Потому, что если меня завтра убьют, я хочу быть уверена, что ты знаешь о моих чувствах. Кайл, я хочу, чтобы ты меня любил, но если этого не будет, я предпочитаю узнать правду сейчас, пусть она сломает меня, но я найду в себе силы идти дальше. Уж лучше так, чем я привяжусь к тебе еще сильнее, ты зародишь еще больше надежды во мне, а однажды просто пропадешь из моей жизни, сказав, что я тебе безразлична.

— Ты слишком многое от меня требуешь, — он нервно запустил свои пальцы в волосы. — Я не могу быть с тобой, любить тебя, и носить крылья. Их вырвут, Эмили, я буду изгнан навсегда, ты это понимаешь?

— Мне запрещено тебя любить, — его голос перешел на шепот, который ветер доносил до моих ушей. — Но это не значит, что я не хочу.

— Тогда уходи, Кайл, — я не узнаю свой голос, холодный и жесткий словно сталь. — Лучше разорви меня сразу. Уж лучше так, чем быть распущенной на ниточки.

Мое лицо мокрое от слез, я прикрыла рукой рот. Душа болит так, что я готова кричать от агонии, но вместо этого я безмолвно киваю, подталкивая его к уходу. Лицо Кайла не выражает ни единой эмоции. Он подходит ко мне, но у меня больше нет сил смотреть на него. Его большие теплые руки обхватывают мое лицо и утирают слезы. Пухлые губы, целуют мой лоб, обжигая, словно огонь.

— Прости меня, Эмили, — шепчет он, перед тем, как все вокруг исчезает, и я просыпаюсь на своем диване. Часы на телевизоре показывают семь часов утра, воскресенье.

Глава 20

Я купила четыре шикарные, красные розы, с крупным бутоном на длинном стебле. Эстер говорила мне, как они называются, но я так и не запомнила.

Первым делом мы с Алексом навестили могилы моих родителей. Через пару дней будет шесть лет, как они погибли. С их смертью я давно уже смирилась, но боль все равно не утихает.

Возле памятника стоит небольшая цветная фотография Зака, а на могиле Зака лежат совсем свежие цветы. Наверное, их оставила Лидия.

— Эту фотографию сделала я, — я положила рядом с цветами свою розу. — Этой осенью. Мне было грустно и Зак отвез меня в парк. Мы фотографировали прохожих, а когда пришло время идти домой, он попросил меня сфотографировать его.

— Видно он был очень хорошим парнем, — грустно сказал Алекс.

— У меня никогда в жизни не было таких друзей, как он. Я даже не знала, что можно так дружить. Мне его не хватает. — Алекс подошел ко мне сзади и положил руки на мои плечи.

— Я думаю ему хорошо там. И он тоже по тебе скучает.

— Я могу лишь на это надеяться.

Следующей и последней нашей остановкой была Эстер. Ее похоронили в противоположной части кладбища от могилы Зака. И сегодня здесь совсем не было посетителей.

— Боже, тут даже днем жутко, — с нервным смешком прошептал Алекс. Он что на самом деле нервничает? Днем на кладбище? Трусиська.

— Моя мама говорила, что бояться надо живых, а не мертвых. Мертвым нет до нас дела.

Вдалеке показалась ее могилка. Каждый шаг, приносит боль, словно я иду босиком по битому стеклу.

Ее могила усыпана цветами и игрушками, роза в моих руках на фоне этого выглядит жалко. Надо было купить букет.

Миссис Брит оставила на могилке фотографию с последнего дня рождения Эстер. Это было ее любимое фото.

— Она такая красивая.

— Да, — выдавила я сквозь слезы. — Она была очень красивой. Знаешь, до этой минуты, мне казалось, что это дурной сон. Мне так хотелось проснуться и увидеть ее румяное, красивое лицо. Лицо, переполненное жизнью, радостью, светом.

Горькие слезы обжигают мое лицо, я стала на колени перед могилой и положила в ворох цветов свою жалкую розу.

— Милая моя, если ты меня слышишь, прости меня. Я должна была взять тебя с собой. Я не должна была оставлять тебя одну. Вместе с тобой умерла половина моей души. И жить такой покалеченной очень больно, — я уже не просто плакала, я рыдала, выплескивая боль и тоску, они долгое время пожирали мою душу. — Прости меня. Мне так тебя не хватает.

Сильные руки обхватили мою талию и подняли на ноги. Алекс прижал меня к своей груди позволяя выплакаться, я цеплялась за его футболку, как тонущий хватается за спасательный круг.

— Эй, Эмили. Все в порядке, — утешал меня он. — Поплачь, тебе станет легче, надо выплеснуть свое горе.

В какой-то момент мои слезы кончились, я не знаю, сколько времени мы вот так простояли.

— Прости, Алекс, мне так жаль. Если бы я знала, что вот так разревусь, ни за что не позвала тебя. Это так жалко.

— Нет, не говори так, Эмили. Я рад, что здесь с тобой именно я. У меня в машине есть успокоительное и много холодной воды, — заулыбался он, нежно вытирая слезы с моих щек. Я сейчас, наверное, похожа на пугало с красным носом и тушью размазанной по всему лицу. — Пошли восполнять запас жидкости в твоём организме.

— Спасибо тебе.

— Я всегда к вашим услугам, мисс Бей... — Алекс не успел договорить. Раздался глухой удар, и он упал как подкошенный, зеленую траву окрасила алая кровь. Чьи-то огромные сильные руки зажали мой рот. Что-то больно укололось в мое плечо и уже через секунду перед глазами все поплыло. Я отключилась.

* * * * *

Моё тело ватное. Во рту пересохло. В нос ударяет сильный запах сырости. Голова раскалывается. Я пытаюсь открыть глаза. Но мои веки тяжелые, словно налиты свинцом.

Собрав всю свою силу, я открываю глаза, но от этого никакой пользы, меня окружает чернота.

Мысли понемногу проясняются, и я вспоминаю Алекса и то, как его кровь растекалась по зеленому газону. Если его не найдут, он умрет от потери крови. Еще одна смерть по моей вине. Плюс один труп на моем личном кладбище.

Но единственное, что заботит меня на данный момент, это то, что меня похитили.

Я не могу пошевелиться, мои руки и ноги привязаны. Лицо начинает чесаться, и я наконец-то ощущаю повязку на глазах, мешающую мне видеть. Мне страшно. Я стараюсь, не шевелится, прислушиваясь к звукам в помещении, но слышу лишь, как где-то капает вода, словно отсчитывая последние минуты моей жизни.

Тяжелая дверь со скрипом отворилась, от ужаса, каждый волосок на моем теле встает дыбом.

— Ну, привет не уловимая птичка, — сказал мужчина до ужаса противным голосом, от которого кровь в моих жилах застыла. Я слышала этот голос, только не могу вспомнить где. Повязку с моих глаз сняли, и мир вокруг превратился в размазанное пятно. — Ты изрядно заставила нас погоняться за тобой.

— Кто вы? — Голос дрожит, выдавая ужас наполняющий меня. — Что вам нужно?

— Не прикидывайся дурочкой, ты прекрасно знаешь, что нам нужно, — послышался второй голос.

— Я клянусь, что понятия не имею, что вам нужно, — слезы подступают к глазам, но я не должна плакать. Я не доставлю им такого удовольствия. Не дождутся.

— Дарк, по-моему, этой сучке надо освежить память...

Дарк?! Я знаю это имя, я слышала его, но где? Откуда я его... Зак. Это он убил Зака.

Волна ужаса пополам с гневом накатила на меня. Эти люди убили моего друга. Перед моими глазами до сих пор стоит его полностью обезображенный образ с пустыми, безжизненными глазами. Они и меня убьют. Я уже не жилец, раз попала в их цепкие лапы.

— Ну, уже готова рассказать мне, где он? — Спросил Люк, явно получая удовольствие от процесса.

— Катись к черту, ублюдок, — выплюнула я.

— Как я ждал этих слов, — рассмеявшись, он со всей силы ударил меня в живот. Стул покачнулся и со всего маха перевернулся вместе со мной, голова с глухим стуком ударилась о каменный пол. Могу поклясться, что слышала треск. Меня охватила не просто боль, а агония. Из моего горла вырвался душераздирающий крик. Что-то липкое и горячее расплзлось по полу, заливаясь мне под шею. Я почувствовала ели уловимый металлический запах в воздухе. Кровь...

Боль была настолько сильной, что перед моими глазами все поплыло, мысли спутались, и я начала терять сознание. Последнее, что я услышала, был вой сирен, а затем тяжелая входная дверь слетела с петель.

Кто-то зашел в комнату.

А дальше я провалилась в пустоту....

Глава 21

Если смерть похожа на вечный, беспробудный, красочный сон, то я совсем не боюсь!

Боль прошла...

Мое тело лежит на холодном полу. Я больше не связана, но по-прежнему не могу двигаться. Чьи-то теплые руки держат мои ладони. И мне хочется лететь на их тепло, как мотыльки летят на огонь. По телу распространяется приятное покалывание, и я понемногу начинаю его ощущать.

— Эмили, милая, ты должна бороться, — шептал мне голос, который я узнаю из тысячи других. — Ты должна открыть глаза, я прошу тебя.

Я собрала все те крохи силы, которые у меня были и сжала его руку, давая понять, что я его слышу.

Ко мне возвращаются силы, открыв глаза первое, что я вижу — это лицо Кайла полное ужаса, его глаза черный, словно две бездонные пропасти. Он весь перепачкан в крови, лицо, тело, руки. Под правым глазом у него большая ссадина, на левом плече глубокий порез. Я поднимаю свою тяжелую руку к его лицу, мои пальцы оставляют кровавые следы на его щеке.

— Я умерла? — Спрашиваю я шепотом. И его лицо озаряется улыбкой.

— Думаешь, я бы тебе позволил?

— Определенно нет, — ответила я Ангелу, и он помог мне встать. С каждой минутой мне становится легче. Глова гудит, но на ощупь на затылке нет никакой раны, хотя все мои волосы в крови. Стащив с запястья резинку, я собрала их в хвост. Тело Люка лежит в левом углу.

— Ты его вырубил?

— Да, — жестко ответил Кайл. — Пошли, я должен вытащить тебя отсюда.

Возле двери послышался шум, обернувшись, я увидела Дарка сжимающего в руке кинжал. И уже через секунду этот самый кинжал летел прямо в мой лоб. Я закрыла глаза. Но ничего не почувствовала, кинжал не попал в меня, вместо этого, руки Кайла сжали мои плечи.

Открыв глаза, я поняла, что мы стоим посреди его гостиной. Мы выбрались.

— Слава Богу, мы выбрались, — говорю я, и в этот самый момент Кайл падает на пол лицом вниз. Из его спины торчит тот самый кинжал. Он закрыл меня своим телом.

Паника подкатила к горлу. Он же ангел, он не может умереть, ведь так? Я упала перед ним на колени и трясущимися от ужаса руками, вытащила кинжал из его спины. Мне нужно как-то остановить кровь, надо ли вызывать скорую? Исцелится он сам или же умрет от потери крови? Я должна была расспросить его о подобных случаях и узнать, что делать в таких ситуациях.

На кухне я нашла аптечку и ножницы, чтобы разрезать его футболку.

Рана выглядит ужасно, в разные стороны от нее отходит черная паутина.

— Черт возьми, что это такое? — Мой голос полон паники. — Кайл? Кайл, умоляю, очнись! Боже, я не знаю, что мне делать.

— Эмили? — Произнес шепотом ангел. — Эмили?

— Я здесь, — я села так, чтобы он мог меня видеть.

— Насколько все плохо?

— По шкале от одного до десяти?

— Ага.

— Двенадцать. Кайл, это необычная рана, я не знаю, что делать.

Его глаза распахнулись:

— Эмили, покажи мне кинжал, пожалуйста.

Я положила кинжал так, чтобы Кайл мог его видеть. Он провел пальцами по его лезвию, а затем поднес их к лицу, что бы рассмотреть.

— Черт, — сказал ангел. — Похоже у нас неприятности. Эта штука пропитана ядом, и я понятия не имею, как вывести его из организма.

— Что это значит, Кайл? Ты умрешь? Ты же не можешь умереть, ангелы просто так не умирают.

— Ну, вот через пару часов мы с тобой и узнаем, может ангел умереть или нет, — пытается шутить, вот дурак. Я на грани истерики.

— Что мне делать? Как помочь тебе?

— Если бы я знал, — Кайл начал кашлять, с его лица сошли все краски, он похож на смерть. От этого, мой страх лишь увеличился раз в десять.

— Кайл, надо позвонить Уорнерам. Михаэль что-нибудь придумает. У них целая библиотека всяких ангельских книг, там должно быть хоть что-то.

— Мне запрещено вступать с ними в контакт.

— Забудь о правилах, — я перебила его. — Сейчас главное, спасти твою жизнь, а о твоих крыльях мы подумаем потом.

— Я и не знал, что ты любишь командовать, — рассмеялся ангел. — С этим у нас могут быть проблемы.

— Ты сможешь перенести нас к Уорнерам?

— Я в этом не уверен.

— На машине слишком долго, мы лишь потеряем время. Попробайся хотя бы сам перенестись к ним. Я позвоню Милу и объясню все, пока буду добираться, за это время Михаэль должен что-то придумать.

— Эмили, это не очень хорошая идея.

— Мне плевать, просто сделай это. Другого выхода у нас нет. Так что тащи свою ангельскую задницу к ним в дом. Я не прощу тебя, если ты умрешь, усек?

— Усек, — улыбнулся Кайл. Я видела, сколько боли ему приносила каждая попытка переместиться, но все же с третьего раза ему это удалось.

Он исчез.

Мои руки дрожат пока я ощупываю карманы своей куртки, эти уроды даже не удосужились проверить их, мой телефон на месте, я должна дозвониться Милу и рассказать все.

— Боже мой, Мил, мне нужна твоя помощь, — протараторила я, всхлипывая в трубку. — Просто выслушай меня хорошо?

— Эмили, что стряслось? — Похоже, я перепугала его не на шутку.

— Мил, где-то на территории вашего дома в данный момент находится мой друг. Он ранен и только вы можете ему помочь. Я поймаю такси и приеду так скоро, как только смогу.

— Эмс, подожди. Говори медленнее, я не понимаю, — перебил меня старший Уорнер. — Что произошло?

— Мой друг Кайл, он ангел. Меня похитили и хотели убить, но вместо этого ранили его отравленным кинжалом, я не знаю что делать. Я попросила его переместиться к вам, пока сама буду добираться на такси. Пожалуйста, найди его, он ужасно выглядит, — я все еще плачу, но стараюсь как можно внятнее донести до Мила суть проблемы. — Позвони мне, как

только его найдешь.

— Хорошо. Не беспокойся, мы все исправим.

Я запуталась в своих мыслях словно в паутине, скорее всего действие того препарата, который похитители мне вкололи еще не закончилось.

Мое сердце останавливается. Кажется, что весь мир вокруг меня остановился, замер, не дышит, в моей памяти прокручивается одна единственная картинка, алая кровь на зеленом газоне. Где-то там, на кладбище, мой друг умирает от потери крови, в то время как на другом конце города, любимый мужчина отравлен ядом. Я не знаю, в каком направлении ехать. Кайл среди моих друзей, которые пообещали спасти его, в то время как Алекс один, умирает на кладбище.

Они оба пострадали по моей вине, но я не могу разделить на две одинаковые половинки и отправить их в разные части города. Напротив меня остановилось такси, а я все так же стою у открытой двери и не могу решить куда ехать. В моей руке звенит телефон, это Мил.

— Да.

— Эмс, мы нашли его, он был в твоей комнате, — слава Богу. — Черт, его рана жутко выглядит. Но Михаэль... он знает, что это и как вывести это из организма Кайла. Где ты?

— Я тут. В смысле, я еще не выехала, — я сильнее сжала телефон в своих руках. — Я была с Алексом, когда они напали. Последний раз я видела его на кладбище с дырой в голове...

— На кладбище? — Мил кричит в трубку, перебивая мой рассказ. — Какого черта ты делала на кладбище? Я же тебя просил, Эмили.

— Я знаю, прости.

— Езжай к Алексу, мы справимся. И Эмили?

— Да?

— Будь осторожна.

— Хорошо.

Всю дорогу до кладбища я пыталась дозвониться Алексу. Трубку никто не брал. И это совсем не хорошо. В моей голове всплывает самый худший исход событий. Мое воображение рисует мертвого Алекса, с бледной и холодной кожей, бездыханного. Нет, о чем я вообще думаю? С ним все в порядке, по-другому и быть не может.

И вот я здесь, на том самом месте, где три часа назад видела своего друга. Зеленый газон перепачкан запекшейся кровью. Самого Алекса тут нет.

— Жуткое зрелище, не правда ли? — Голос за спиной заставил меня подпрыгнуть на месте, издав испуганный крик. — Боже, деточка, по тише, а то мертвых разбудишь.

Позади меня стоял мужчина преклонных лет, одетый в старый, потертый рабочий костюм зеленого цвета, в руке он держит ведро до краев наполненное водой, сверху плавала небольшая губка.

— Простите, я просто испугалась. Что здесь произошло? — Я указала на кровавое пятно на траве. Уж этот старик точно должен знать, что стало с Алексом.

— А... Нашли парнишку с проломленным черепом. Никто не знает, что произошло, но я уверен, что тут замешаны наркотики. Какой-нибудь очередной наркодиллер, нормальных людей на кладбище не избивают. — Старичок принялся растирать кровь по траве, на мой взгляд, от этого становилось только хуже.

— Но он жив?

— Живо-о-ой. У них как у кошки, по девять жизней. Увезли в больницу, приблизительно час назад.

— А в какую больницу не сказали?

— Нет, они передо мной не отчитались, — сердито пробурчал мой собеседник, ясно давая понять, что я его порядком достала своими расспросами. Странно, обычно пожилые люди так и норовят найти того, с кем можно поболтать. — Словно мне больше делать нечего, как с ней болтать. — Произнес себе под нос старик.

То ли он думал, что я не слышу, то ли надеялся, как раз на обратное, желая чтобы я отстала от него со своими расспросами.

Самое главное, что Алекс живой и в надежных руках врачей. Я оставила ему сообщение с просьбой перезвонить, как только, так сразу и со скоростью света отправилась в дом Уорнеров.

Дверь не заперта. На кухне послышался шум и, зайдя туда, я увидела, как Катарина что-то усердно готовит.

— Привет, — не громко сказала я, чтобы не напугать Катарину. — Где все?

— Привет, они наверху. Мил с Кайлом, Михаэль у себя в кабинете готовит противоядие, а Дани заперся в своей мастерской. Как всегда не в духе.

— Ничего не меняется да? — Я всеми силами стараюсь растянуть время до размеров черной дыры, я понятия не имею, как объяснить все Милу, чтобы он не подумал, что я предала их, не рассказав об ангеле, охраняющем меня.

В какой момент моя жизнь стала настолько сложной?

— Что верно, то верно. Милая, я думаю тебе надо подняться к Милу, он очень волнуется.

— Он зол на меня?

— Нет, ты чего? Никто из нас на тебя не злится. Мил волнуется о тебе. Ступай, а я пока заварю тебе чай.

На не гнущихся ногах я поднялась на второй этаж. Дверь в комнату, где раньше жила я, плотно закрыта. Кругом стоит тишина. Я тихонечко постучалась и вошла. Кайл лежит на кровати, его глаза закрыты. Он в порядке? А что если они не успели ему помочь и теперь Кайл мертв? Я почувствовала, как начала задыхаться от навязчивых мыслей, забирающихся в мою голову. Ноги задрожали, и если бы я не держалась за дверь, то наверняка бы упала.

— Он спит, — не громко произнес Мил. Я перевела взгляд в его сторону, и он жестом пригласил меня сесть рядом с ним. — Михаэль вколол ему что-то, так что он проспит до утра.

— А что с ядом?

— С минуты на минуту будет готово противоядие, можешь быть спокойна, Кайл будет в порядке.

— Слава Богу.

— Эмили, а почему ты в шапке?

— Даже не спрашивай, — я уронила голову на руки. — Она не моя, я стащила ее у Кайла. У меня все волосы на затылке в крови. Черт, да я вся в крови. Хорошо, что на мне черная одежда и этого не видно, иначе меня бы уже давно арестовали.

— Что произошло? Расскажи мне все, и обещаю, я не буду тебя судить или отчитывать.

— Я была с Алексом на кладбище. Мне нужно было сходить на могилы моих родителей,

Зака и Эстер, — воспоминания всколыхнули во мне едва утихшие чувства тревоги и страха. — Мы уже возвращались домой, когда они огрели Алекса по голове, а мне вкололи какую-то дрянь. Очнулась я только через два часа в каком-то подвале, полностью связанная. Люк и Дарк пытали меня, до тех пор, пока первый не проломил мне череп об каменный пол. Потом появился Кайл, он можно сказать вытащил меня с того света, но перед тем, как нам выбраться из того места, Дарк швырнул в меня кинжал, но тот попал в Кайла и теперь я здесь.

— Черт. Похоже, я в долгу перед этим парнишкой, — он указал в сторону спящего Кайла. — Если бы не он, тебя бы сейчас не было с нами. — Мил обнял мои плечи одной рукой. — Как же я рад, что все обошлось. А что с Алексом?

— Мне сказали, что его забрала скорая помощь. Но куда они отвезли его, никто не знает. Я оставила ему сообщение на автоответчике.

— И как ты собираешься ему все объяснить?

— Я знаю, что это звучит ужасно, но я собираюсь разыграть эти карты. Выехать за счет этой ситуации. Вчера я рассказала ему нашу семейную историю. Он знает о медальоне. Да, я даже не совру, сказав Алексу, что я должна найти и отдать медальон до конца недели, иначе моя голова слетит с плеч.

— Я продумаю это хорошенько, но почему ты так решила?

— Я не хочу, чтобы еще один человек, умер по моей вине. А до тех пор, пока медальон у Алекса и пока я на его радаре, его жизнь в опасности. Похоже, мне срочно надо в ванную. Если я не смою с себя всю кровь, то сойду сума.

— Хорошо, я пойду вниз.

— Нет, пожалуйста, побудь с Кайлом. Я пойду, принесу тебе что-нибудь поесть, пока будет набираться вода.

* * * * *

Пока я принимала ванну, Михаэль ввел Кайлу противоядие. Похоже это самая хорошая новость за весь день.

— Сейчас только четыре часа дня, — я вернулась в комнату суша волосы полотенцем. Наконец-то я сняла с себя перепачканную кровью одежду и смыла все, что напоминало о происшествии. — А у меня такое чувство, словно прошло пять лет. Разве такое бывает?

— Это стресс, — ответил Мил, все так же сидящий на диване с книжкой в руках. — Мне нужно поговорить с Даниэлем, ты побудешь здесь?

— Да. Спасибо, что побыл с Кайлом, пока меня не было и за то, что спас его. Если бы он умер, я... — Да, я снова расплакалась.

— Эй, не смей плакать. И тебе не за что меня благодарить. Поняла?

Я кивнула в ответ.

— Вот и хорошо.

— Даниэль сильно злится, да?

— Не думай об этом, ему просто надо повзрослеть. Я разберусь с этим. А тебе надо отдохнуть.

Мил ушел. На меня после горячей ванны накатила полная усталость. Я почти заснула сидя на диване. Нет, это не куда не годится. Мое тело будет разваливаться, если я буду спать, где попало. В доме еще есть две свободные кровати, но тогда мне придется оставить Кайла одного или... Нет, заботу о Кайле я больше ни на кого не собираюсь вешать, значит,

покинуть комнату я не могу. Поэтому выбор не велик. Я думаю, Кайл не будет против соседа по кровати, мы ведь взрослые люди, ведь так?

Я легла на свою сторону кровати, как можно ближе пододвинувшись к ее краю. На самом деле, мне все равно, насколько близко к ангелу я нахожусь. Но я не знаю, как он отреагирует на эту ситуацию, если проснется раньше меня. Не успела моя голова коснуться подушки, как я уснула.

Глава 22

Мне снился день смерти Зака. Холодный кофе. Парочки на лавочках в парке. Платье, которое я купила на защиту дипломной работы. Любимая Эстер, красный листок с красивой цитатой и пустые, мертвые глаза Зака. Все это смешалось в один водоворот, который вместо того, чтобы затягивать меня, выплевывал наружу. Я проснулась. Солнце за окном почти село. Кайл, все так же спал рядом со мной. Раны на его лице и плече почти затянулись. Я проголодалась. Только сейчас осознав, что сегодня я ничего не ела.

— Проснулась уже? — Спросила меня Катарина, как только я заявила на кухню.

— Да, я очевидно проголодалась.

— Что? Я не верю своим ушам. Я даже не думала, что ты вообще бываешь голодной.

— Прошу, не издевайся, — улыбнулась я.

— Я приготовила пирог, сейчас заварю тебе чая, присаживайся.

— Катарина?

— Что, дорогая?

— Я много лет везде и повсюду находила яркие стикеры, с красивыми стихотворениями, — мой взгляд потерялся где-то за огнем, скользя по пушистым кронам деревьев. Кружка нагрелась от чая, и теперь согревает мои вечно холодные руки, это чувство уюта, комфорта, заставило меня открыть свои мысли хоть кому-то.

— На протяжении шести лет, эти листочки были моим чудом, — улыбка заиграла на моем лице. — Они были везде: дома, в институте, на остановках, в кафешках, куда я ходила с друзьями. Знаешь, я находила их даже в учебниках. В прямом смысле повсюду. И мне всегда было интересно, кто их оставляет. А сегодня, когда я искала аптечку в доме Кайла, на глаза мне попала коробка, доверху наполненная такими же листочками.

— Так это он посылал их?

— Похоже на то. Как-то странно, да?

— Скорее романтично.

Мой телефон зазвонил, прерывая наш разговор. Номер не определился. Странно.

— Ало?

— Добрый вечер. Вас беспокоят из больницы «Святого Петра», — проговорила женщина. — Сегодня днем к нам поступил молодой человек, с черепно-мозговой травмой. Документов при нем не было. Он без сознания, но недавно проснулся и назвал ваше имя. И вы последняя, кому он звонил.

— Боже, Алекс. Как он?

— Пока стабильно, мы вкололи ему снотворное, так, что он будет спать до утра.

— Когда я могу приехать?

— Приемные часы с восьми до десяти утра и с четырех до шести вечера.

— Спасибо, большое.

Я нажала «отбой». Слава Богу, что Алекс нашелся. Я ума не приложу, что я буду

говорить его семье, и тем более Норе. Как я объясню тот факт, что он был со мной на кладбище и там его ударили по голове.

— Кто это был?

— Звонили из больницы, Алекса нашли, при нем не было документов, и они не знали, кому именно звонить, во сне он назвал мое имя, и вот они сообщили мне. Я поеду к нему завтра утром.

— Хорошо, что одной проблемой меньше.

— Так ли это? Ладно, я пойду наверх, посмотрю как там Кайл, заодно приготовлю вещи на завтра. Должна ли я привезти вещи для Алекса. Ну знаешь там, какую-нибудь сменную одежду и все такое?

— Раз знаешь только ты, я думаю, стоит об этом позаботиться. Я соберу ему сумку. У Даниэля полно вещей, которые он ни разу не одевал, так что с этим проблем не будет, ступай.

Я совершенно не знаю, что люди вообще одевают, когда ходят в больницу. Это странно, но я ни разу, никого там не навещала. Поэтому мой выбор пал на брюки шоколадного цвета и пеструю блузку. Вроде ничего особенного, не слишком кричаще. Наверное.

Кайл спит. А я совсем не знаю чем себя занять.

— Эмили, я должна тебя расстроить.

— В чем дело, Катарина?

Она стоит на пороге моей комнаты, держа в руках большой бумажный пакет. Раздался звонок. К нам кто-то пришел.

— Мне безумно нравятся твои волосы, блондиночка. Но, ты никогда не хотела попробовать себя в роли брюнетки?

— Хотела, но я не понимаю, к чему ты клонишь?

— Слава Богу. Значит, идем со мной, я все объясню тебе по дороге. Ты не хуже меня понимаешь, что тебя ищут, да?

— Так, — мне определенно не нравится этот разговор.

— Так вот. Ищут они длинноволосую блондинку. А мы хотим из тебя сделать, брюнетку.

— Что? Катарина, нет! Я не буду красить волосы. Нельзя как-нибудь по старинке, пойти купить парик и дело в шляпе?

— Эмили, парик — это ненадежно, а так будет наверняка. Если тебе не понравится — Пол вернет твой цвет обратно, когда опасность минует. Сейчас самое главное, это твоя безопасность.

— Нет.

Мы зашли на кухню, где в обществе Мила находился мужчина около тридцати, одетый в модные рваные джинсы и футболку. Его внешность напомнила мне парня из фильма «Небо любви», только его волосы были цвета темного шоколада, а не белого, как в фильме. И явно Пол его не настоящее имя, скорее всего оно до жути смешное, раз стилист его скрывает.

— Пол, это Эмили, моя двоюродная сестра, — представил меня Мил. — Эмили, это Пол, друг Катаринины. Он займется твоими волосами. Прости, что тебе придется идти на это. — Прошептал мне на ухо старший Уорнер, выходя из комнаты. Катаринины выложила содержимое своего пакета на кухонный островок, там оказалась краска и еще куча всяких баночек.

— Отлично, ты нашла, то, что я просил. Значит, можем приступать.

Следующие полтора часа меня красили, стригли и укладывали. Я узнала все самые жаркие сплетни нашего города, кто с кем развелся/поженился и так далее. Сказать, что я прошла через ад, это ничего не сказать.

Кто вообще ближе к полуночи, занимается окраской волос?! Правильно, никто. Но Пола эта ситуация не смущает.

— Готово! — Мой стилист издал свой боевой клич, снимая с меня пелерину.

— Милая, иди, посмотришь в зеркало. Ты просто красавица, — ворковала надомной Катарина. Мои ноги ватные. Я уже сейчас знаю, что ждет меня в зеркале. Мое сердце разбивается. Когда люди меняют цвет волос, их жизнь тоже меняется. Да, это суеверие. Но мне почему-то страшно. Ноги несут меня в гостевую ванную. Вот и я, стою перед зеркалом, смотрю во все глаза на девушку, которую совершенно не узнаю.

Мои волосы из светло-светло русых стали пепельно-шоколадными, это единственное описание, которое я могу дать этому цвету. Но оно даже и на половину не описывает то, как на самом деле выглядят мои волосы. Их длина теперь чуть ниже лопаток, на десять сантиметров короче, чем было. Но стрижка идеальная. Пряди разной длины, оживили мой образ. Красиво, идеально, но это уже не я. Не знаю, почему, но я расплакалась.

Я вернулась в комнату к Кайлу. Графин с холодной водой я поставила на кофейный столик и, взяв ноутбук, я плюхнулась на пол у кровати. Возможно, мне удастся тихонечко посмотреть какой-нибудь фильм. Рано утром ехать в больницу к Алексу. Мне так стыдно за произошедшее. По моей вине, он лежит в больнице.

— Эмили?

— Да? — Я подскочила на ноги, как только услышала голос Кайла. — Тебе удалось вывести яд?

— Да. Спасибо Михаэлю, если бы не он я не знаю, чем бы все закончилось.

Взгляд Кайла сфокусировался на мне. Я увидела смятение на его лице:

— Твои волосы? Что с ними?

— Катарина заставила меня их подстричь и покрасить. Сказала, так будет немного безопаснее, ведь охота идет на блондинку.

— Не плохо придумано, — он дотронулся до моих волос, пропуская их через пальцы. — Но я буду скучать по белым локонам.

— Я тоже.

Между нами повисла тишина. Я уставилась на свои пальцы, сцепленные в замок. Кайл наматывает мой локон на свой палец, словно ничто другое в мире не важно.

— Я так испугалась, — мой шепот был такой тихий, что если бы не мертвая тишина комнаты, Кайл ни за что не услышал бы его. — Я так боялась, что ты...

— Все в порядке, видишь? Я в полном порядке, — он взял мое лицо в свои ладони, заставляя посмотреть ему в глаза. — Я даже на секунду не сомневался в тебе. Я знал, что ты не дашь меня в обиду, — его улыбка грела мою душу. — И нам несказанно повезло, что у Дарка под рукой оказался именно этот кинжал, а не тот, которым я заколол Люка. Тогда бы я не выжил.

— Я даже думать об этом не хочу, — казалось, мы молчали в течение часа. Его руки гладят мое лицо, столько нежность в одном прикосновении. Его тепло, словно омывает мою душу, снимая все тревоги, но я не выдержала и прошептала:

— Я думала ты ушел.

— Я хотел, но не смог.

— Почему?

— Не знаю.

Определенно это не тот ответ, на который я рассчитывала. Но сам факт того, что он уже задумывается о чувствах ко мне, наполняет меня надеждой.

— Иди сюда, — он притягивает меня к себе на колени, оборачивая вокруг нас одеяло. — Прости, что не пришел раньше. За то, что я опоздал, и тебе пришлось пройти через все это.

— Никто из нас не знал, что так получится. Ну, за исключением Мила, он сразу сказал, что это плохая затея. В следующий раз я буду его слушать.

— Они не в восторге, да? От того, что я здесь.

— Нет, они были очень рады помочь. Злится только Даниэль. Он весь день сидит у себя и не выходит. Но я думаю, тут виновата я, а не ты.

— В чем ты виновата?

— В том, что предпочла тебя ему.

Кайл еще крепче обнял меня. Казалось, это так нормально сидеть в его объятиях. Словно никто из нас не подвергался смерти пару часов назад. Я рассказала Кайлу об Алексее, о том, что мне позвонили из больницы, и я намереваюсь навестить его.

Близкие мне люди всегда страдают. Казалось бы, я должна уже привыкнуть к этому, но я не могу.

— О чем ты задумалась?

— Что? А, нет, ни о чем.

— Не обманывай, — его смех, музыка для моих ушей. — Я видел, что ты нахмурила брови. О чем ты думаешь?

— Это глупо.

— Рассказывай.

— Только не смейся, пожалуйста. Я часто фантазирую, представляю, что моя жизнь — это фильм. И мне интересно подбирать музыку к тому или иному моменту в своей жизни. Я знаю, как это глупо.

— Нет, совсем нет. Это мило. И какая музыка бы играла сейчас?

— В данный момент? — Кайл кивнул мне в ответ. — Ну не знаю, может быть *Skylar Grey — Words*.

— Хорошая песня. Только грустная, — и он запел в полголоса песню. У него потрясающий, чарующий голос.

Слова, который я должна была сказать,

Кричат сейчас в моей голове.

И захлебываясь в раскаянии,

Я не могу вернуть назад слова,

Которые я так никогда и не произнесла.

Я не могу вернуть назад слова,

Которые я не произнесла.

— Ты бы мог стать певцом, ну знаешь, в нашем мире.

— А что, быть ангелом уже не модно?

— Было бы модно, если бы вам разрешалось любить, — я не хотела задеть его этими словами. Я говорила правду, но она оказалась неприятной. Все тело Кайла напряглось. — Прости, я не хотела.

— Все нормально. Эмили, я бы хотел принять душ.

— Да конечно. Я приготовила тебе чистые вещи. Пойдем, покажу тебе все. Может, ты голоден? Катарина приготовила кучу всего. Ты дня два проваляешься в постели, так что привыкай. Я буду твоей нянькой.

— У меня личная прислуга? Боже, я точно умер и попал в параллельную вселенную, где сама Эмили Бейли у меня на побегушках.

— Ой, заткнись, — его слова рассмешили меня.

Глава 23

Будильник разбудил меня в шесть утра. Кайл мирно посапывал на соседней подушке, одной рукой обнимая меня за талию. Мы разговаривали до трех часов ночи. Как оказалось мне очень не хватало нашего общения. Как могут два человека быть одновременно похожими и разными во всем? Нам это удастся.

Я как можно тише выбралась из постели и закрылась в ванной, чтобы собраться в больницу.

Интересно, это Кайл присылал мне все эти записки на протяжении стольких лет или я ошиблась? Я могла бы спросить у него, но боюсь показаться дурой в его глазах. Поэтому я поступлю как он — оставлю ему записку.

Ровно в шесть тридцать я уехала из дома, оставив на зеркале в ванной желтенький стикер с цитатой:

«Не иди позади меня — возможно, я не поведу тебя. Не иди впереди меня — возможно, я не последую за тобой. Иди рядом, и мы будем вместе...»

— Доброе утро, мне звонили по поводу пациента Алекса Вудбери.

— Да, парень с черепно-мозговой травмой. Могу я узнать, кем вы ему приходитеесь?

— Я...

Она осмотрела меня с ног до головы, словно оценивая, нужно ли вообще о чем-то со мной разговаривать. Но тут ее взгляд остановился на моей руке, а именно на кольце, который Даниэль зачем-то одел на мой безымянный палец.

— О, ну конечно, идите за мной.

Так просто? Ее сразила моя обаятельность? Или Пол настолько гениален, что плод его труда покоряет всех без исключения?

— Алекс, милый, к тебе посетитель, — медсестра открыла дверь шире, позволяя мне пройти в палату. Мой друг лежал на кровати, его лицо бледное, голова перевязана. Мое сердце сжалось. Ему приходится проходить через все это по моей вине, смогу ли я простить себя за это? Сомневаюсь.

— Кто Вы?

Его зеленые глаза уставились на меня. Они пустые, без намека на узнавание. Я опешила, стою, как рыба на суше, открывая и закрывая рот. Мои слова застряли в горле. Слезы наворачиваются на глаза, а руки машинально вцепились в ремешок сумки.

— Простите, что не сказала Вам, Эмили. У Алекса амнезия — временная потеря памяти. Я подумала, что он Вас узнает.

— Кто Вы? — С явным нетерпением переспросил мой друг.

— Я...

— Она твоя невеста, милый. Ты ее не узнаешь?

Что? Какая к черту невеста? Она сошла с ума?

Кольцо!

Она подумала, что оно обручальное. Вот почему она меня пропустила.

— Невеста? О, дорогая, прости меня. Я так виноват, я не знаю, что со мной случилось, мне так жаль, что я ничего не помню.

Его слова ранили мою душу. В этом весь Алекс, даже когда ему самому плохо, он в первую очередь думает обо мне. Глаза застелила пелена слез.

— Все в порядке, Алекс, ты обязательно поправишься, — я подошла к больничной койке и взяла его за руку.

— Ты связалась с моим отцом? Он знает, что со мной произошло?

— О, нет, — я вытерла рукой не прошеные слезы. Что я наделала? Как я допустила это? Одно дело довести его до больницы, совсем другое быть причастной к потере памяти. Гореть мне в аду. — Я не смогла до него дозвониться, после больницы я сразу поеду к нему. Хорошо?

— Хорошо, — Алекс выдохнул с облегчением, удобнее устраиваясь на своей больничной подушке.

— Мне надо поговорить с врачом. Я скоро вернусь.

Врача Алекса я встретила в коридоре, он сказал мне, что у моего новоиспеченного жениха частичная амнезия. Последние пять лет начисто стерлись из его памяти и одному только Богу известно вернутся ли они вновь. Так же он сказал, что Алексу необходимо находится среди его привычных вещей, это ускорит процесс восстановления. Но из всего потока слов, я услышала лишь одно:

«Память к Алексу может и не вернуться...»

— Ну, и как скоро меня выпишут? — Спросил меня Алекс, как только я вошла в палату. Так странно видеть его таким слабым и уязвимым. Алекс всегда выглядел в моих глазах, как сильный, уверенный в себе парень. Он всегда идеально, со вкусом одет. А сейчас, его лицо бледное, губы потрескались. Даже больничный халат на нем смотрится нелепо. Каждая трубка, воткнутая в его тело, просто убивает меня.

— Об этом даже речи идти не может, как минимум неделю.

— Я в полном порядке, я просто притворяюсь, чтобы ты меня пожалела.

— Как бы я хотела, чтобы все было именно так. Мне надо ехать к твоему отцу, он, наверное, места себе не находит.

— Ты навестишь меня завтра?

— Конечно, — я взяла его за руку. — Я всегда буду рядом. Тебе что-нибудь привезти?

— Нет, все в порядке, спасибо. Эмили? — Он не уверенно произносит мое имя, как бы спрашивая, правильно ли его запомнил.

— Все верно.

Я не соображаю, куда иду до тех пор, пока Мил не останавливает меня.

— Эмили, ты куда? Машина там, — он указал в сторону стоянки, где мы оставили автомобиль.

Я смотрю в том направлении, которое Уорнер указал мне, но ничего не вижу. Что я наделала? Я погубила все в своей жизни, начиная от родителей, заканчивая друзьями. Я опасна для общества и медальон тут не причем. Все дело во мне. Не я держу заряженный пистолет, но именно я указываю направление, в котором он должен выстрелить. А это еще

хуже.

— Эмили, ты меня слышишь? Что случилось?

— Алекс. Он... у него амнезия. Он не помнит последние пять лет своей жизни. Медсестра подумала, что я его невеста, спасибо Даниэлю за это. — Я подняла руку ладонью вверх, показывая кольцо. — Я хотела переубедить ее, но побоялась, что она не впустит меня в палату.

— Как такое возможно? Что сказал врач? Его память вернется?

— Никто не может дать точный ответ. Мил, это я виновата.

— Нет, детка, нет. Ты ни в чем не виновата. Рано или поздно они бы нашли Алекса, второй медальон у него. Знай, они об этом, то не просто ударили бы его по голове, они бы его пытали, а потом убили. Ты ни в чем не виновата.

— Может ты и прав.

— Я прав, когда ты немного успокоишься, ты поймешь, что я прав. Давай перекусим где-нибудь, ты придешь в себя, выпьешь кофе, и все мне расскажешь.

Он усадил меня в свою машину. Всю дорогу до кафе мы молчали. За окном проносился яркий пейзаж, словно кто-то разбрызгал яркие краски. Так красиво. Солнце пробивается сквозь листья, не будь я так подавлена, моему счастью не было бы предела.

Мы проезжали мимо влюбленных пар, свободно гуляющих по улице, целующихся и держащихся за руки. Мимо подростков, у которых нет забот. Они дурачатся, веселятся, смеются. А я забыла, когда в последний раз, вот так гуляла, веселилась и ни о чем не думала. Меня словно включили в программу «*Сколько дерьма сможет вынести Эмили*», только забыли предупредить. Быть мной — полный отстой. На телефон Мила кто-то позвонил, он нажал кнопку на руле, и машина наполнилась голосом Даниэля.

— Эй, братишка, у меня закончились занятия раньше времени. Если ты еще в городе, может, пообедаем вместе?

— Да, я еще в городе. Мы с Эмили едим в то кафе в центре, где ели мороженое. Если ты набрался смелости показаться ей на глаза и наконец-то извинится, присоединяйся.

— Мил, она же убьет меня, как только я выйду из машины. Эмили — фурия. Я боюсь ее. — Он что, издевается?

— Между прочим, Даниэль я прекрасно тебя слышу.

— Черт. Какого хрена ты не предупредил меня о громкой связи? Ты говнюк, брат.

— Давай, Даниэль, присоединяйся к нам, я готова посмотреть, как ты будешь вымалывать свое прощение.

— Эй, женщина, не забывай, кто оплачивает твои счета.

Его слова, сказанные в шутку, ударили меня, словно пощечина, я открыла рот, чтобы ответить, но у меня пропал дар речи. Я даже боюсь представить, какого размера стали мои глаза.

— Даниэль, ты debil. Я вообще сомневаюсь в том, что ты мой брат. Думай, что ты говоришь. Только ты можешь вместо извинений, сделать ситуацию, еще хуже.

— Все нормально Мил, — сказала я совершенно равнодушным тоном. — Даниэль, считай, что ничего не было. Все в порядке. Я не злюсь на тебя.

Как я могу злиться на то, что он только что сказал? Нравится мне слышать это или нет, это не перестает быть правдой. И я думаю, пора задуматься о том, чтобы вернуться в свою квартиру, как только Кайл будет готов. Я слишком долго пользовалась их гостеприимством. Теперь я в этом уверена наверняка.

— Ладно, — неуверенно произнес Даниэль. — Ребят, я лучше пообедаю с друзьями, пока еще чего не наговорил, встретимся дома?

— Хорошо, пока.

— Мил, давай поедим домой, я что-то совсем не хочу есть.

— Это из-за Даниэля и того, что он сказал? Ты же знаешь, что он ляпнул не подумав.

— А может он оттого и ляпнул, что думал об этом?

Мил открыл рот, чтобы возразить мне, но я подняла руку, останавливая его.

— Не надо, не говори ничего.

Глава 24

Я нашла Кайла смотрящего телевизор в комнате отдыха на втором этаже. Его цвет лица стал лучше, все ссадины и порезы на лице и теле уже зажили. Единственное что все еще его тревожило это рана от кинжала, она слишком долго затягивалась. Михаэль сказал, что это из-за редкого металла, из которого сделан кинжал. И попади он в сердце, а не в спину, Кайл был бы мертв. Еще один человек на моем личном кладбище, только вот его гибель меня бы окончательно добила. Таких кинжалов в мире всего штук пять от силы. Но с моим потрясающим везением, один из них влетел прямо в спину ангела, которого я кажется, люблю. Что не так с моей жизнью?

— О, ты уже дома! — Кайл оторвался от телевизора и взглянул на меня. Его глаза пробежались по мне, осмотрев с ног до головы, отмечая каждую черточку-индикатор моего настроения. Видно он как обычно точно угадал, в каком именно я состоянии, его лицо сразу же нахмурилось, пропала вся веселость. — Что случилось? — Он нажал кнопку на пульте и выключил звук. — На тебе лица нет.

— Ужасный день, месяц, год, жизнь.

Я плюхнулась рядом с ним на диван и положила голову на его плечо, я знаю, что его это смутит, но мне так необходимо немного близости и чувства, что меня кто-то поддерживает, просто так, не ради какой-то выгоды.

— Давай, рассказывай.

— Я была в больнице у Алекса. У него амнезия или как-то так, я не знаю, но он напрочь забыл пять лет своей жизни. Вообще ничего не помнит. Медсестра увидела кольцо на моем пальце, которое Даниэль дал мне. Оно как индикатор для крылатых, а она подумала, что оно обручальное. И заявила Алексу о том, что я его невеста. Тот даже обрадовался. И как я могла разочаровать его и сказать ему, что я его подруга? Это как бросить умирающего. Так что я теперь еще и помолвлена, — я замолчала, понятия не имею, как заставить себя произнести последние слова. Мне так стыдно и неудобно, что я, наверное, покраснела, как помидор. Хорошо, что Кайл не видит моего лица.

— Кайл, как скоро мы сможем убраться от Уорнеров? Точнее, как долго тебе нужно быть под наблюдением Михаэля?

— Сегодня вечером, Михаэль проверит мою кровь на наличие яда. Если его там нет, я могу быть свободен, а что? Ты меня выгоняешь?

— Нет, скорее меня выгоняют из этого дома.

— Что? Ты серьезно? — Кайл подскочил, попутно скидывая меня со своего плеча. — Они сказали тебе съехать? Немыслимо.

— Нет, они не выгоняли меня на прямую, просто Даниэль не устает напоминать мне, что я тут всего лишь гость и что они оплачивают моё содержание. На днях я съехала от них в

свою квартиру, и вернулась сюда только ради того, чтобы ты не был здесь один.

— Даниэль придурок.

— Только не говори мне это.

— Что не говорить?

— Фразу «я же тебе говорил».

— Я и не думал. Но я тебе говорил, что он полный...

— Знаю. Просто, я не хочу быть одна, мне страшно. За мной охотятся все силы зла, я даже на кладбище сходить не могу без того, чтобы меня не похитили.

— Ты хочешь, что бы я пожил с тобой? — Я лишь кивнула. — Без проблем. Можем вернуться ко мне, тебе же у меня понравилось?

— Да, мне очень нравится твоя квартира. На самом деле, она мне нравится куда больше чем своя собственная. Но, прошу, давай жить у меня. Я не хочу слезть с одной шеи, чтобы потом залезть на другую.

— Но...

— Кайл, — перебила я его. — Пожалуйста, мне это нужно.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Да. Иди сюда, — он притянул меня к себе и обнял. — Если тебе будет хорошо, то и мне будет хорошо.

— Спасибо.

— Не за что. Я никак не могу привыкнуть к твоему цвету волос.

— Да, я тоже.

На цокольном этаже я нашла коробки. Я не знала, стоит ли мне забирать все вещи или же оставить их в доме Уорнеров. Но пришла к выводу, что им они тоже вряд ли нужны. Так что я и Кайл старательно упаковывали мои вещи, подписывая каждую коробку. Иначе я потом никогда в жизни не смогу все разобрать.

Кайл уселся на полу моей спальни, я снабдила его скотчем, маркером и ножницами. Его задача была заклеивать и подписывать коробки.

— Боже, Эмили, у тебя три коробки с платьями. Тебе не кажется, что это слегка чересчур?

— Кажется, но это не я, это Катарина. Я для нее, как кукла в человеческий рост, она любит меня наряжать, красить и делать прически.

— Знаешь, это как-то странно для женщины ее возраста.

— Ой, заткнись, — я кинула в него футболкой. — Это не смешно.

— Еще как смешно.

— Ладно, это забавно. С этой коробкой все, запечатывай.

Как не странно, упаковка вещей не отняла много времени, уже через полтора часа все коробки были выстроены в два ряда возле свободной стены моей спальни.

— Еще бы решить, как все это перетащить в квартиру, не привлекая внимания.

— Эй, у тебя же есть я — супер-быстрый-телепортатор-вещей.

— Да, но ты еще слаб.

— Ой, Эмили уж с коробками я справлюсь, не надо меня недооценивать. Ты лучше реши, что делать с этим, — Кайл кивнул в сторону открытого шкафа, в котором усердно прятались не открытые подарки на мой день рождения.

— Я не знаю.

— Неужели тебе не интересно, что в них?

— Нет.

— Совсем ни капельки?

— Ладно. Мне очень интересно.

— Так открой их.

— Я не могу.

— Тогда давай я открою? — Продолжал наседать на меня этот навязчивый парень. Рано или поздно, я должна буду это сделать. Уж лучше поскорее разделаться с этим.

— Хорошо.

Кайлу не нужно было повторять дважды, он в считанные секунды перенес коробки из шкафа на кровать и начал срывать обертки.

Первым делом он открыл не большую прямоугольную коробочку размером сантиметров двадцать, упакованную в красную блестящую обертку.

— Ну, что там?

— Это от Даниэля. Два билета на Бора-Бора с открытой датой и записка, которую тебе желательно не читать.

— Почему?

— Она тебя расстроит.

— Блин, да читай уже, Кайл.

— Только потом не говори, что я тебя не предупредил, в ней говорится: *«для тебя и Эстер. Отожгите девочки, на полную катушку. Все оплачено. Даниэль. P.S. Спасибо, Эстер за подсказку»*.

Кайл поднял на меня свои темно-медовые глаза, ожидая реакции. Мое сердце сдавило от боли, но ни одна мускула на моем лице не дрогнула. *Скоро станет легче, нужно еще времени. Повторяла я себе. Время все лечит.*

— А это от Алекса Вудбери, — он развернул листок и его глаза забегали по тексту. — Здесь говорится, что он договорился с главным редактором «Буревестника» о публикации твоей статьи на свободную тему и если она ему понравится, место в штате твое. А вот его визитка.

— Серьезно?

— Да, сама прочти, — ангел протянул мне записку и визитку, я быстро пробежалась по тексту. — Как здорово. Значит, работу можно не искать, она сама меня нашла.

— Ты так в себе уверена?

— Если я не буду верить в себя, то кто тогда будет?

— Я всегда в тебя верю.

Мои голубые глаза начали тонуть в его темно-медовых. Вся комната наполнилась неловкостью от его слов, он быстро спохватился, оторвал взгляд и принялся за последнюю коробку, она больше всех, но такая же легкая.

Кайл открыл ее. Коробка доверху набита серпантином, а сверху всего этого лежит не большой розовый бант. Такие банты обычно наклеивают на подарочные коробки.

— Они что, решили подарить тебе короб цветной бумаги?

— Не думаю, — я потянула за бант, и он легко мне поддался. К нему привязана красная лента, на конце которой привешены ключи от машины и карточка: *«Она ждет тебя в гараже на цокольном этаже. С любовью. Мил. P.S. И я даже слышать не хочу о том, что ты не можешь ее принять. Она твоя. Позволь мне дать тебе все возможное»*, — прочитала

я вслух. — Они издеваются? Кто вообще дарит первым встречным, поперечным, такие дорогие подарки? Нет бы, подарить книгу, свитер на три размера больше, ежедневник какой-нибудь и что еще дарят обычные люди?

— Я подарил тебе перо.

— Отличный пример, Кайл. Это совсем не странный подарок, — рассмеялась я, смотря на его серьезное лицо. — Люди то и дело дарят друг другу перья ангелов. Это еще банальнее, чем книга.

— Ха-ха, очень смешно, — Кайл наигранно обиделся, но я вижу, как тяжело ему сдерживаться, чтобы не засмеяться.

— Мне даже страшно открывать последний подарок. Вдруг Катарине взбрендило в голову подарить мне полуостров или какой-нибудь бутик модной одежды. Или... Даже не знаю, насколько извращенная у нее фантазия.

Пока я распинаясь, представляя ужас, ожидавший меня в той коробке, Кайл по-тихому ее открыл.

— Двух недельные кулинарные курсы у какого-то Пьера Бу, — прочитал ангел. — Пьер Бу? Бедный парень, наверняка в детстве ему было не сладко.

— Ну, это не так уж плохо.

— Seriously? Кулинарные курсы? Ты пойдешь на это? — Он потряс бумажкой в воздухе.

— Не знаю, ну уж лучше это, чем какой-нибудь полуостров. Может я, наконец, научусь готовить хоть что-то кроме яичницы.

— Боже, я удивляюсь, как ты вообще выжила?

— Спасибо еде на вынос.

— И правда, спасибо.

Я начала собирать разорванные обертки, банты, серпантин. Такое чувство, что меня покупают. Неужели они на самом деле настолько богаты, что могут вот так разбрасываться деньгами.

Кайл прервал мои мысли.

— Что ты будешь делать с этим? — Он крутил на пальце брелок с ключами от машины. — Пойдешь посмотреть?

— Не думаю. Я не откажусь от нее, чтобы не обижать Мила, но и ездить на ней я тоже не собираюсь.

— Если учесть сложившуюся ситуацию, то, что тебя поджидают за каждым углом, разумнее иметь машину.

В дверь моей спальни постучали, прерывая наш разговор.

— Войдите.

Дверь отворилась, и Михаэль вошел в комнату, неся в руках поднос со всевозможными пробирками.

— Простите, что прерываю вас, но мне нужно взять кровь, чтобы проверить ее на наличие яда. Заодно обработаю и перевяжу рану.

— Все в порядке, Михаэль, я принесу нам чая.

Глава 25

Рана Кайла затянулась. В его крови не осталось и намека на яд. А это значит, что Кайл полностью здоров и сегодня мы будем ночевать в моей квартире.

Кайл поднял на меня свои глаза, и мы встретились взглядом. Его грустная улыбка дала

мне понять, что он думает о том же, о чем и я. Мы снова будем жить вместе. Не знаю почему, но я взволнована до такой степени, что у меня дрожат руки.

— Ты все-таки решила от нас съехать? — Спросил Михаэль, указывая на коробки стоящие вдоль стены.

— Да, я думаю, что слишком задержалась здесь. И Даниэль не постеснялся мне об этом напомнить.

— У него дурной характер, но он не плохой парень. Просто он злится.

— Я не давала ему поводов ненавидеть меня.

Михаэль оторвал свое внимание от раны Кайла и приковал его ко мне.

— Девочка, ты здесь совсем не причем. Он злится не на тебя, а на жизнь, судьбу. Даниэль столько лет был одинок. Наблюдал за тем, как счастлив его брат и как счастливы мы с Катариной. Все эти годы он был один, и мечтал вернуться домой. И тут за мгновение до исполнения его мечты, он встречает ту, с кем мог бы быть счастлив. Попробуй только представить, что он чувствует.

Михаэль принялся убирать салфетки, пробирки и колбочки, ставя их на поднос. А меня словно заморозили. Я не могу пошевелиться, так глубоко проникли в меня его слова.

За все то время, что я знаю Михаэля, это первый раз, когда он по-настоящему говорил со мной. До этого, он лишь оказывал уважение к моему присутствию и был холоден, вежлив, сдержан.

И уже на полпути к выходу мужчина остановился и повернулся ко мне лицом, ловя мой взгляд.

— У него тяжелый характер. Когда он злится, он срывается на тех, кого любит больше всего. Это убивает его, но таков он есть. Я не хочу, чтобы ты думала, что Даниэль использовал тебя, ради медальона. Это не так.

— Почему Вы говорите мне это?

— Потому, что Даниэль слишком горд, чтобы самому это сказать.

Михаэль покинул мою комнату, тихонько прикрыв за собой дверь. А я так и стою, не двигаясь, смотря на то место, где только что стоял этот мужчина, осознавая каждое слово, произнесенное им.

Так странно и разбито я себя никогда не чувствовала. Я словно судья, приговоривший к смертной казни ни в чем не повинного человека. Дерьмовое ощущение.

Кайл сидел на диване, наблюдая за мной. Наверное, он так же переваривает все услышанное. До него все доходит куда быстрее, чем до меня. Я вижу, как он напрягся, его кулаки плотно сжаты. Он как натянутая струна, того и гляди — лопнет.

— Даниэль влюблен в меня? Это пытался сказать Михаэль?

— Понятия не имею, что он хотел этим сказать. Я пойду выпью чего-нибудь, — Кайл вылетел из комнаты, громко хлопнув дверью. Слишком громко я бы сказала. Неужели он ревнует? И я бы, наверное, обрадовалась этой мысли, если бы не была так озадачена, всем происходящим.

Я должна предупредить Мила о том, что мы с Кайлом сегодня покинем их дом. Я ужасно не хочу, идти и говорить с ним на эту тему, доказывать, что мне так будет лучше и все такое. Но уйти не попрощавшись, было бы еще хуже.

Урнера старшего я нашла сидящем у фонтана на третьем этаже. Я подошла к нему и плюхнулась на пол рядом с ним.

— Михаэль сказал, что ты возвращаешься в свою квартиру.

— Да, именно поэтому я пришла.

— Попрощаться?

— Можно и так сказать. Но я же не в другую страну уезжаю, я тут, рядышком. Ты всегда можешь приехать ко мне, позвонить.

— Да. Я знаю, но я так привык к тому, что ты рядом.

— Да, я тоже. Но не забывай, ты скоро вернешься домой, нам надо отвыкать друг от друга. Так будет проще.

— Где ты была раньше, Эмили? Ты наполнила мою жизнь и жизнь всех в этом доме радостью. Нам так не хватало частички света и тепла, а ты сумела нам ее дать. Ты стала для нас родным человеком и мне сложно представить, что тебя не будет в моей жизни.

Я не знаю, что я могу сказать в ответ на его слова, поэтому лишь подвигаюсь поближе и кладу свою голову на его большое, крепкое плечо. Говорят, что семью не выбирают, это не правда, мы выбираем тех, кто становится нашей семьей, хоть и не по крови.

— Я буду скучать по тебе, — единственное, что я могу произнести в водовороте эмоций захлестнувших меня.

— Я тоже, Эмили. Я тоже.

Я не знаю, сколько времени мы так сидели. Казалось, словно время остановилось и нам ни куда не нужно спешить. Шум воды, ели уловимый запах сырой земли и дождя, лишь укутывал нас в кокон спокойствия и умиротворения.

— Какая прелесть, — эхом раздался голос Даниэля, заставив нас вздрогнуть от неожиданности. Он стоял у входа в свою студию, держа в руках какую-то коробку. — Я сейчас расплачусь. — И не дожидаясь какого-либо ответа, вошел в комнату.

— Он когда-нибудь бывает нормальным?

— Реже, чем хотелось бы.

— Я пойду, поговорю с ним.

— Постарайтесь не убить друг друга. А я пойду, найду Кайла, нам надо проверить, безопасна ли твоя квартира.

Я кивнула в знак согласия и направилась в студию Даниэля, мысленно молясь о том, чтобы не убить его во время разговора.

— Эй, тебе нельзя сюда. Я даже Катарину сюда не пускаю, поэтому выйди, пожалуйста.

Даниэль выкладывает содержимое коробки на стол, не обращая на меня никакого внимания. Возле стен стоят стопки картин, на окнах тяжелые шторы приглушающие свет.

Возле окна стоят два кресла, между которыми расположен небольшой кофейный столик. Справа от меня огромный угловой диван, слева стеллаж на всю стену (заставленный реквизитом для рисования) и стол возле которого замер Даниэль. А в середине комнаты стоит мольберт.

Стены отделаны состаренным кирпичом, но не таким красивым, как в квартире Кайла, а вся мебель выдержана в зеленых тонах. Тут достаточно мило.

— Даниэль, перестань, я пришла поговорить с тобой. Не будь идиотом.

— Отлично, после слова «идиот» я так и горю желанием поговорить с тобой. Выйди из комнаты.

— Даниэль.

— Эмили, выйди!

— Я возвращаюсь в квартиру, хотела с тобой попрощаться по нормальному. Но видно нормально ты не умеешь.

— С этим крылатым?

— Его зовут Кайл. И не делай вид, что ты этого не знаешь.

— Ты не должна ему доверять!

— Сказал тот, кого выперли из Эдема.

— Даже так?! Хорошо. Катись к черту! Если тебе плевать на свою жизнь, то мне и подавно.

— Ты не выноси. Когда остынешь, пожалуйста, дай мне знать, нам надо поговорить.

Я ушла, громко хлопнув дверью напоследок.

Кайл перенес вещи в мою квартиру. Никаких угроз парни не обнаружили. И хотя Милл, по-прежнему был против моего переезда, он принял мое решение.

Я сижу на своей кровати, наблюдая за тем, как Кайл поочередно заносит многочисленные коробки в гардеробную и выстраивает их вдоль одной стены. Меня ужасает одна мысль о том, что это все будет надо разобрать. Но в то же время я рада, что наконец-то нахожусь в своем собственном доме, а не где-то нам на птичьих правах.

Дни летели быстро. Днем я ездила в университет, и решала вопросы по поводу защиты дипломного проекта, с четырех до шести вечера я была в больнице с Алексом. Ему становилось намного лучше, но память к нему пока не вернулась, врачи обещают выписать его через неделю. Но прогнозы не утешительные, скорее всего он так и не вспомнит последние пять лет.

Не смотря на это, я рассказала ему всю правду, о том, что на самом деле мы не помолвлены, что его невеста Нора, которую врачи упорно не пускают даже не порог больницы, считая ее сумасшедшей. Я думала, что он разозлится на меня, но вся эта информация скорее расстроила его, чем разозлила. Но я не могла иначе. Его отец, по-прежнему находится за границей, решает какие-то вопросы. Милан созванивается с ним время от времени, но честно сказать, отец у Алекса еще тот помешанный на работе трудоголик. Который может запросто поставить крест на собственном сыне. Поэтому, я была единственной развлекательной программой Алекса.

Вечер же я проводила с Кайлом, едой на вынос и фильмами. И именно в это время я была самой собой, не думая ни о чем другом, кроме как о том, насколько сильно я счастлива рядом с этим парнем.

Кайл полностью поправился. Кажется, он даже еще больше раскрылся, показывая свои эмоции и чувства. Иногда я ловлю его на том, что он рассматривает меня, наблюдает за мной. В этот момент меня мучают мысли о том, что же он думает? Что чувствует ко мне? Но я так боюсь спросить его об этом.

Но каждую ночь, я просыпаюсь и наблюдаю за тем, как он спит, повторяя как мантру одни и те же слова: *«Я так хочу, чтобы ты меня любил... Просто люби, мне больше ничего не надо»*. Лишь ночью я позволяю себе мечты о нем. Ночь скрывает мой эгоизм, стирая границы между правильным и не правильным. И все чаще взгляд Кайла становился отсутствующим, как и его мысли. Вот он лежит рядом со мной, держит мою руку, но его разум где-то далеко отсюда. И я понимаю, что он безумно скучает по дому. И в эти моменты я ненавижу себя за то, что держу его рядом, и не отпускаю. Я стараюсь не обращать на это внимание, но сегодня я просто не выдерживаю.

— Что происходит, Кайл? О чем ты думаешь?

— Что?

— Ты где-то витаешь, так скажи мне, где?

— Нигде, я просто задумался. Люди думают порой, если ты не знала.

— Да ладно? Удивительно, — я пнула его в бок, заставляя его повернуться ко мне лицом. — Ты хочешь быть в другом месте, да?

— Нет, я именно там, где хочу быть.

— Где же это? — Я знаю, что давлю на него, но мне не обходимо услышать это. Услышать то, что он думает обо мне, что чувствует ко мне. Сам факт того, что я не знаю этого, убивает меня.

— Рядом с тобой.

Я не ожидала, что он попадет на мой крючок и все же скажет мне это. Мое сердце замирает. Я боюсь пошевелиться. Боюсь, что даже если буду дышать, это оттолкнет его и он замолчит, не расскажет мне то, что я так хочу знать.

— Я знаю, что ты уже на приделе. Я знаю, что тебя бесит то, что я молчу, избегая, даже разговоров об этом. Я не силен во всем этом, в любви, чувствах. В моем мире этого нет. Нет любви, есть привязанность, дружба, уважение, солидарность, да что угодно. Но нет ничего даже отдаленно похожего на то, что я чувствую, когда ты рядом. Это пугает меня до чертиков. И единственное, что я хочу сделать — это убежать. Потому, что знаю, что это не правильно и последствия будут катастрофические. Но я вижу, как ты на меня смотришь, как меняется твое настроение, поведение, когда рядом появляюсь я. Ты словно расцветает, становишься самой собой, сбрасываешь маску. Ты позволяешь быть себе настоящей только со мной и с этим долбаным Алексом. Но перед ним ты не раскрываешься полностью, потому что тебе нужен его медальон. Если бы не это...

Он замолкает, а я все так же смотрю во все глаза на его лицо. Он не смотрит на меня. Он смотрит на свою руку, лежащую между нами.

— Я не нахожу себе место, когда ты с ним. Я ненавижу себя за это, но я так чувствую, и впервые за всю мою жизнь я не могу это контролировать. Мне страшно, что в один прекрасный момент, когда Уорнеры вернутся домой, когда уже больше не будет преград между тобой и Алексом, ты выберешь его. И я знаю, что есть такой шанс.

— Но я лю...

— Нет, не говори этого, — он перебивает меня. — Я знаю это. Я вижу и чувствую это. Но так же я знаю, что где-то глубоко в душе ты испытываешь что-то к Алексу. Пока я тут рядом, ты можешь меня видеть, говорить со мной, ты не заметишь этого. Но как только ты меня отпустишь, — его голос тихий, похожий на шепот, а его темно-медовые глаза, превратились в черные. — Я не хочу чувствовать то, что чувствую, Эмили. Но я это чувствую. Я не могу дать тебе какое-либо обещание. Я не могу дать тебе стабильность и будущее, у меня есть только здесь и сейчас.

— Мне этого достаточно.

— Нет, этого мало.

— Не для меня! — Я резко сажусь, привлекая его внимание. — Для меня этого достаточно Кайл, я не могу просить твоей любви, я не могу заставить тебя полюбить меня. Я не могу просить тебя о большем, мне достаточно того, что может быть сейчас. Никто из нас не знает, будет ли у меня завтра. Это нормально, жить одним днем.

Он следует моему примеру, садясь на кровати. Я беру его лицо в свои ладони, мои глаза тонут в его глазах, я растворяюсь в нем. Он мне нужен. Я до такой степени хочу его, что это меня убивает.

— Я люблю тебя, Кайл, — он пытается заговорить, но я кладу палец на его пухлые,

мягкие губы. — Позволь мне сказать то, что разъедает меня изнутри. Все это время, я жила словно в поисках тебя. Я знала, что где-то ты есть, но я тебя не видела. Ты снился мне почти каждую ночь, я получала твои записки и ощущала твое присутствие. Это было единственным, почему я просыпалась и скорее хотела заснуть обратно. Это помогало мне быть ближе к тебе. Я не знала кто ты, но уже была влюблена в тебя. Я не признавалась в этом себе, уверяя себя в том, что чувствую это к кому угодно, только не к тебе. Я искала тебя в других, и цеплялась за похожие черты. Но это все было фальшью. Ты единственное, что мне было нужно.

Набрав полные легкие воздуха, продолжила я свою исповедь:

— Я словно дышу только тогда, когда ты рядом со мной. Ты — все, что есть у меня. И мне не важно, что будет завтра, через неделю, месяц или через годы. Мне важно, что сейчас ты рядом. И я так люблю тебя, так хочу тебя, что мне даже физически больно. Я не прошу тебя о многом, просто будь сегодня со мной. Я хочу быть твоей хотя бы сегодня. Хочу узнать, каково это, быть любимой, желанной. Каково это быть твоей.

Мой голос дрожит, но я не плачу. Слезы комком собрались где-то в районе моего горла, но я не позволю себе заплакать и все испортить.

Глаза Кайла широко распахнуты, он смотрит на меня, по-настоящему на меня смотрит, и весь мир летит к чертям. Я чувствую его руки на моей талии, он притягивает меня к себе и его губы накрывают мои. Они настолько мягкие, нежные и в тоже время грубые и страстные, он целует меня так, словно если он не сделает этого, его сердце остановится. Я запускаю пальцы в его шелковистые волосы, и это все поглощает меня.

Его губы, его тело, его бешено бьющееся сердце, единственное, что сейчас важно. И пусть весь мир горит огнем, пусть даже завтра никогда не наступит, важно, что сейчас, мое тело сжимают его руки, и его сердце бьется в такт моему.

Его поцелуи дурманят меня, словно выпитый бокал вина. Он стягивает с меня футболку, целуя каждый миллиметр моего тела, груди, шеи. Я обвиваю ноги, вокруг его бедер, мне хочется впечататься в него, забраться внутрь и навсегда остаться там.

Крепкое, мускулистое тело Кайло вдавливают меня в кровать, а его губы и руки, кажется, находятся повсюду, и я не могу ни о чем думать, кроме как о том, что я нахожусь в объятиях мужчины, которого безумно люблю.

Глава 26

Моя голова покоится на груди Кайла, и я слушаю, как размерено, бьется его сердце. Это меня успокаивает. И в этот момент нет ничего важнее, чем он и я. Солнце светит мне в глаза, и я первый раз за все это время, чувствую невероятное счастье, распирающее меня изнутри.

На моей прикроватной тумбочке вибрирует телефон, вырывая меня из мыслей. *Алекс*. На днях я купила ему телефон, чтобы всегда быть на связи, если ему что-то понадобится.

— Ало...

— Доброе утро, красавица. Прости, если разбудил.

— Привет, все в порядке, я, наверное, уже проспала все, что только можно. Что-то случилось?

— Не особо важное, но все же. Сегодня утром ко мне приходила Нора. Почему ты мне не сказала, что моя невеста стерва?! Я бы давно уже позвонил ей и послал к черту, она была в моей плате десять минут, а отняла десять лет жизни, — его голос, как перезвон

колокольчиков отзывался в трубке. У него хорошее настроение и это вызывает у меня улыбку.

— Это был сюрприз.

— Поменьше бы таких сюрпризов. И у меня еще одна новость. Меня перевели в другое отделение, и теперь часы посещения на меня не распространяются. И я подумал, может, мы пообедаем вместе?

— Отличная идея. Я приеду в два.

— Хорошо, я буду ждать тебя.

Вот и закончился мой момент *«здесь и сейчас»* пора возвращаться к первоначальному плану.

Кайл все еще спит, когда я оставляю записку на своей подушке и покидаю квартиру. Мне ужасно не хочется вот таким образом уходить от него этим утром, но и будить его, я тоже не могу.

Мы уснули только под утро. Так, что сон — это то, что ему нужно.

Защита дипломного проекта назначена на завтра, нам раздали флайеры и порядковые номера. Мне достался номер одиннадцать, хотя я рассчитывала попасть в первую пятерку, чем быстрее я с этим разделаюсь, тем лучше.

После университета я отправилась к Алексу, как и обещала, прихватит по дороге еду на вынос и наши любимые круассаны.

— Привет, сегодня ты выглядишь еще лучше, чем обычно. В чем причина твоей радости?

Сказала я, заходя в палату Алекса и ставя пакеты с едой на стол. Я подошла и поцеловала его в щеку, его легкая небритость за эти две недели превратилась в катастрофу, надо придумать, что можно сделать с этим.

— Оказывается, ставить стерв на место веселое занятие.

— Все настолько ужасно прошло?

— Для нее, не для меня. Я ума не приложу, как вообще я встречался с ней. О чем я только думал?

— Знаешь, меня все время мучил этот вопрос. Я должна была раньше рассказать тебе про нее, прости.

— Не извиняйся, все в порядке.

— Нет, Алекс, я должна извиниться. Я солгала тебе, сказав, что мы помолвлены, я не сказала про Нору. Я не должна была это делать, не имела никакого права.

Он взял меня за руку и потянул в сторону кровати, на которой сидел. Алекс одет в серую футболку и такого же цвета хлопковые спортивные штаны. Спасибо Господи, что не в больничный халат. Я села рядом с ним, но руку мою он так и не выпустил.

— Эмили, милая, я так благодарен тебе, за то, что ты солгала. Если бы ты это не сделала, они ни за что не пустили тебя в мою палату. Я был бы совсем один, все это время. Или Нора добила бы меня в первый же день. Знаешь, я не знал кто ты, когда медсестра ввела тебя в мою палату в тот день. Но я помнил твое лицо, твои глаза и я помнил то, что чувствовал к тебе. Поэтому я даже не усомнился в твоих словах по поводу помолвки.

— Алекс, я...

— Тс-с, не говори ничего, я все знаю. Я знаю, что ты не чувствуешь ко мне того же. Но я знаю, что небезразличен тебе, иначе бы ты бросила меня так же, как и мой отец. Я влюблен в тебя, Эмили. Это единственное, что я помню. И я благодарен тебе за это чувство. Когда я

был без сознания, твой образ — единственное за что я цеплялся. Это вернуло меня к жизни. Только вот волосы, у тебя были светлые.

— Я перекрасилась за день до несчастного случая.

— Ты такая красивая.

Алекс произнес это так легко, так искренни. Он сказал это не для меня, а для себя. Словно он хотел подумать об этом, но случайно произнес вслух. Его зеленые, нефритовые глаза, наполнены такой любовью, нежность и трепетом, мое сердце начинает учащенно биться.

Самое ужасное, что сердцу и вправду не прикажешь. Смотришь на человека и понимаешь, вот он, хороший, добрый, умный, заботливый, в конце концов. Любит до безумия, и целый мир к ногам положит, лишь бы ты улыбнулась ему. Он утирает твои слезы и вымалывает любовь. А ты сидишь как дура, и выворачиваешь свои кишки наизнанку ради того, кто и любить, по сути, не умеет. Вот взять бы и переключить свои чувства, на кого-то правильного. Но этого не может быть.

Я не могу отвести взгляд от его глаз, и прежде чем я успеваю подумать *«какого черта я творю»* и отговорить себя от этого, я кладу свободную руку на его лицо и накрываю своими губами его губы.

Я застала Алекса в врасплох, он не сразу понял, что происходит, но когда осознал это, его губы жадно впились в мои. И я точно могу сказать, Алекс Вудбери потрясающе целуется. Но как только наш поцелуй прекращается, я сразу вспоминаю лицо Кайла и то, как его губы и руки ласкали мое тело прошлой ночью. Чувство вины разрывает мое сердце, я вспоминаю слова Кайла: *«... где-то в глубине души ты что-то испытываешь к Алексу. Пока я тут рядом, и ты можешь меня видеть, говорить со мной, ты не заметишь этого. Но как только ты меня отпустишь...»*. И только сейчас я понимаю, насколько сильно он был прав.

— Прости.

— Боже, Эмили, это лучшее, что было со мной в этой жизни, и ты просишь за это прощение? Не убивай меня этим.

Я не отвечаю, лишь улыбаюсь ему. Мысленно ругая себя за то, что только что сделала, провела ночь с одним, целуюсь с другим, да я прям как долбанная шлюха.

— Давай обедать, я ужасно голодная.

Домой я вернулась в районе пяти часов. Кайла нигде не было, он нашел себе подработку в местном сервисном центре. Он неплохо разбирается в машинах для того, кто вообще не из этого мира. Это приносит деньги и позволяет ему не сойти сума от безделья. В этом я его понимала.

Держа в руках кучу пакетов с продуктами, я направилась прямиком на кухню. Но проходя мимо двери в гостиную, я остановилась.

В моей гостиной, на моем любимом диване сидит здоровенный мужик и лучезарно мне улыбается. Его улыбка дружелюбна, но от ее вида меня бросает в дрожь.

Пакеты с продуктами полетели вниз, меня парализовало. Его прислал Дарк, мне надо бежать.

— Эмили, стой! — Мужчина встал и протянул в мою сторону свое запястье. Татуировка ангела бросилась мне в глаза и страх сковавший меня, отступил назад.

— Какого черта?

— Рад снова тебя видеть.

— Что Вы тут делаете? — Я не могу отойти от шока, совершенно не знакомый мне

ангел, одетый в светлые брюки и кардиган расслаивается на моем диване, словно оно так и надо. — Рад снова видеть? О чем это Вы?

— Ты всегда такая «дружелюбная»?

— Только с теми, кто вламывается в мой дом. Почему Вы не отвечаете на мои вопросы?

— Прости. Мы виделись три года назад. И что-то мне подсказывает, что мне придется в точности повторить наш разговор, — я в ужасе таращусь на него, прокручивая в голове все способы, которыми этот мужчина может прикончить меня прямо сейчас. — В прошлый раз ты была сообразительная, надеюсь, ты не сильно изменилась, мне не нужны проблемы.

— Я ничего не понимаю.

— Я сейчас все тебе объясню. Мы знаем, что между тобой и Кайлом снова что-то происходит, и я снова вынужден вмешаться.

— Что означает это Ваше «снова»? Я вижу Вас первый раз в жизни, я не понимаю, что тут происходит.

— Я уверен, что Кайл не рассказал тебе историю вашего знакомства, — мужчина полностью игнорирует мои вопросы, продолжая гнуть свою линию. Она даже не представилась, как это понимать?

— Нет, он рассказал.

— Правда? — Ангел выглядит очень удивленным. — Он действительно рассказал тебе все или ты просто так думаешь?

— Нет, он рассказал мне, что это он спас меня в день аварии и то, что он присматривал за мной все это время.

— Хм, и это все? — Он смотрит на меня в упор, теребя рукой свою короткую бороду. Мужчина выглядит так, словно знает все тайны мира. А я сижу и гадаю на кофейной гуще, стараясь узнать, что именно он знает. — Почему я не удивлен?

— Так, хватит. Пожалуйста, объясните мне, что происходит?

— Я очень рад, что Кайл сдержал клятву и не рассказал тебе правду. На самом деле я думал, что он не выдержит и выложит все в первый же день.

— Клятву?

— Девочка моя, ты бы не захотела это знать, но я обязан все рассказать, ибо история повторяется.

— Что? Ка....

— Будь терпелива, — он перебивает меня на полуслове. — Если ты не будешь перебивать меня, я все тебе расскажу. Помолчи, пожалуйста, пару минут, договорились?

— Ладно, — я закатила глаза, этот тип невыносим.

— Шесть лет назад ты должна была погибнуть в аварии. Я отправил Кайла исправить это. Ты была его первым заданием на земле. Вместо того чтобы спасти тебя и забыть о твоём существовании до очередного распоряжения, Кайл стал приглядывать за тобой, охранять. Заделался в твоего ангела хранителя, — я порывалась перебить его и задать кучу вопросов, но он жестом приказал мне закрыть рот. — Вы начали общаться, я не знаю подробностей, но у тебя появились чувства к нему и мы больше не могли закрывать на это глаза.

— Этого не было, что за чушь Вы несете?! Я бы помнила это.

— Ты невыносима, я прошу, помолчи и послушай. Нам пришлось вмешаться. Ему предоставили выбор: уйти, навсегда оставив тебя в покое, позволить жить своей жизнью вдали от него или он может остаться, но все, что связано с ним будет стерто из твоей памяти. Я думаю, ты догадалась, что он решил.

— Он остался, — меня словно громом поразило. Если все, что я только что услышала правда, то, как он мог? Как он мог лишиться меня воспоминаний о нем? Кто дал ему такое право?

— Да. Я стер почти все, что было связано с ним.

— Почти все? Что же осталось? — Я перестала доверять своим ногам. Мне пришлось пройти в комнату и сесть на диван, чтобы не дай Бог не рухнуть вслед за продуктами. Ангел последовал моему примеру.

— Твои чувства к нему. Это мне не подвластно. Мне пришлось сделать так, чтобы ты думала, что влюблена в того парнишку, а не в Кайла. Я просто переключил твое внимание на другого.

У меня просто нет слов. Я всегда была влюблена в Кайла. Поэтому я везде искала его образ. Зак был для меня отвлечением от основного источника чувств. Моей жизнью играли, как игрушкой. Взяли ластик и стерли все ненужные, по их мнению воспоминания. Мои воспоминания. Они не имели право, никто не имеет право поступать так. Теперь я как никогда понимаю Алекса.

— Почему он так поступил?

— Эмили, я знаю, ты думаешь, что знаешь, в чем причина, но ты ошибаешься. Он не любит тебя, — его голос наполнен мудростью тысячи старцев, это заранее внушает доверие, но я не могу верить ему. — Я знаю, ты бы этого очень хотела, но он этого не чувствует. Ты ему интересна, ты ему нравишься, когда он с тобой ему кажется, что он живет. Ему кажется, что он человек. В прошлый раз ему все сошло с рук, но в этот раз, слишком многие обратили на это внимание. Его накажут лишь за одно желание быть с тобой. Я не должен просить тебя об этом, но все же я попрошу.

Он набирает полные легкие воздуха и его глаза темно-медового цвета впиваются в мои.

— Эмили, отпусти его. Отпусти, пусть не ради себя, а ради него. Кайл не смог отпустить тебя и за это он может поплатиться не только крыльями, но и головой. Отпусти.

— Как я могу? Я влюблена в него. Что будет значить моя жизнь, если его в ней не станет?

— Эмили, ты не понимаешь. Отпустив, ты сохранишь ему жизнь. Его убьют, Эмили. Ты думаешь, что у вас есть выход, но в этот раз его нет. Ты все равно им проиграешь.

— Я не верю. Не верю, что нет другого выхода. Всегда есть другой вариант.

— Если бы он был, я бы не явился сюда.

— Кайл знает?

— Да, сегодня утром его поставили в известность. У него три дня чтобы принять решение.

— Боже, это какой-то бред. У меня каша в голове, все Ваши слова сплошная абракадабра.

— Просто подумай об этом. И пожалуйста, не говори ему, что я был здесь. Он должен все обдумать ясной головой.

Он просто исчез. Даже не дождавшись ответа. Как мило. Прийти, разрушить чей-то мир и слинять. Хотя, как я могу судить его, если самой предстоит сделать то же самое с Алексом.

Я сварила себе кофе и принялась за речь, которую буду произносить завтра. Защита дипломного проекта, поверить не могу, что буду проходить через это без Зака и Эстер. Я заучила текст до такой степени, что мои мозги начали плавиться.

— Боже, еще пять минут и я сойду сума.

Я отложила бумаги в сторону и отправилась на кухню готовить Паэлью на ужин. Кайл

вернется домой через час, а дома шаром покати. Из меня никудышная хозяйка.

Но Кайл не вернулся домой, ни через час, ни через два. В полдесятого он прислал мне сообщение, где говорилось, что ночевать сегодня он не придет, его завалили работой на всю ночь. И чтобы я попросила, кого-нибудь из Уорнеров присмотреть за мной. Ага, разбежалась. Что-то мне подсказывало, что дело совсем не в работе, а в прошлой ночи и в том, что рассказал мне тот мужчина.

Мне безумно хотелось отправиться в его квартиру, и проверить там он или нет, но я не могла себе это позволить. Кайл ничего мне не должен. Поэтому я убрала ужин в холодильник, и легла спать раньше обычного. Завтра важный день.

Я уже почти спала, когда на мой сотовый пришло очередное новое сообщение, но на этот раз оно было от Алекса.

Алекс: Доброй ночи, милая, завтра важный день. Надери им всем зад, я в тебя верю.

Эмили: Спасибо, Алекс. Доброй ночи.

Глава 27

Кайл держит меня за руку, наши пальцы переплетены. Я улыбаюсь ему и наблюдаю, как лучи солнца играют в его волосах.

— Я люблю тебя, — он наклоняется ко мне и произносит эти слова прямо в мое ухо. От его дыхания мне становится щекотно, и я начинаю смеяться.

Подняв его руку к своим губам, я целую костяшки его пальцев. Я счастлива, и судя по его лицу — он тоже. Мы идем слишком медленно, и это выводит меня из себя. Но я не могу идти быстрее.

— Как ты? — Он берет мое лицо в свои руки, смотря на меня своими прекрасными глазами.

— Я счастлива.

— Я тоже.

Он целует меня. Так страстно и жадно, что моя голова начинает кружиться.

Вокруг нас слишком много людей, они все шепчутся и показывают на нас пальцем. Я не могу понять, что происходит, но Кайл не обращает на них никакого внимания. Он ведет меня в сторону кафе, и, проходя мимо магазина, я ловлю свое отражение в витрине.

Из отражения на меня смотрит совершенно не знакомый мне человек. Женщина. Очень старая женщина, на вид ей лет семьдесят.

Не понимая, что происходит, я вырываю свою руку из хватки Кайла.

— Это не я. Я не могу быть такой.

— Это ты, Эмили. Разве ты не узнаешь себя?

— Нет, это не я. Ты выглядишь, как ты. Но я...

— Ты же знала, что так будет. Ты знала, на что шла, Эмили.

— Нет! Это ненормально. Так не должно быть.

— У нас может быть только так. — Его голос мягкий и успокаивающий, и это выводит меня из себя.

— Тогда, я не хочу этого... Мне не нужна такая жизнь!

Я вскочила. Мое сердце бешено бьется, и я судорожно пытаюсь осознать, где нахожусь. За окном уже рассвело. Дверной звонок разрывается от настойчивости.

Это был просто сон. Чертовски правдивый сон.

Я выползаю из постели и тащусь в коридор, на ходу приглаживая воронье гнездо на

моей голове.

На пороге квартиры я нашла Мила, с довольной миной, кофе на вынос и пакетом из кондитерской внизу.

— Доброе утро, Эмили. Я решил позавтракать с тобой, а потом подбросить в институт.

— Боже, ты чудо, — я запустила его в квартиру, и крепко обняла. — Я не знаю, как пройти через это. Мне так страшно.

— Ты сильная и уверенная, у тебя все выйдет. Даже не думай сомневаться в этом.

Я улыбнулась и мы прошли на кухню, мафины так вкусно пахли, что я ни секунды не могла ждать. Мил положил свои покупки на стол, и я заметила, что у него три стакана кофе.

— А где Кайл?

— Не знаю, он не ночевал дома. Я думаю, что он меня избегает.

— С какой стати ему избегать тебя? — Мил посмотрел в мои грустные глаза косули и до него дошла вся неловкость этой ситуации. — Вот черт.

— Это еще мягко сказано.

— И что, он просто слинял? Не сказав ни слова?

— Я ушла в институт, пока он спал, когда вернулась, нашла записку, где он написал, что сегодня работает. И все, домой он не вернулся. Прислал никчемное сообщение, мол, завален работой до самого утра.

— Похоже, вы оба запутались. Дай ему время подумать. Для него все это сложнее, чем для тебя.

— Я знаю. Именно поэтому я и не давлю на него. И... — Я не знаю, как рассказать про того мужчину Милу. Мне было велено не говорить Кайлу, об Уорнерах речи не было. — Я должна еще кое-что тебе рассказать. Только ты не перебивай меня, дослушай до конца.

И я начала свой рассказ, пытаясь вспомнить как можно больше из той беседы. К концу рассказа, глаза Мила просто «вылизали» на лоб от удивления, мне даже стало смешно, потому, что мое лицо в момент, когда я это все слушало, было куда хуже.

— Черт, я даже представить это не мог.

Повисла тишина, Мил сидел и переваривал услышанное. Я же второй раз отходила от всей этой истории.

— Я знаю вашу историю с Хлоей, — призналась я почти шепотом, уставившись на собственные руки, лежащие на столе и нервно теребящие бумажную салфетку. Мои слова застали Мила врасплох, и на секунду он даже задержал дыхание, но так ничего и не ответил. — Прости, Кайл не должен был рассказывать мне это.

— Ничего страшного, — он по-прежнему не смотрел на меня. — Ты мне как сестра и я должен был сам тебе все рассказать, ведь любовь — это не та вещь, которой надо стыдиться. — Его слова словно повисли в воздухе.

— Ты не жалеешь? — Мой вопрос нарушил тишину.

— О том, что выбрал ее и лишился крыльев? — Спросил Мил, первый раз за долгое время, посмотрев на меня в упор. Я кивнула в ответ. — Ни сколько. Каждая минута, проведенная с ней, стоила того. Столько лет прошло, а я до сих пор ее люблю.

— Хлоя была очень красивой.

— Она была прекрасной.

— Мил? А если бы все было на оборот? Если бы Хлое пришлось пойти на то же, на что пошел ты, быть изгнанной, наказанной за любовь к тебе? Ты бы позволил?

— Нет, — быстро ответил он. — Я бы ни за что не позволил ей даже подумать об этом.

Но ты ведь не поэтому спрашиваешь, да?

— Да. Я не знаю, как поступить, — слова полились из меня рекой. — Я люблю Кайла. Никогда в жизни я не чувствовала ничего подобного. Словно только когда он рядом я могу дышать. И каждый миллиметр моего тела ощущает его присутствие. Я знаю, что он тоже, что-то чувствует ко мне, но разве я могу просить о таком? Разве я могу желать его любви, когда ее цена настолько высока? — Предательские слезы обожгли мои щеки, а грудь сдавило, словно тисками.

— Если бы мне пришлось лишиться ради него всего, я бы сделала это, не задумываясь. Но как я могу требовать того же от него?

— Тогда отпусти его, — Мил успокаивающе обнял меня за плечи. — Если ты любишь его и желаешь ему счастья — отпусти. Любовь, вещь не постоянная. Ты еще молода. Ты не можешь быть уверена в своих чувствах на все сто процентов. Сегодня ты любишь его больше жизни, а завтра утром можешь проснуться и понять, что тебя с ним больше ничего не связывает. Что все эмоции ушли. Это нормально. Такое случается сплошь и рядом. Никто не может контролировать то, что чувствует. И ты не сможешь.

Он еще крепче сжал мои плечи.

— На что это было похоже? Быть с Хлоей будучи бессмертным.

— Для меня все это просто, ведь я никогда не жил иначе, — я вижу, как тяжело Милу делится со мной всем этим, но мне больше не к кому обратиться, поэтому я сжимаю его руку, давая знак, доверится мне. — Но я часто замечал, что она грустит. Нам приходилось переезжать, каждые пару лет, мы нигде не могли осесть, потому что люди очень любопытны, а с каждым годом разница в возрасте становилась все заметнее. Мы стали ссориться, чуть ли не каждый день. Жена все время плакала, никогда не говорила почему, но я знал. — Мил замолчал, сделав глубокий вдох, собираясь с духом.

— Ей хотелось иметь нормальную семью, детей, мужа с сединой волосах, приходящего с работы с цветами. Собираться с друзьями по пятницам и играть в настольные игры, петь у костра и решать, кто следующим возьмет на выходных детей. Но этого я не мог ей дать, — у меня пропал голос, я хочу сказать что-нибудь, выразить, как мне жаль, но не могу, мое тело меня подводит. Вместо этого я молчу, все крепче стискивая его ладонь.

— В самом начале пути, ты никогда не задумываешься, куда именно он тебя приведет. Тебе неважно, с чем придется столкнуться. Все эти мелочи не важны для тебя. Но ты никогда не можешь знать наверняка, насколько эти пустяки будут важны для кого-то другого. Союз между человеком и ангелом запрещен не просто так, эта идея заранее обречена на провал. Эмили, знаешь, что было самым ужасным? — Я не доверяла своему голосу, поэтому просто отрицательно покачала головой.

— То, что я смотрел, как умирает моя жена. Каждый день был ее шагом к смерти. Как напоминание о том, что я лишен этой привилегии. Ему будет проще смириться с твоей потерей сейчас, чем после пятидесяти лет совместной жизни. Когда ты умрешь, он останется один наедине со своим горем и вечностью. Ты этого хочешь для него?

— Нет.

— Тогда отпусти его. Так будет лучше для вас обоих. Как бы я не любил Хлою, я не смог дать ей всего, чего она заслуживала, и Кайл не сможет.

Глава 28

Следующие пять часов моей жизни, были самыми долгими. Моя защита закончилась в

два часа дня и до четырех часов и просто сидела и слушала, как защищаются другие студенты. Глаза ужасно слипались и если бы не море кофе, которое, слава Богу, нам предоставила администрация, я храпела бы на всю аудиторию.

Покинув кабинет, я хотела набрать Кайлу и сообщить радостную новость, но передумала. Если бы ему было интересно, он бы давно уже позвонил сам. Остается надеяться, что его не убили где-нибудь, я отправила ему сообщение:

Эмили: Ты в порядке?

Кайл: Да, все хорошо. Много работы. Увидимся дома.

Не знаю почему, но мне стало обидно до глубины души. Насколько ему наплевать на все, кроме его репутации. Ему поставили ультиматум, а он скрывается от меня, загоразиваясь словом «работа».

Я вышла из здания и увидела Мила сидящего на лавочке под деревом. Он уткнулся в планшетный компьютер, явно как обычно что-то читая. Он, так же как и я очень любит книги.

Мой телефон зазвонил, и на секунду я подумала, что это Кайл и ему не наплевать. Но на экране высветилось совсем другое имя.

— Привет, Алекс, как ты?

— Да плевать, как я, милая. Как твоя защита?

— Я защитилась на отлично, представляешь?

— Эмили, поздравляю, я ни секунды в тебе не сомневался.

— Спасибо огромное, для меня очень важна твоя поддержка.

— Я всегда тебя поддержу, ты должна была знать это. Ну, так, как, ты будешь отмечать?

— Мне бы не хотелось, но Мил устраивает праздничный ужин вечером. Так, что я, скорее всего не смогу навестить тебя сегодня.

— Ничего страшного. Повеселись хорошенько, ты это заслужила. Кстати, меня выписывают завтра. И я подумал...

— Я заберу тебя, — перебиваю я его. — И мы где-нибудь поужинаем, ладно? В нормальной обстановке, в нормально одежде. Хотя я должна признаться, тебе очень идет больничный халат.

Алекс рассмеялась в трубку:

— Звучит отлично. Можно я позвоню тебе вечером?

— Я очень разозлюсь, если ты этого не сделаешь.

— Хорошего вечера, милая.

— Пока.

* * * * *

— Я получила отлично! — На всей скорости своего бега я врезаюсь в грудь Милану, он обнимает меня своими огромными ручищами, и сейчас улыбаясь от уха до уха, я ни капли не фальшивлю.

— Я так тобой горжусь, Эмс.

— Спасибо, я так рада, что ты со мной в этот день.

— Я тоже этому рад, а что Кайл?

— Я не знаю, он мне даже не позвонил. Я скинула ему смс, он ответил, что с ним все в порядке.

— Ты сказала ему про диплом?!

— Нет, он даже не спросил меня об этом. Такое чувство, что ему все равно. Я совсем не

узнаю его.

— Не думай об этом сегодня, сегодня мы празднуем.

Мы сели в машину Мила, я обожаю ее, ничего шикарнее я в жизни не видела. Интересно, как выглядит моя машина? Надо будет спуститься в гараж и взглянуть на нее.

— Мил?

— М-м?

— Ты же знаком с главным врачом в больнице Алекса?

— Да, мы сто лет знакомы. Джордж Бертон, отличный парень. А что? — Я вижу как он пытается сообразить к чему я завела этот разговор, но у него не получается проследить за ходом моих мыслей.

— Мне бы очень хотелось, чтобы Алекс поужинал сегодня с нами, но его выпишут только завтра.

— Ты хочешь, чтобы я отпросил его?

— Да, всего на пару часов. Он единственный, кроме тебя, кто звонил и волновался за меня. Я благодарна ему за это.

— Ты ведь знаешь, что он влюблен в тебя ведь так?

— Да, он сказал мне это вчера.

— Даже так?

— Ага.

— А что ты? Что ты чувствуешь к нему?

— Он мне нравится. Он — моя тихая гавань, без сверхъестественного, без падения, без путаниц. С ним все четко и ясно. Он не должен ничем жертвовать, чтобы признать, что у него есть ко мне чувства. Быть с ним — это нормально.

— Быть с ним и хотеть другого — это не нормально, Эмс.

— Я забыла, когда в моей жизни, было что-то до такой степени нормальное.

Всю дорогу до больницы никто из нас больше не произнес и слова.

Мил остановил машину возле больницы. Я наблюдаю за тем, как он достает телефон, набирает номер и говорит с кем-то по телефону. Но я не слушаю его. Я вспоминаю наш утренний разговор и то, как Кайл ведет себя после той ночи, что мы провели вместе. Я не жалею о ней. Уж лучше так, чем не знать, каково это, быть в его объятиях и насколько нежными бывают его губы.

Слова ангела, так же не выходят у меня из головы. В тот день, когда я сказала Кайлу, что у меня к нему есть чувства, я собственной рукой подписала ему смертный приговор. И если все это, правда, если ему угрожает смерть, я должна уйти. Уж лучше он будет живой где-то там, чем решит быть со мной и будет убит. Только, как сделать так, чтобы он послушался меня и вернулся домой?

— Эмс, иди. Джордж распорядился, что бы Алекса отпустили. Но в девять вечера, он должен быть уже в своей палате.

— Спасибо, — я хватаюсь за ручку и открываю дверь машины, но задерживаюсь. — Ты прав, я должна его отпустить. — Я выхожу из машины, захлопывая дверь.

Алекс был в восторге, когда я сообщила ему, что краду его на целый вечер. Он надел джинсы и пуловер темно-зеленого цвета, который так удачно подчеркивает его глаза.

— Катарина почти угадала с размером, — говорю я, расправляя кофту по его плечам.

— Как думаешь, я могу оставить его себе, если тебе нравится, как он на мне сидит?!

— Он уже твой и да, мне очень нравится, как ты выглядишь в нем. Пошли, на улице нас

ждет Мил.

Мы выходим из палаты, и он берет мою руку в свою, переплетая наши пальцы. Мне хочется отдернуть руку, но у меня нет сил это сделать. Я не могу поступить так с ним, не после того, что он сделал для меня.

Вечер пролетел незаметно. Катарина превзошла себя, сегодняшний ужин был изумительным. Алекс весь вечер делал ей комплименты по поводу блюд. А я не могла отвести от него свой взгляд. Казалось, что мы все одна большая семья, которая собирается вот так каждую неделю. Это так нормально, что я чувствую себя счастливой, весь вечер я смеялась, и улыбка не сходила с моего лица.

Даже Даниэль не вел себя как придурок, и мне показалось, что Алекс ему нравится. Он ни разу не нагрубил ему и даже не подколот. Что сильно меня удивило.

После ужина я устроила Алексу экскурсию по дому. Дом Уорнеров куда скромнее особняка, в котором живет Алекс, и все же я вижу по его глазам, насколько сильно ему тут нравится.

— Я чуть не забыла сделать кое-что, — я беру Алекса за руку, и мы идем на цокольный этаж. — Мил подарил мне машину на день рождения, я только недавно открыла подарки, но так и не посмотрела на нее. Слишком гордая, слишком любопытная. Я сплошная головная боль.

— Ты чудо, и я не хочу, чтобы ты думала о себе плохо.

— Я работаю над этим.

— А что я подарил тебе?

— Я покажу тебе завтра. Ты единственный угадал, что именно мне было нужно.

— Какой я молодец.

Мы на подземной стоянке Уорнеров и тут только одна новая машина, которую я не видела прежде. Я нажимаю на брелок, и сигнализация отключается именно на ней. И если бы сейчас рядом со мной не было Алекса, я бы прыгала от радости и танцевала румбу, потому что это машина моей мечты.

Это новенький Peugeot 208 цвета «коричневый металлик». Я пускала слюни по каждой проезжающей пежошке и видно Милан это заметил.

— Ну и как она тебе?

Я оборачиваюсь на голос и вижу, что Мил стоит рядом с Алексом.

— Она восхитительная, поверить не могу, что она моя, — я подхожу и целую его в щеку, он счастлив так, словно его кошка родила тройню. — Спасибо тебе большое.

— Не за что, давай, вези своего принца домой. Я не хочу нарушать свое слово.

— Я сама поеду? Мне страшно, Алекса еще даже не выписали, что если я убью его по дороге? — Я указываю рукой на Алекса, и тот заливается смехом.

— Не говори ерунды, езжай.

Все оказалось не так плохо, как я думала. Я рождена, что бы водить эту машину, а не свою старенькую Хонду, которая уже год находится в ремонте.

В палате темно и мне совсем не хочется это менять. Мы сидим по-турецки на больничной койке друг напротив друга, я оттягиваю время, чтобы не идти домой, потому что боюсь того, что ожидает меня там.

— Когда у тебя выпускной?

— Двадцать девятого мая.

— Ты уже решила с кем пойдешь?

— Сомневаюсь, что я вообще пойду туда.

— Почему? Это же память, Эмили. Представь, как через много лет, ты будешь помогать своей дочери собираться на выпускной бал, она спросит у тебя: «Мама, а как ты провела свой выпускной вечер?». А тебе будет нечем поделиться, потому что ты пропустила его. Не поступай так. Я даже не знаю, был ли я на своем выпускном. Я не помню этого, и одному Богу известно вспомню ли когда-нибудь.

— Ты пойдешь со мной? Пусть ты не помнишь свой, но ты будешь помнить мой.

— Ты уверена?

— Да, я пойду, если ты пойдешь со мной.

Я бы хотела, чтобы Кайл пошел со мной. Чтобы он держал меня за руку, обнимал и целовал. Я хочу, чтобы мы танцевали. Но я не могу больше падать на колени и вымаливать его любовь. Я слишком жалкая, чтобы он мог меня полюбить. Наша жизнь слишком жестока, чтобы позволить нам быть вместе, он не смог уйти от меня в прошлый раз, значит, я должна быть сильнее и сделать то, что не смог сделать он.

Глава 29

Кайл дома. Я захожу в квартиру, везде горит свет, а из гостиной доносится звук включенного телевизора.

Но я иду напрямик в свою спальню, хорошенько саданув дверь, закрывая ее. Я переоделась в спортивные штаны и майку. Коробки, захлавившие мою гардеробную— меня бесят, и я начинаю их разбирать. Стараясь убить время, ложиться спать еще рано.

Спустя десять минут зашел Кайл.

— Привет, почему ты не сказала, что вернулась? Если бы я не увидел свет в спальне, в жизни бы не догадался, что ты здесь.

— Я сказала, просто ты не слышал, — я даже не смотрю на него, а продолжаю рыться в коробках. — Наверное, телевизор работал слишком громко, извини.

— Понятно, ты злишься на меня?

Он серьезно спрашивает это? Как я могу не злиться? Он переспал со мной, а затем пропал на два дня. Его не было рядом, когда мне нужна была его поддержка, он даже не спросил, как прошла моя защита. Какой-то ангел заявляется в мой дом и объявляет, что Кайла убьют, если тот решит остаться со мной. В то время как сам Кайл, находится непонятно где, прикрываясь работой.

Хотя кого я обманываю? Мы друг другу ничего не обещали, и я сама сказала ему, что мне будет достаточно того, что было между нами. И я действительно думала, что этого будет достаточно, и возможно, так оно и было бы. Но у нас не будет шанса проверить это. И я слишком устала, чтобы заводить этот разговор.

— Нет, просто это был слишком долгий день и мне хочется побыть одной.

— Я буду в гостиной, на случай если понадобится.

— Хорошо.

Коробки разобраны, в гардеробной идеальный порядок. От этого мне становится легче. Когда я наконец-то оказываюсь в постели, часы показывают два часа ночи.

Дверь в спальню приоткрывается.

— Эмили, ты спишь?

— Нет, сна ни в одном глазу, я разобрала все коробки, но даже это не помогло.

— Я знаю, что может помочь.

Кайл ушел и через минуту вернулся, держа в руках бутылку холодного, белого вина и два бокала. То, что доктор прописал.

— Как я сама до этого не додумалась?

Он наполнил чуть больше половины. Я редко пью, но сегодня это как никогда кстати.

— Очень вкусное, Катарина знает, что выбирать.

— Да у нее отменный вкус на все, что только есть в этом мире.

Я уставилась в окно, смотря на ясное звездное небо. Кайл сел рядом.

— Почему ты злишься на меня?

— Я не злюсь на тебя, Кайл. Я злюсь на себя. Потому что в моей жизни не осталось ничего нормального. Из всего нормального у меня есть только Алекс, и то я постоянно вру ему ради этого проклятого медальона. Я живу в постоянном страхе, оглядываясь по сторонам и ища людей Дарка, — все, что накопилось у меня внутри, я выталкиваю из себя на одном дыхании, так быстро, что мне не хватает воздуха, но я все равно продолжаю. — Которые роют носом землю, в поисках меня. И они найдут, это лишь вопрос времени. Я перестала понимать, что в моей жизни правда, а что лож. Я заигралась до такой степени, что стерлись все границы между правильным и неправильным.

Кайл на меня не смотрит.

— Я злюсь, потому что люблю тебя. И эта любовь убивает меня, сжигает заживо. Это не правильно, так не должно быть. Ты как чертово торнадо, разрушаешь мой мир, а я как дура стою с открытым ртом и наблюдаю за происходящим. Но я не злюсь на тебя, я злюсь на себя, потому что я допустила это все. Я взялась за это дело и должна довести его до конца. Я столько всего потеряла за это время, что теперь дороги назад нет. Передо мной финишная прямая. Последний рывок и это все закончится.

Я смотрю на Кайла, но тот уставился на стену, чуть выше моей головы. Он молчит, как видно пытается осмыслить все, что я наговорила. Его прекрасное лицо не выражает никаких эмоций. И сейчас даже это меня бесит.

— Где ты был? — Не знаю, почему я задаю этот вопрос, но если уж дело дошло до откровений, ту уж лучше прояснить все и сразу. — Тебя не было два дня, Кайл.

— Я работал.

Он лжет глядя мне в глаза. Ни один мускул на его лице даже не дрогнул, так мастерски он проворачивает это. И внутри меня все закипает, сколько раз он лгал мне вот так, глядя прямо в глаза? Сколько всего я забыла, а он притворился, что этого всего просто не было? Я хочу кричать, хочу ударить его, заставить сказать правду. Но вместо этого я смотрю в одну точку перед собой и считаю вдохи. Я должна успокоиться.

— Я должен сделать выбор, — ни с того, ни с сего заговорил Кайл. Он смотрит прямо перед собой, хотя я отчаянно ищу его взгляда. — Мне дали немного времени на размышление. Я должен выбрать, в каком мире я хочу жить. — Он, наконец, смотри мне в глаза. — Эмили, я не знаю, что мне делать. Находясь в этом месте, в этом мире я понимаю, что живу. Дома я же существовал, на протяжении стольких лет, у меня не было смысла и стремлений. Но тут. Тут все иначе. Я могу быть, кем угодно и заниматься, чем угодно. Я могу быть с тобой.

— Но?

— Там моя семья. Если я выберу тебя, для них это будет позором. Их могут изгнать вслед за мной. Это не справедливо. Что мне делать, Эмили? Я так запутался.

Я ели сдерживаюсь, чтобы не закричать на него. Я сдерживаю порыв сказать ему, что

его не изгонят, а просто убьют, отправят на убой, как скотину. Я молчу о том, что у него нет выбора, и что есть только один вариант исхода событий, это возвращение домой.

И я последний человек в этом мире, кто должен советовать ему что-то.

— Ты должен сам сделать свой выбор. Хотя я думаю, что в глубине души ты и так знаешь ответ на свой вопрос.

Его глаза наполнены печалью. Он встает с моей постели и покидает комнату. Я же с головой зарываюсь в подушки. Пытаясь заглушить мысли, лезущие в голову.

Во всем этом виновата я.

Я заварила эту кашу. Из-за меня Алекс в больнице, Зак и Эстер мертвы, в смерти родителей отчасти тоже виновата я. Кайл может лишиться жизни, тоже по моей вине. Я всемирный косяк. Разрушительница чужих жизней.

Мне не обходимо все исправить.

1. Я должна отпустить Кайла.

2. Нужно достать второй медальон и вернуть Уорнеров домой.

3. Я должна исправить все то, что произошло с Алексом, он не должен стать жертвой моих манипуляций. Я не имею права играть им.

Я не хочу, чтобы вышло так, что я наобещаю ему гору всего, но как только Уорнеры исчезнут, я последую их примеру. Я не сломаю еще одну жизнь. Ни за что.

Я не спала всю ночь. Сварив себе кофе, я обошла квартиру и поняла, что Кайла здесь нет. Я договорилась, что в три часа дня заберу Алекса из больницы и отвезу его домой.

Я удивилась, когда в мою дверь кто-то позвонил, но я удивилась еще больше, когда узнала кто именно.

— Серьезно? На этот раз вы решили воспользоваться парадной дверью? Вот незадача, а я столько времени ждала Вас в своей ванной.

— Я тоже рад тебя видеть, Эмили, — я пропустила его внутрь, потому что выбора у меня особо не было. Просто захлопнуть дверь перед его носом не сработает, он через секунду окажется рядом. С улыбкой до ушей, он прошел внутрь. — Спасибо.

Он выводит меня из себя, и, находясь рядом с ним, мне все время хочется его стукнуть, но, не смотря на это все, этот мужчина мне нравится.

— Могу я хоть узнать имя, того, кто вот так без конца вламывается в мою квартиру?

— Я не вламываюсь. Разве это похоже на то, что я сюда вломился? — Я закатила глаза, если так и дальше пойдет, то из — за него я заработаю себе раскосость. — Алексей, меня зовут Алексей.

— Я бы сказала, что мне приятно, но врать не хорошо. Проходите.

— У тебя было достаточно времени для раздумий, Эмили и теперь ты должна сказать мне, что именно ты решила. Как ты поступишь? У меня всего пару часов на то, чтобы отменить собрание.

— Как я могу быть уверена, что это все не ложь? Может, Вы манипулируете мной, чтобы добиться своего. Что если на самом деле Кайлу ничего не угрожает?

— Я бы очень этого хотел. Но, увы, это не так, из-за ваших отношений, его жизнь под угрозой. Пожалуйста, Эмили, я не хочу повторять наш вчерашний разговор.

— Я тоже не горю желанием, но как я могу доверять вашим словам? Моя жизнь наполнена ложью, назовите мне хотя бы одну причину, по которой я могу Вам доверять.

— Я, — Алексей замешкался, его глаза наполнились сомнением, я прямо таки вижу, как он взвешивает все за и против. Решает, стоит мне говорить или нет. — Я отец Кайла.

— Что?

Звук открывающейся входной двери эхом пролетел по квартире. Мое сердце сжалось и похолодело. Я вернула свое внимание к Алексею, но его больше нет, он ушел.

Он отец Кайла, как такое возможно? И если это, правда, значит, на счет остального он тоже не врал. Кайла убьют, если я не откажусь от него.

Меня накрывает волна паники, что мне делать? Что сказать? Как сделать так, чтобы Кайл поверил моим словам и принял мой выбор?

Он достоин большего. Ради него и моей любви к нему я должна его отпустить, как бы больно и трудно мне не было.

— Эмс, ты проснулась?! Смотри, что я принес, — Кайл зашел в гостиную, держа в руках еду на вынос. — Твоя любимая Паэлья. — Его глаза осмотрели мое лицо, явно замечая что-то неладное. — Что-то случилось?

— Нам надо поговорить, — мой голос холодный и чужой.

— О чем?

Кайл прошел в кухню, чтобы поставить еду на стол, а затем вернулся и сел напротив меня, взяв мои руки в свои. Я набрала полные легкие воздуха и начала свой спектакль.

— Алекс расторг помолвку с Норой. На днях он признался мне в любви, и я знаю, что он думает о том, чтобы сделать мне предложение.

— И как ты думаешь выпутаться из всего этого? Ну, после того, как он подарит тебе медальон.

— Никак.

— В смысле? Я не понимаю.

— Я выйду за него замуж.

— Эмили, подожди, я ничего не понимаю. Зачем тебе выходить за него? Со дня на день он подарит тебе этот медальон, мы вернем ребят домой и все, тогда можно будет забыть про Алекса.

— Так будет лучше для всех.

— Для кого это для всех? — Заорал Кайл, вскакивая на ноги. — Для меня так не будет лучше. Ты понимаешь, какую чушь ты несешь? Ты даже не дала мне время подумать, взяла и решила все сама, кто так поступает, Эмили?

— Это правильно, мне так будет лучше. Ты вернешься домой к семье, и их не затронет все то дерьмо, что я заварила. А Алекс, не будет использованной вещью во всей этой гонке за медальонами. Я не хочу разрушать жизни тех, кто мне дорог. Моя жизнь ничего не стоит, но ваши...

— Чем? Чем это будет лучше для тебя? Провести жизнь с нелюбимым мужчиной лучше, да? Ложиться спать и просыпаться с ним каждый день, умирая от отвращения, это то, чего ты хочешь?

— Ты ничего не знаешь. Я люблю Алекса, — от моих слов Кайл вздрагивает. — Не так, как ему бы этого хотелось. Но все же. Он замечательный человек и отличный друг.

— А как же я? Ты так легко списываешь меня со счетов?

— Кайл, ты и я, мы достойны большего. Я достойна большего, чем быть с тобой, — слова, которые я собираюсь сказать, жестоки. Даже думать о них больно, не то, что произносить вслух. Но если я не скажу ему это, то он не уйдет. Если он не уйдет, то уже завтра будет мертв. — Я достойна большего, чем просто любить тебя и быть с тобой. Я достойна, иметь семью, детей, мужа, который состарится со мной и будет гулять в парке с

внуками. Я не хочу довольствоваться крохами.

— То есть я — это малость? Я ничего для тебя не значу?

— Кайл, ты лучшее, что могло со мной случиться. Я люблю тебя. И я думала, что этого будет достаточно, но я ошиблась.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь? Совсем недавно, ты рыдала, вымаливая меня остаться, а сейчас говоришь, что ошиблась? — Кайл повышает голос, и я вижу, как его вечное хладнокровие рассыпается словно прах, он закипает изнутри, словно буря. — Как это может быть правдой? Что изменилось?

— Многое изменилось, Кайл. Когда я вижу счастливые семьи, с кучей детишек, знаешь, о чем я думаю? Не знаешь. Я ловлю себя на мысли, что если я буду с тобой, этого всего у меня никогда не будет. У нас не будет детей, и мы не состаримся вместе. Через пятнадцать-двадцать лет, мы не сможем выходить в люди как пара, потому, что разница в возрасте будет разительна. Да мы даже друзей не сможем иметь, ведь ты не будешь стареть, и нет нормального объяснения этому. — Мой голос скрывается на крик, несправедливость этой жизни убивает меня, словно выстрел из пистолета. Я разбрасываю свои слова, стараясь, избавиться от боли, которую чувствую.

— Нам придется переезжать из города в город каждые пять лет, как это делали Уорнеры, чтобы не вызывать подозрения. Кайл, моя жизнь слишком коротка, чтобы проводить ее вот так.

Я только сейчас понимаю, насколько правдивы мои слова и как глубоко они сидели в моей душе, разъедая ее изнутри. Мы не можем выбирать, кого нам любить, но мы сами выбираем, как жить с этой любовью. Даже если бы у нас был шанс, даже если бы над головой Кайла не висела огромная гильотина, наши отношения по умолчанию обречены на провал.

Он в два шага преодолевает расстояние между нами. Его руки больно хватают меня за плечи, он сжимает их с такой яростью, что это приводит меня в чувства. Физическая боль, причиняемая им, отвлекает мое внимание от боли пронзившей мое сердце.

— Но ты мне говорила...

— Я думала, что моей любви будет достаточно для нас двоих, что жить здесь и сейчас — это все что мне нужно. Но этого слишком мало, что бы быть счастливыми. Мне жаль.

— Это полная ерунда. Ты нагло врешь самой себе и мне заодно. Я знаю тебя. Ты же не думаешь так.

— Ты не можешь знать меня. Я сама себя не знаю. Я за эти три месяца врала столько, сколько нормальные люди не врут за всю свою жизнь.

— То есть ты прогоняешь меня? Выкидываешь как ненужный мусор? Сама все за меня решила, распорядившись моей жизнью. Ты даже не подумала о том, чего я хочу. Ты просто ставишь меня перед фактом.

— Нет. Нет, Кайл, — столь долго сдерживаемые слезы скатываются по моим щекам, я зла на него, за то, то он поступил со мной еще хуже. Он тот, кто распорядился моей жизнью, стерев себя из моей памяти. Он, а не я. Но я не могу высказать ему это, иначе он поймет.

— Я не выкидываю тебя. Я тебя отпускаю. Мы оба знаем, что ты не хотел меня с самого начала. Я твоя работа. Ты заботишься обо мне, оберегаешь меня, но это не любовь Кайл, это обязательство и ответственность. Возможно, ты что-то чувствуешь ко мне, но ты сам к этому не готов. Я не хочу проснуться через год и понять, что живу с мужчиной, который меня не любит. Я умру от чувства вины, потому, что заставила тебя бросить все ради меня. Ты

возненавидишь меня за это.

— Нет. Нет, я не могу...

— Кайл, — прерываю я его. — Если ты чувствуешь ко мне хоть что-то. Хоть мизерную горошинку любви и уважения. Пожалуйста, прими мой выбор. Я хочу хоть раз в жизни поступить правильно, не быть эгоисткой.

— Это то, чего ты хочешь? — Он выглядит так, словно я выкачала всю жизнь из его тела. Вечно расправленные плечи Кайла, поникли. Его глаза смотрят в мои пронизывающим взглядом, который я не в силах вынести. Одинокая мужская, скупая слеза скатывается по его щеке. И я готова умереть, лишь бы не видеть этого зрелища снова.

— Да. Это то, чего я хочу.

Я вижу, как меняется его лицо. Его челюсть напряжена, руки сжаты в кулаки.

— Эмили, пообещай, что не будешь тратить свою жизнь на того, кто тебя не любит.

Мой голос пропал. Я не могу произнести ни слова, поэтому я лишь кивком даю свое обещание. Я смотрю в его умоляющие глаза, полные боли и чувства предательства, и давлюсь слезами, которые вот-вот водопадом хлынут их моих глаз. Если бы мне сейчас, предложили умереть, я бы с удовольствием согласилась. Кайл подходит ко мне и губами касается моего лба. Задерживая свой поцелуй, дольше, чем необходимо.

Первая часть моей души умерла вместе с Эстер, а вторая сейчас, в эту самую секунду, когда я разбила сердце любимому мужчине. Яркий свет озарил тело Кайла. И с громким хлопком и яркой вспышкой, любовь всей моей жизни ушла от меня навсегда. Я рухнула на пол, наконец-то позволяя всей боли, выплеснуться наружу. Я плакала до тех пор, пока мои слезы не закончились, и я не уснула, свернувшись калачиком посреди комнаты.

Глава 30

Карман моей пижамы вибрирует, я просыпаюсь и не сразу понимаю, где нахожусь. На дисплее высвечивается номер Алекса. И я понимаю, что полчаса назад, должна была забрать его из больницы.

— Бог мой, Алекс прости меня, пожалуйста.

— Эмили, ты в порядке? Ты не приехала и я начал волноваться.

— Нет, я не в порядке, — но обязательно буду, добавляю я про себя. — У меня кое-что случилось, но я скоро буду у тебя, хорошо?

— Хорошо, не спеши, я буду ждать столько, сколько понадобится.

Я кладу трубку. Мой взгляд обводит квартиру, такой пустой и тихой она мне еще никогда не казалась. Кайла здесь больше нет, он ушел. Я его отпустила. Моя боль, это все, что мне от него осталось.

Меняхватило только на пару джинс и рубашку. Волосы я убрала в хвост, подправила вчерашние остатки косметики и вылетела за дверь.

Ровно через десять минут я захожу в палату к Алексу, он одет, а его вещи собраны.

Как только наши взгляды встретились, Алекс в считанные секунды оказался около меня.

— Бог мой, милая, что случилось? На тебе лица нет.

От его встревоженного взгляда мое сердце разрывается от боли. Я освобождаю свое лицо из плена его рук и крепко обнимаю его талию своими руками, он обнимает меня в ответ. Я не думаю о том, что для каждого из нас это означает разные вещи, но сейчас мне необходима его близость. Он мой друг, мое спасение в этом сумасшедшем мире.

— Что произошло?

— Не спрашивай меня, пожалуйста... Я не могу, — шепчу я сквозь слезы. — Я расскажу все, но сейчас я просто не могу.

— Хорошо. Что я могу сделать для тебя? — Он прижимается своей щекой к моей макушке, одной рукой глядя мои волосы.

— Просто будь рядом.

— Я всегда буду рядом.

Через десять минут десять в палату зашел лечащий врач Алекса. Я нехотя отпустила Вудбери, и принялась вытирать слезы со своего лица.

— Простите, я не вовремя. Просто мне нужно, чтобы Мисс Бейли подписала кое-какие документы.

— Я?

— Да, это о выписке, все остальное Мистер Вудбери подписал сам.

— Эээ... Ладно.

* * * * *

— Вот я и дома, такое чувство, что меня на полном серьезе не было здесь около пяти лет. Странно да?

Мы вошли в особняк Вудбери. С моего прошлого визита, в его стенах ничего не изменилось. Мне сразу вспомнился Кайл и то, как мы танцевали. Я не должна думать сейчас о нем, но я не могу, словно каждый миллиметр этого города пропитан им.

— В твоём положении это нормально.

— В моём положении? Я что, жду ребенка? — Он в очередной раз пытается отвлечь меня и вызвать мою улыбку. И я улыбаюсь вымученной улыбкой. Но, кажется, даже она делает его счастливым.

— Очень смешно, ты знаешь, что я имею в виду.

— Знаю. Пообедаем?

— Я не голодна, извини.

— Выпей хотя бы кофе.

— Кофе, так кофе.

На наш голос вышла женщина в форме служанки, на вид ей около сорока пяти. Она приветливо нам улыбнулась.

— Мистер Вудбери, я рада видеть Вас в добром здравии.

— Добрый день Мария, я рад видеть знакомые лица, хоть что-то в этом доме не меняется, — его рука ложится на мою талию. — Эмили, познакомься это Мария, наша экономка. Мария, это Эмили Бейли, моя близкая подруга.

— Рада знакомству, Мисс Бейли.

— О нет, зовите меня Эмили, мне тоже очень приятно.

— Мария, приготовь для нас кофе. Думаю, столик в саду подойдет.

— Да, сэр.

Она быстренько удалилась, оставив нас наедине.

— Мне нужно умыться ты не против?

— Да, ванная прямо по коридору.

— Я помню.

— Точно, я и забыл, что ты была здесь.

* * * * *

Я и не думала, что кофе поможет, но, в самом деле, этот горячий напиток, на время

избавил меня от этого гадкого ощущения, что я налажала.

Алекс рассказывал мне о школе, родителях, и о том, каким оболтусом был в детстве. Что никак не вяжется с его теперешним образом зеленоглазого мужчины, который вечно опрятен, собран и интеллигентен.

Мое настроение улучшилось, но не на столько, чтобы прыгать до потолка от радости и смеяться во весь голос.

Алекс дает мне время, не спрашивает о том, что со мной случилось и почему я выгляжу до такой степени убито. И я благодарна ему за это. Я бы не выдержала, даже упоминание о том, что случилось утром.

Его нет.

— Кстати, Эмили, я хотел сделать тебе подарок. Ты очень помогла мне, я бы не прошел через это все один. Ты поддерживаешь меня и вселяешь надежду на лучшее, — он достает из кармана небольшой бархатный мешочек синего цвета, и кладет его на стол передо мной.

— Что это?

— Открой, — я протягиваю руку и беру мешочек, тяну за шелковые завязки, чтобы его открыть. — Я понятия не имею, насколько ценна эта штука, но она важна для меня и для моей семьи. И я знаю, что ты единственная девушка в мире, кому я могу подарить его.

Я вытряхиваю содержимое на свою ладонь. Золотой цвет заиграл на солнце, и я в ужасе уставилась на медальон в своих руках. Тот самый медальон, ради которого это все и затевалось. И вот он у меня, и все что я чувствую, это отвращение и страх. Я предала Алекса, ради этого куска металла.

— О, Алекс, это же медальон твоей мамы, я не могу принять его. Он слишком важен для твоей семьи.

— Я рассказывала тебе о нем?

— Да, мы пили кофе у меня дома и делились семейными историями. Ты рассказал мне о нем. Я не могу принять его. — Я опять вру ему, иначе как бы я объяснила, что с самого начала знала о медальоне. Уверена, что мои глаза сейчас полны испуга, я как загнанный в угол зверь. Если сейчас я возьму этот медальон, все скоро закончится.

— Что за чушь, конечно же, ты можешь. Пожалуйста, Эмили, только так я могу показать, насколько сильно я тебе благодарен.

Я лишь киваю, сжимая медальон в своей ладони. Мои глаза застилает пелена слез. Я ненавижу себя за это. Я никогда в жизни не использовала людей, и я бы никогда не подумала, что мне будет настолько сложно осознать это в полной мере. И прежде чем я успеваю передумать, я принимаю подарок. У меня будет еще целая жизнь, что бы ненавидеть себя. До тех пор пока эта штука находится в руках Алекса, он подвержен опасности. Уж лучше я, чем он. Ему и так досталось по моей вине.

— Спасибо.

— Это тебе спасибо, Эмили.

Глава 31

Я уехала от Алекса в семь вечера. Хоть его и выписали, он все еще слаб. Медальоны тяжелым грузом лежат в моем кармане. И я молю Бога, чтобы по дороге к Уорнерам, я не встретила с людьми Дарка.

Весь дом наполнен светом, машина Милана стоит у гаража. Я ни о чем не думаю, просто выхожу из машины и направляюсь в дом. Через мгновение Катарина открывает дверь.

Ее глаза распахиваются от удивления, видно я выгляжу куда хуже, чем мне казалось.

— Эмили, милая, что случилось?

Но я прохожу мимо, ни сказав, ни слова. Из гостиной доносятся голоса, поэтому я сразу иду туда. Завернув за угол, я вижу Даниэля, Мила и Михаэля, сидящих на диване, на кофейном столике между ними, стоит поднос и чашки. Комната наполнена запахом кофе.

У меня нет сил, говорить что-либо. Мил увидев меня первым, резко встает на ноги. Михаэль и Даниэль в недоумении оборачиваются на меня и встают, так же резко, как и Мил.

Я бросаю бархатный мешочек Милу, и тот ловит его на лету. Несколько секунд он не понимает, что происходит. Но как только на его ладонь падает первый медальон, а затем второй его глаза расширяются от удивления. Даниэль громко и нецензурно выражается.

— Сюрприз! — Далеким от веселия голосом говорю я и покидаю комнату.

Я не хочу домой, поэтому еду к озеру. Мой телефон разрывается от звонков, но все, что я делаю, это посылаю смс Милу, с просьбой дать мне возможность побыть одной. После этого поток звонков прекращается.

Я сажусь на землю возле моего любимого дерева, под которым сидела с Кайлом в день, когда погибла Эстер.

Я даю волю слезам, оплакиваю свое горе, свою потерю, предательство и никчемность. У меня есть четыре часа, чтобы выплеснуть все, что болит, а после этого я должна взять себя в руки. Я уже на финишной прямой, мне осталось только перешагнуть через черту. Весь этот сверхъестественный бред закончится. И я смогу жить дальше. Или хотя бы попытаться.

Я проснулась только после обеда. На моем телефоне гора пропущенных звонков и смс. Но я пока не собираюсь отвечать ни на одно из них.

Сегодня я хочу провести весь день дома в полном одиночестве, убираясь, стираясь и делая все, что угодно лишь бы не думать о Кайле.

На почтовый ящик мне пришло сообщение из редакции. В нем говорилось о том, что моя статья понравилась и с первого июня я принята в штат. Хоть что-то хорошее.

В дверь кто-то позвонил. Меня это бесит, каждый раз я подпрыгиваю, как запуганная. И у меня большой соблазн снять звонок к чертовой матери, но тогда гостям придется барабанить в дверь, а это будет бесить меня еще больше.

На пороге стоял Алексей.

— Серьезно? Снова Вы?

Я развернулась и пошла на кухню, где минуту назад я варила кофе.

— Добрый день? — Неуверенно произнес он, словно сомневался, а день ли сейчас вообще. Скорее всего, его смутила я и моя пижама с оленями.

— А добрый ли?!

— Это с какой стороны посмотреть. Я вижу тебе тоже не сладко.

— А как Вы думали? По-вашему я должна была устроить вечеринку, поскольку выперла из своей жизни парня, которого люблю? Вы пришли позлорадствовать?

— Эмили, прости, я нетактичен. Просто Кайл тоже сам не свой, но он справится. А ты? Ты справишься?

— Я не знаю. Зачем Вы пришли?

— О, прости, я пришел поблагодарить тебя. Спасибо, что приняла правильное решение, — я пропускаю его слова мимо ушей, сосредоточившись на том, как размешиваю ложкой кофе в своей чашке.

— Эмили! — Он старается привлечь мое внимание, я встречаюсь с ним взглядом и вижу

застывшие в его глазах слезы. — Спасибо, что спасла моего сына, не дала им убить его.

Вся искренность его слов и боль в его глазах смывает злость с моей души.

— Я не могла поступить иначе, уж лучше ему сделаю больно я, чем они. Эту боль он сможет пережить.

Он все еще стоит на пороге, я вижу в его глазах смятение. Алексей проводит пальцами по своей не большой бородке, а затем, махнув рукой, подходит ко мне почти вплотную.

— Эмили, я не должен тебе это рассказывать. Но думаю, что эта информация поможет тебе справиться со всем этим.

Алексей берет меня за руку и ведет к столу, усаживая нас друг напротив друга. Но я встаю сразу же, как только села.

Я подхожу к шкафчику, на автомате беру вторую чашку и наполняю ее кофе из кофейника. Поставив ее напротив Алексея, я плюхнулась на свой стул.

— Спасибо, — он отхлебнул горячий напиток и закрыл глаза, явно наслаждаясь вкусом. — Люблю Кофе, сын приучил меня к нему.

Я улыбнулась ему. По-настоящему улыбнулась, своей самой искренней улыбкой. Я не могу злиться на этого человека, он живет по своим правилам и законам, он отец мужчины, которого я люблю. И в Алексее мудрость тысячи старцев, я вся пропитана уважением к нему. Не он создал эти дурацкие правила.

— Эмили, ты наверняка слышала про вторые половинки и родственные души?!

— Конечно.

— Так вот, этот парень, Алекс. Есть причина, почему вы так быстро и легко сошлись с ним. Он твоя родственная душа. И я знаю, что он собирается сделать тебе предложение, и я хочу дать тебе отцовский совет.

— Вы мне не отец.

— Да, я знаю. Но я бы хотел, чтобы все это закончилось иначе. Я желаю своему сыну счастья. Я знаю, что ему бы хотелось провести остаток своей жизни на земле, среди людей, с тобой в качестве своей возлюбленной. Я знаю, что ты не согласишься моим словам, но... я бы отдал свою жизнь, лишь бы дать ему это.

Мы оба были поражены силой его признания, лед в моем сердце окончательно растопился.

— Я был бы горд, иметь такую замечательную, решительную и смелую дочь, как ты. Поэтому, я хочу дать тебе совет. Соглашайся. Выходи за Алекса, он не Кайл, но он сделает тебя счастливой. Если бы мой сын не вмешался в твою судьбу, ты бы давным-давно была с этим парнишкой.

Я не знаю, что ему ответить, да и нужно ли что — либо отвечать?! Все и так понятно.

Алексей допил свое кофе, обойдя меня сзади, он положил свои руки на мои плечи.

— Я желаю тебе счастья, Эмили. И Кайл тоже, поэтому проживи эту жизнь достойно, — его губы коснулись моей макушки, мой папа всегда целовал меня так, от накативших воспоминаний, мне стало безумно тепло. А потом он ушел, и я физически почувствовала его отсутствие.

Самое главное, что Кайл жив. Остальное я переживут.

Я перезвонила ребятам, Мил сообщил, что они с Михаэлем разрабатывают план, как вернуться домой. И его реализация назначена на эту субботу, поэтому мне необходимо вернуться в дом Уорнеров ради своей безопасности, Кайл меня больше не защищает.

А Алекс, попросил меня с ним поужинать. Учитывая тот факт, что я понятия не имею,

что произойдет в выходные, и смогу ли я выбраться оттуда в целости и сохранности, я согласилась.

Вудбери забрал меня в семь часов вечера. Он арендовал яхту, где нас ждал столик, закуски, отличная музыка и потрясающий вид на закат.

— Мой отец вернулся в город, — сказал Алекс небрежно, делая глоток вина.

— Насколько все плохо? — Я отложила столовые приборы, смотря на собеседника в упор.

— Катастрофически. Он ведет себя так, словно ничего не произошло, — поставив бокал на стол, он откинулся на спинку стула, встречаясь со мной взглядом. — Словно меня не выписали из больницы пару дней назад. Он думает только о делах, все, что он мне сказал при встрече: «О, ты уже дома?».

— Ну, надо же. Я думала, что вы очень дружны. Я виделась с твоим отцом всего пару раз, он всегда был приветлив, и его речь на твоём дне рождения была впечатляющая.

— В этом весь он, притворяется на людях примерным отцом, а по факту он вообще им не является.

Я накрыла руку Алекса, своей рукой. Я никогда не оказывалась в подобной ситуации и понятия не имею, что ему сказать. Но хотя бы держа его за руку, я показываю, что поддерживаю его.

— Я съезжаю из особняка, утром звонил риелтору, она подыщет мне квартиру в центре города и я намерен занять место отца в этом банковском деле.

— Что? Каким образом?

— Дело в том, что этот бизнес, и все банки принадлежали маминому отцу, моему деду. И тот завещал все мне. Единственным условием было, что мне должно быть двадцать три года. Мне двадцать три и я устал мириться с выходками отца.

— Ты уверен, что сейчас подходящее время, ты только вышел из больницы. Пять лет твоей жизни кануло в бездну и...

— Эй, ты совсем не веришь в меня? — Он улыбнулся мне своей ослепительной улыбкой.

— Верю, конечно, верю, просто это сложно. И я волнуюсь, как это все на тебе скажется.

— Не беспокойся, у меня отличный советник, который будет помогать мне в банковском деле, а в жизни я надеялся на твою поддержку, — от последних слов мое сердце замерло, я подняла на него глаза. — Эмили, я хотел все сделать иначе, по-другому, но я знаю, что это все напугает тебя. А я не хочу пугать тебя. Поэтому, я просто скажу как есть...

— Ты уже меня пугаешь...

— Прости, я не помню, что было между нами пару месяцев назад. Я не знаю, в каких отношениях мы находились, и как именно ты относилась ко мне. Но единственно в чем я уверен на все сто процентов это то, что я люблю тебя. Никто во всем мире не понимает меня так, как это делаешь ты. — Вот и все, мое сердце перестало биться, и я не знаю от чего именно, от страха или от предвкушения. Я понимаю Алекса, все, что он говорит, ведь с самой первой минуты меня тянуло к нему, и мы сошлись так быстро, словно знали друг друга вечность.

— Я хочу провести с тобой всю свою жизнь, разговаривая, дурачась... Я хочу быть твоей опорой, хочу оберегать тебя и делать счастливой. Эмили Бейли, я хочу жениться на тебе. И я просто умоляю тебя подумать об этом. Я не гоню тебя и не ставлю временных рамок, я буду

ждать твой ответ столько, сколько понадобится. Просто обещай, что подумаешь об этом.

Повисла тишина, я смотрю в его большие зеленые глаза, наполненные страхом отказа. Меня ни что не останавливает, мне двадцать два года, и у меня никого нет, кроме Уорнеров, на днях и их не станет. С родителями Эстер я так и не связалась и я уверена, что после того, как я поступила, вряд ли когда-нибудь смогу. Я отказалась от Кайла, и если он будет знать, что я замужем, он никогда не задумается о том, чтобы ворваться в мою жизнь снова. А у НИХ не будет оснований для его убийства.

— Да, — почти неслышно говорю я.

Я вижу смятение на лице Алекса, и я уверена, что мое лицо выглядит точно так же.

— Да — это означает, что ты подумаешь?

— Нет, это означает, что я согласна выйти за тебя замуж.

Я наблюдаю за реакцией Алекса, он выглядит ошарашенным, переваривая мои слова. Затем до него доходит их смысл, и широченная улыбка расплзается по его лицу. Он встает из-за стола и подходит ко мне, медленно опускается на одно колено, одновременно доставая черную коробочку из кармана.

— Эмили Бейли, согласны ли Вы стать моей женой?

— Да, я согласна.

Глава 32

Мы на месте. Нас окружает непроглядный лес, расстилающийся на километры во все стороны, в самом центре которого находимся мы.

Впереди я вижу две большие каменные глыбы, расположенные на не большом расстоянии друг от друга, образуя подобие прохода. И я бы ни за что не обратила на них особого внимание, если бы мой взгляд не упал к основанию этих камней. Почти над самой землей находится небольшое углубление, но что это такое я поняла только тогда, когда подошла ближе.

— Это углубления для медальонов, именно сюда я и должна их вставить? — Я кручу в руках свой медальон, в то время как второй все еще висит на моей шее. — Обратной стороной?

Но никто мне не отвечает, и я не понимаю почему. Обернувшись, я вижу своих друзей стоящих в том месте, где я их и оставила мгновение назад. Они меня не слышали. Никто из них не подходит ближе, но почему?!

— Эй, в чем дело?

— Мы не можем подходить ближе, — отвечает мне Катарина. — Тут какой-то барьер, именно поэтому мы попросили тебя. Пока печати не вставлены, мы не сможем подойти.

— Ааа...

Я снимаю с шеи второй медальон, и теперь они тяжелым грузом лежат на моих ладонях. Я даже не думала, что будет настолько тяжело отпустить их. Их всех. За столь короткое время, они все стали моей семьей и моим домом. Мне становится невыносимо больно, из-за того, что ссорилась с ними и тратила наше время на такие глупости, хотя могла просто наслаждаться их недолгим обществом.

Мои ноги, словно бетонные и я ели-ели их передвигаю в сторону булыжников.

Раз.

Я опускаюсь на колени и вставляю первый медальон в углубление. Раздается щелчок и медальон окутывается желтоватым светом.

Два.

Я передвигаюсь к следующему углублению и помещаю туда второй медальон, с ним происходит тоже самое. Я начинаю подниматься на ноги, ожидая, что же будет дальше, но не успеваю. Раздается приглушенный хлопок, словно кто-то иголкой проколол воздушный шарик. Меня ослепляет яркая вспышка света, и я чувствую, как лечу назад, приземляясь на задницу прямо у ног моих друзей.

— Спасибо, что предупредили меня об этом, — раздраженно говорю я, принимая руку Мила и вставая на ноги. — Я совсем не перепугалась до смерти.

— Мы не знали, — ответил мне Михаэль, и я понимаю, что он не врет.

— Ну, так чего мы ждем? — Нетерпеливо спрашивает Даниэль. — У нас мало времени ты же знаешь, долги провода лишние слезы.

Я не могу не закатить глаза. Какой же он болван, даже сейчас.

Все по очереди обнимают меня, говоря что-то на прощание, и сама не знаю почему, но я плачу.

Дольше и крепче всех меня обнимает Мил, от чего слезы бегут еще быстрее. Я так не хочу отпускать его. Но не могу быть настолько эгоистичной, чтобы даже произнести это вслух. Ему так же тяжело, как и мне.

— Нам пора идти. Они, скорее всего, видели свет и знают, что портал открыт. У них не займет много времени, чтобы добраться сюда, — взволновано произносит Михаэль лежа руку на плечо Мила, пока тот все еще сжимает меня в своих объятиях. — Эмили еще должна успеть убраться отсюда, как можно дальше.

— Да, — произносит Мил, слова приглушают мои волосы, как занавес закрывающие его лицо. — Ты прав, нам пора.

Он отпускает меня и наши взгляды встречаются. Его глаза блестят от непролитых слез.

— Иди же, — подталкиваю его я. — Со мной все будет в порядке, и я уверена, что мы еще встретимся. — Он кивает, соглашаясь с моими словами. Я вижу, как дрожат его руки, поэтому выдавливаю из себя улыбку. — Иди.

И они идут к проходу. Первым заходит Михаэль, а за ним Катарина. Я смотрю на спину Мила, его голова опущена, а плечи поникли, но все же он идет в него и через мгновение его поглощает свет. Даниэль поворачивается ко мне, на его лице играет озорная улыбка, как в тот день, в машине, когда сторела моя квартира. Он отсалютовал мне, и начал заходить в проход. Я жду света, но его нет. Меня оглушает хлопок, а яркая вспышка, куда сильнее предыдущей лишает меня зрения. Что-то большое и тяжелое сбивает меня с ног.

Я слышу поток отбористых матов, и понимаю, что на меня налетел Даниэль и именно его тело прижимает меня к земле.

Он не прошел. Портал его не пропустил. И я бы сейчас рассмеялась до слез, из-за всей комичности этой ситуации, если бы не была до чертиков напугана.

— Что происходит? — Выдавливаю из себя я, мне не хватает воздуха, я даже не думала, что Даниэль такой тяжелый.

— Мы приходим, милая, — я узнаю этот голос, и мое сердце в ужасе останавливается. Поток ругательств Дани стал еще сильнее. Я пытаюсь рассмотреть хоть что-то вокруг себя, но перед глазами лишь пляшут солнечные зайчики. — Решили прийти поздороваться, мы же культурные падшие ангелы.

Падшие ангелы? Они падшие ангелы? Я думала, что они кто угодно от демонов до самого дьявола, но только не бывшие ангелы, такого просто быть не может.

— «Не все падшие ангелы, такие как Уорнеры, Эмили», — вспомнились слова Кайла, и теперь понимаю, о чем именно он говорил.

Эти люди. Не люди, не бесы, не демоны и всякое тому подобное. Они — бывшие ангелы. Ангелы, которые пали, только вот они хотят вернуться домой не ради того, чтобы жить там, они хотят отомстить. Почему же раньше я не додумалась до этого? Почему не спросила у Мила, Кайла или Михаэля о том, кто они такие? Я идиотка.

— Как это мило с вашей стороны ребята, — его слова любезны, но вот голос выдает насколько сильно он зол. — Но обычно культурные люди, заранее договариваются о встрече.

— О, но разве это интересно?! Так куда эффектнее, ты так не считаешь, милая?

— Катись к черту! — Мой голос срывается на крик, я пытаюсь встать, но снова падаю. Зрение ко мне не возвращается, а пальцы сжимают траву, вырывая ее с корнями. Меня наполняет ярость. Они здесь, вооруженные, а Даниэль один и безоружный. А я никак не могу ему помочь. Я ничего не вижу.

— Девчонку не трогать, она нам нужна, чтобы открыть проход, — скомандовал Дарк. — Ели ты ее упустишь, я убью тебя.

Глава 33

Чьи-то сильные руки рывком ставят меня на ноги. Острая боль пронзает все мое тело, я не могу сдержать душераздирающий крик, кто-то заломил мне руку. Я не то, что не могу пошевелиться, я не могу нормально дышать, каждый вздох причиняет мне адскую боль. Чертовы ублюдки.

— Не дергайся, куколка, а то я сломаю тебе руку. Тебе хватит и одной, чтобы открыть проход.

— Я скорее умру, чем помогу вам.

— Куда ты денешься, или это или твой дружок умрет, тебе выбирать.

— Вы все равно нас убьете, — и это чистая правда. — Так что можете делать, что вашей душе угодно, я даже пальцем не пошевелю, чтобы вам помочь, ни ради Даниэля, ни ради кого — то еще.

— Ты совсем им не дорожишь, да? — Кажется, этот разговор лишь забавляет Дарка. — А если бы здесь был твой дружок ангел? Или тот парень из больницы, Алекс кажется, а? Чтобы ты сказала тогда?

Мои ноги подкашиваются, от чего мою руку пронзает невыносимая боль. Но подонок, который ее держит, не отпускает меня. Я плачу, слезы бегут по моим щекам, и я не могу их остановить. Мне даже больно подумать, что они могут причинить боль кому — то из них, что они хоть пальцем дотронутся до Алекса или Кайла. Но цена слишком высока, чтобы ставить их жизни на первое место.

— Отвечай мне!

— Нет! — Кричу я. — Нет! Даже тогда! Ты можешь вырезать и сжечь весь город, я ни за что на свете не помогу тебе, чертов подонок. Так что, ты можешь убить меня прямо сейчас, чтобы не терять время даром.

— Нет, это слишком просто, для начала мы немного поиграем.

И тут я начинаю слышать звуки борьбы. Я не знаю, против скольких «падших» сражается Даниэль, но могу предположить, что их не меньше десятка. И я молю Бога, чтобы их не оказалось еще больше.

Мое зрение проясняется, я вижу пару тел лежащий недалеко от того места, где Даниэль

дерется в рукопашную с тремя падшими ангелами. Их семеро. Меньше чем я думала и больше, чем по силам одному Даниэлю. Его бровь рассечена, серая футболка порвана и запачкана кровью и грязью. Но он твердо стоит на ногах, отбивая каждый удар, нанося собственные. Недалеко от него валяется кинжал, точно такой же каким был ранен Кайл. Именно им, скорее всего Даниэль и убил тех двоих, но сейчас он не может до него добраться.

Дарк стоит в стороне, наслаждаясь зрелищем битвы. Тела убитых падших ангелов превращаются в прах, рассыпаясь по траве. Я понятия, не имею нормальное ли это явление, а если нет, то почему это происходит. Но я чувствую, как стоящий за мной «падший» замирает, ослабляя свою хватку.

Всего на секунду, но этой секунды мне хватает, чтобы собрать всю оставшуюся силу и рвануться из его рук. От его хватки меня спасает барьер, возле которого мы стояли. Падший скорее всего даже не знал о нем, потому, что на полной скорости, несясь за мной, он врывается в него и с громким ударом отлетает назад на пару метров. Из-за чего образуется волна, которая сбивает с ног и отбрасывает в стороны всех падших ангелов, включая Даниэля.

Путь к кинжалу свободен и это отличная возможность вернуть его младшему Уорнеру, что я и делаю. Я со всех ног бегу к кинжалу. Моя рука болит, но сейчас не время думать о ней. Я хватаю кинжал и бросаю его к ногам Дани, тот недолго думая, и при этом, не давая противникам, опомниться, одного за другим пронзает их кинжалом.

Падшие умирают на месте.

Я возвращаюсь обратно за барьер.

Мой взгляд прикован к месту битвы, на котором шатко стоит Даниэль, а в метре от него пытается очухаться и встать Дарк.

Я вижу, как Дани ударяет ногой Дарка, и тот падает на спину.

— Вставай! — Крик Даниэля, как гром проносится по лесу, заставляя меня вздрогнуть и выйти из транса.

Дарк сплевывает кровь, но все же встает на ноги. Даниэль несется к нему, я наблюдаю за тем, как он погружает кинжал в сердце противника.

— Я все равно победил, — на лице у Дарка расплывается победоносная улыбка. Я не могу понять, что происходит, и чему радуется падший? — Я умру, но ты умрешь вместе со мной.

Я не понимаю, о чем он говорит, пока не обращаю внимания на его руки. Его правая рука лежит на талии младшего Уорнера, а левая сжимает рукоять кинжала, погружая его в живот Дани.

Мои глаза распахнуты.

Время словно остановилось.

Мир словно остановился.

Я не дышу, мое сердце бьется так, что кроме него я ничего не слышу.

Даниэль и Дарк падают.

Дарк мертв.

Мои ноги несут меня к Дани. К тому нахальному парню, лишаящему меня равновесия. К тому, кто бесил меня даже тогда, когда сидел молча и ничего не делал. Само его присутствие выводило меня на эмоции. Но он заставлял меня чувствовать себя живой. Я вымещала на нем всю свою боль, злость, ненависть и он позволял мне это. Как губка,

впитывая все эти эмоции, избавляя меня от них.

Я падаю на колени перед ним. Так же, как перед Заком, тогда на стоянке. И я уже заранее знаю, что так же его потеряю. Его один человек, на моем личном кладбище.

— Бемби, ты бы себя видела, что с твоим лицом? Ты выглядишь так, словно кто-то умирает... — Он пытается улыбнуться, но ему больно.

— Даниэль, не говори так. Что мне делать? Как помочь тебе? Мы должны вернуться домой, мы должны что-то сделать.

— Мы не успеем. Это конец, — он сжимает мою руку. Его вечно горячие руки сейчас холодные как лед, что еще больше пугает меня, и я опять плачу. Откуда у меня столько слез? Когда они закончатся?

— Мы не должны сдаваться. Мы не можем позволить ему победить.

— Эмили, мы не позволим ему победить. Принеси мне медальоны.

— Что? Зачем?

— Просто принеси их.

Я делаю то, о чем он меня просит, вернувшись к нему, я вижу в его руках окровавленный кинжал, который он вытащил из себя. И меня начинает тошнить, но я не должна сейчас думать об этом. Только не сейчас.

Я кладу их на землю рядом с Дани, и он со всей силы ударят кинжалом сначала один медальон, затем второй, они оба превращаются в пыль и ветер разносит ее по траве.

— Как?

— Не знаю. Я не знал, что это сработает, но стоило попробовать. Никто из них не должен добраться до медальонов, никогда. Эмили?

— Да.

— Спасибо тебе, если бы ты не вырвалась. Если бы ни эта волна, я бы умер напрасно. Умер, так и не остановив их.

— Нет, — слезы обжигают мое лицо, и образ Даниэля скрывает пелена перед глазами. — Если бы ни я, Мил бы не задержался, прощаясь со мной, ты бы успел зайти. Ты бы успел. Это я все испортила.

— Нет, если бы я ушел, тогда от их рук умерла бы ты. Уж лучше я, чем ты, Бэмби.

— Нет, не говори так. Я не стою чьей-либо жизни.

— Ты стоишь многих жизней. Я прожил достаточно, а ты только в начале пути. Проживи ее достойно, ладно?

Я не могу ответить, поэтому лишь киваю и еще крепче сжимаю его руку. Его тело обмякло, зрачки сузились. И через секунду, все, что было у меня в руках, это горстка черной пыли, просыпающаяся сквозь пальцы. Даниэль умер.

Я не знаю, сколько времени я прорыдала, свернувшись калачиком на зеленой траве. Моя голова настолько тяжелая, что я едва могу разумно думать.

Собрав все кинжалы, я зарыла их у подножия левого камня. Я надеюсь, что они никогда в жизни мне не понадобятся. Солнце уже садится и я понимаю, что мне пора возвращаться домой.

Глава 34

Прошло два дня после того случая на поляне. Все это время я провела в постели в объятиях Алекса. Для всех, два дня назад, Уорнеры и Сингеры разбились на машине. Даниэль заранее об этом позаботился. Он лишь сказал, что другие помогут сгладить все

произошедшее.

Вчера вечером со мной связался адвокат Уорнеров, Николь Рейш и попросил о встрече. И вот я, сижу в своей гостиной, Алекс на кухне, готовит кофе. Я не ела целую вечность, но чтобы успокоить его я согласилась выпить кофе с нашими любимыми круассанами.

Дверной звонок заставил мое сердце подскочить, не смотря на то, что я его ждала.

Алекс зашел в комнату, а вслед за ним и мужчина пятьдесят лет, одетый в строгий, официальный костюм. Я смутно вспоминаю его лицо. Однажды я видела его в доме Уорнеров. Его лицо полно скорби, и мне хочется думать, что она не поддельная.

— Мисс Бейли, — я встаю и пожимаю его протянутую руку. Мой взгляд падает на его запястье, он падший ангел. — Примите мои соболезнования. Я был другом семьи и мне жаль, что мы знакомимся при таких ужасных обстоятельствах.

— Мне тоже, очень жаль.

Алекс жестом приглашает нас присесть, а сам скрывается на кухне, скорее всего он пошел за кофе. Он всегда гостеприимен и любезен. Эта черта в нем, вызывает во мне гордость.

Мне не хватает чудо штучек Кайла, которые помогли мне пройти через смерть родителей и Эстер. Меня настолько шокировало то, что я увидела в том лесу, что я не могу от этого отойти. А смерть Даниэля, всколыхнула мои воспоминания обо всех, кого я потеряла. Но я сильная и пройду через это, а Алекс мне в этом поможет.

Он возвращается в комнату, и ставит на стол поднос: с тремя чашками кофе, сахаром и молоком. А затем сам садится возле меня и берет за руку.

— Семья Уорнеров погибла при ужасных обстоятельствах. Все четверо скончались на месте. Их тела настолько обожжены, что хоронить их будут в закрытых гробах. Я обо всем позаботился. Похороны состоятся завтра в двенадцать часов дня, за вами приедет машина, я распорядился.

— Спасибо.

— За месяц до этого, Милан составил завещание, поэтому я здесь. Все имущество, которым владели братья, а так же земли, счета, недвижимость, все это переходит в ваши руки. Я знаю, что в этом всем будет сложно разобраться, но я всячески буду помогать вам, Эмили.

Я жестом останавливаю его.

— Нет, простите, мне ничего этого не нужно.

— Я знал, что Вы так скажите, Мил предупредил меня. Поэтому он оставил вам это. — Николь протянул мне плотный белый конверт, на котором красивым почерком было написано мое имя.

Я сомневалась, брать его или нет, но все же мои пальцы цепко вцепились в бумагу. Я поднялась на ноги и направилась на кухню. Если я и должна прочесть это, то наедине.

Моя милая девочка!

Я знаю, что ты сейчас зла или в недоумении, но ты должна понять, почему я так поступаю.

Ты стала моей семьей, сестрой, которой у меня никогда не было, и моя любовь к тебе настолько сильная, что сам факт того, что в наших жилах течет разная кровь, кажется ничтожным.

Ты сделала для меня невозможное. Твоя жизнь уникальна и бесценна, но ты не

побоялась поставить ее на карту, ради помощи мало знакомым людям. У тебя огромное сердце и чистая душа. И я хочу, чтобы ты делилась этой чистотой и добротой со всеми кому будет нужна твоя помощь.

У меня не осталось никого, кому я мог бы оставить все то, за что боролся годами. Все то, что у меня есть, я заработал собственными силами, и я хочу, чтобы это все принадлежала тебе. Ты единственная, кто может с умом этим распорядится.

Я уже скучаю по тебе...

Милан Уорнер.

Я вернулась в комнату, свернув и убрав письмо в конверт.

— Хорошо.

— Хорошо? — Николь облегченно выдохнул, разлаживая передо мной бумаги. — Слава Богу, пожалуйста, подпишите здесь.

Он протянул мне ручку, указывая места, где я должна поставить подпись.

— Алекс?

— Да, любимая.

— Мне нужна твоя помощь.

— Разумеется, о чем речь?

— Найди, пожалуйста, мне самого лучшего архитектора в нашем городе, мне нужно, чтобы он спроектировал и построил галерею. У Даниэля потрясающие картины, и я думаю это не справедливо, что они пылятся в его студии. Думаю, ему бы это понравилось.

Я посмотрела на Николая, ожидая подтверждения своих слов.

— Он был бы в восторге, Мисс Бейли. Он был бы в восторге.

— Алекс, принеси мне, пожалуйста, апельсинового сока, — я посмотрела в глаза Алексу, давая понять, что мне нужно поговорить с адвокатом наедине. Он сразу понял меня и удалился на кухню. Не теряя времени, я шепотом выдала: — Даниэль... Он не вернулся домой. Они все вернулись, но не Даниэль. Он погиб, защищая проход.

Я вижу, как задрожали руки адвоката, одну из них он прижал к своему рту обрамленному морщинками. Его глаза заблестели от слез.

— Бедный мальчик, он этого не заслуживал. Но он поступил как герой. И Вы, Эмили, Вы так много для нас сделали, спасибо.

— Простите, но почему вы не пошли с ними? Не вернулись домой?

— О дитя, я не уверен, что достоин этого. Но они, они достойны.

Глава 35

— Мисс Эмили, посыльный только что принес Ваше платье, — Амелия занесла коробку в мою комнату и оставила ее на кровати. Я была уже почти готова к выезду в церковь. Осталось только пара штрихов.

— Спасибо, Амелия, я позову тебя, когда мне понадобится помощь.

Дверь за помощницей захлопнулась. Я стою у зеркала, разглядывая себя в полный рост.

Сегодня восемнадцатое августа, день моей свадьбы. Но мои глаза потухли, в них нет, ни радости, ни блеска. Я привыкла к своему образу. Пол не только изменил прическу и цвет волос, он изменил мою жизнь, одним взмахом своей кисточки. Эмили Бейли больше нет. Через два часа будет Эмили Вудбери. И я надеюсь, что у этой девушки все выйдет куда лучше, чем вышло у меня.

Это мой шанс начать все чистого листа.

И возможно я выхожу замуж не по большой любви, а веду себя, как крыса, бегущая с тонущего корабля. Но у меня нет иного выхода. Если я останусь одна, то, скорее всего, сдамся. И от меня окончательно ничего не останется.

Я подошла к кровати и открыла коробку с платьем. Идеально белое. Как я и хотела.

Мы отказались от пышной церемонии и решили провести тихую, скромную семейную свадьбу. Пышное торжество ни к чему. Слишком мало мое счастье, чтобы делить его с каждым.

Я достала платье и из него выпал небесно-голубой листок, сложенный в четыре раза. Мое сердце замерло. Я еще не взяла его, но уже знала, кто отправитель. Кайл.

Эмили.

Я не хотел писать тебе письмо, но сам факт того, что мы так и не попрощались, разъедает меня изнутри. Я уважаю твой выбор. И как бы мне не хотелось ворваться в твою жизнь вихрем и увезти далеко-далеко, я этого не сделаю. Ради тебя и того будущего, которое ты заслуживаешь.

Прости мне мой эгоизм, прости, за веру в то, что нашей любви будет достаточно для счастья. Я только сейчас, со свежей головой понял, насколько сильно ты была права. И будь я хоть капельку рассудительней, наша последняя встреча закончилась бы по-другому.

Эмили, мне ужасно тебя не хватает. Единственное, что я вижу перед глазами, засыпая и просыпаясь — это твое лицо и белокурые локоны. Слишком сложно выбросить шесть лет своей жизни из памяти, но со временем будет легче.

Расстояние от меня до тебя не делает мою тоску меньше. Она все накатывает и накатывает, разрывая мое сердце на миллион кусочков. Но если это цена моей любви к тебе, то я готов ее заплатить.

Мой путь на землю закрыт, так, что ты можешь жить спокойно, со своим мужем, не опасаясь встретить «призрак из прошлого». Я тебя не потревожу.

Когда меня спрашивают о моей жизни среди людей, я рассказываю о тебе. Так, что имей в виду, ты здесь становишься популярной личностью.

Милан и Хлоя вместе. Я не знаю, как это ей удалось. Но она выполнила обещание данное своему мужу. Мил просил передать, что очень по тебе скучает.

«Любить и быть любимым — это драгоценнейший подарок судьбы. Но, похоже, ты этого не понимаешь, хотя любовь прямо перед твоими глазами» .

© Николас Спаркс.

Я люблю тебя, Эмили Бейли.

Всем своим сердцем.

Помни об этом.

P . S . Твой Кайл.

Эпилог

Сегодня день моего рождения. В доме полно гостей. Мой сын, Эйден устроил ежегодную вечеринку «сюрприз», так что мне в очередной раз приходится разыгрывать удивление.

Я сижу на лавочке, которую установили под тем самым деревом, где Даниэль устраивал

пикник, а днями позже я сидела под ним с Кайлом.

Мой муж выкупил озеро и построил на его берегу прекрасный дом. Это был подарок на годовщину нашей свадьбы.

— Мама, я знала, что найду тебя здесь, — услышала я голос своей дочери. Она принесла плед и накинула его мне на плечи. — Похолодало. Прячешься от гостей?

— О, нет, милая, нет. Я просто хотела посмотреть, как твой отец катает детей на лодке.

— Я звонила адвокату, — спустя минуту сказала Эдисон. — Решилась подать на развод, так сказать набралась смелости. Я думала, что брак можно спасти, но он не любит меня.

— Эдисон, милая, не стоит тратить свою жизнь на человека, который тебя не любит. Ты достойна большего, чем довольствоваться малым. Тебе всего двадцать семь. Твоя жизнь только начинается. А этот брак, будет тебе уроком.

— Думаю, ты права. Теперь я буду куда осмотрительнее. Но как понять, что это именно тот самый человек? Как ты узнала, что будешь счастлива с папой? Вы ведь счастливы?

Моя дочь повернулась ко мне лицом, но мой взгляд был прикован к мужу, Алексу Вудбери. Он словно почувствовал его на себе и посмотрел в мою сторону. Увидев меня, он заулыбался и помахал рукой, я помахала в ответ.

— Конечно. Мы очень счастливы.

Это все, что я сказала Эдисон. Как объяснить дочери, что ее мать была безумно влюблена в мужчину, который являлся ее ангелом — хранителем. И что мне пришлось отказаться от него, чтобы спасти. Как сказать, что я вышла замуж за того, к кому питала только дружеские чувства, и любовь к мужу пришла только с годами?

Любовь следует измерять не так, как измеряют ее молодые — по силе страсти, надо измерять по ее верности и прочности. Наша любовь с Алексом не похожа на ту любовь, что была у меня с Кайлом. Она тихая, нежная и спокойная как водяная гладь озера, но при этом она остается искренней и глубокой. Она как легкий морской бриз. В то время как любовь к Кайлу, была похожа на торнадо, которое сносило все на своем пути, затягивая меня в свой вихрь.

— Миссис Вудбери, это оставили для Вас, — Ко мне подошел сын моей экономки, протягивая мне что-то завернутое в ярко-алую обертку и голубой конверт.

— Кто оставил, Джексон?

— Вон тот молодой человек, — парнишка указал на тропинку, ведущую в лес

Мы с дочерью обернулись. И мне сложно сказать, чье удивление было сильнее. Я поднялась и на дрожащих ногах обошла лавочку, становясь лицом к новому гостю.

Это Кайл. Он стоит в ста метрах от меня. Все такой же, ни на секунду не постаревший. В том самом темно-синем костюме с вечеринки «Масок».

Его темно-медовые глаза наполнены нежностью и любовью. Он улыбнулся мне, и мое сердце начало отбивать ритм об грудную клетку.

Мы стояли и смотрели друг на друга, не отрывая глаз, целую минуту, затем он кивнул на конверт, отсалютовал и начал исчезать в тени деревьев. Я стояла и утирала слезы, глядя в его удаляющуюся спину. Тридцать пять лет прошло, а он по-прежнему сводит сума мое бедное сердце. Даже спустя столько времени оно помнит и любит его.

— Мама, кто это был?

— Ох, даже если бы я тебе рассказала это, ты бы мне все равно не поверила.

Я вернулась на лавочку и развернула конверт. Одинокий листок, небесного цвета лежал в нем. В глаза бросился текст, написанный до боли знакомым почерком:

«Всякая любовь продолжается столько, сколько заслуживает».

С днем рождения, Эмс.

Я все еще тебя....

P.S. Твой Кайл.

Дрожащими руками, я взяла сверток и разорвала обертку, внутри был блокнот, старенький и потрепанный. На первой странице моим почерком было написано:

«Я так боюсь, что однажды забуду, сколько хороших книг успела прочесть.

Каждая из них внесла свой кирпичик в фундамент моей личности.

Он поможет мне помнить».

Легкий ветер начал перелистывать потрепанные временем страницы, мой взгляд цеплялся за отдельные строчки, которые я то и дело узнавала. Именно эти цитаты и присылал мне Кайл, и если моя память меня не подводит, они идут прямо по порядку.

Записи прерываются на предпоследней странице, где почерк был более или менее взрослым. Именно эту цитату и прислал мне сегодня Кайл.

В самом конце блокнота вложена фотография. На ней запечатлены мы с Кайлом.

Мы сидим на пледе под деревом, моя спина прижата к груди Кайла, его мускулистые, загорелые руки обнимают меня за талию. Я улыбаюсь, моя голова повернута в сторону озера, в то время как Кайл смотрит прямо в объектив фотоаппарата. Его радостная улыбка совершенно не коснулась темно-медовые глаз, полных печали. Слева от нас к стволу прислонена гитара, та самая, которая была в квартире Кайла, а у моих ног лежит этот блокнот с цитатами.

Я перевернула фотографию. В правом верхнем углу, красивым почерком моего ангела написано:

За день до того, как моя жизнь разлетелась вдребезги.

Я вспомнила этот день, я все вспомнила....

Конец .

Три года назад

Летний ветер окутывает словно теплый, нежный кокон, а солнечные лучи пробираясь сквозь листву, устроили россыпь стразов на теплом пледе расстеленном поверх ярко зеленой травы.

Я сижу, прислонившись спиной к широкому, шершавому стволу старого дуба. В моих руках блокнот Эмили, в который она на протяжении многих лет записывала цитаты из прочитанных книг. Сама же Эмили лежит рядом, уютно устроив свою белокурую голову на моих коленях, ее пухлые губы расплылись в не широкой улыбке, пока голубые глаза скользили по водной глади озера находящегося неподалеку от нас.

— Прочти еще одно, — негромко произнесла она, потягиваясь, как кошка.

— Еще одно? Может что-то определенное?

— Не знаю, выбери сам...

— Тебе легко говорить, ты запросто расшифровываешь эти иероглифы, мне же пока это

удаётся с трудом, — я подшучиваю над ней. У нее мелкий и немного детский почерк и многие буквы схожи между собой, такие например как «к», «н» и «п», из-за этого я не сразу могу понять написанное.

— Эй, — Эмили шлепнула меня по ноге и рассмеялась звонким, как перезвон колокольчиков смехом. — Это удар ниже пояса, Кайл. Не настолько он и ужасен.

Я перелистывал страницу за страницей, в поисках какой-нибудь цитаты. Но на глаза ничего не попадалось и лишь когда, я пролистал уже больше половины блокнота, я наконец-то нашел, что искал. От чего мое сердце сжалось от боли.

— Я знаю, что могу вытерпеть свою боль, но не уверен, что смогу пережить, если больно будет тебе. Джоди Пиколт — Обещание.

— Красивая цитата. Да и сама книга потрясающая, она о том, — я перестал ее слушать, мои глаза впитывали каждую букву этого предложения, все сильнее прожигая мою душу. Словно кто-то взял, забрался в мою жизнь, мои мысли и записал их на этой странице.

Я смотрю на Эмили, на девушку, в которую влюблен, на ту, которая влюблена в меня. Она улыбается, рассказывая мне про эту книгу, а внутри меня закипает злость вперемешку с отчаянием. Эмили не осознает, что наш мир рушится. Я надеюсь, она никогда не узнает, что я натворил, иначе мне не хватит всей жизни, чтобы вымолить ее прощение.

Перед моими глазами стоит вчерашний вечер, разъяренное лицо моего отца и то, как сильно я сжимал свои пальцы в кулак, чтобы не сорваться.

— *Кайл, ты должен понять, что дальше не может так продолжаться. Если ты влюбишься в эту девочку, ни чем хорошим это не закончится. С тобой поступят точно так же, как поступили с Миланом и его семьей. Ты этого хочешь?*

Я молчу, уставившись в пол, мысленно считая от одного до десяти, мне нужно успокоиться, эмоции усугубят положение еще сильнее. Мне хочется кричать, кинуть в него признание в том, что я уже влюблен в нее. Но я не могу, каждое мое слово и действие отразится на Эмили.

— *Глупый мальчишка, что ты творишь? — Я чувствую, что мой отец в бешенстве, хотя его голос спокоен. — Кайл, я с кем разговариваю? Посмотри на меня!*

Я отрываю взгляд от пола и смотрю в его ошарашенные глаза, но продолжаю молчать.

— *Они дают тебе право выбора, на мой взгляд, это очень великодушно с их стороны. — Он ждет, что я отвечу ему хоть что-то, но я продолжаю молчать, бросая ему вызов, потому что знаю, в любом случае я останусь в проигрыше. Любой мой выбор разлучит меня и Эмили. Иного исхода нет, они не позволят. — Ты можешь добровольно вернуться домой, поклясться в том, что не предпримешь никаких попыток связаться или встретиться с этой девочкой, — продолжил мой отец, когда понял, что я намеренно его игнорирую. — Или ты можешь остаться рядом с ней, в качестве ее ангела-хранителя, — в моем сердце появляется крохотный лучик надежды, хотя я знаю, что это только часть сделки, есть обратная сторона монеты, всегда есть «но».*

— *Но, — говорю я, подталкивая отца продолжить предложение.*

— *Ты прав. Но в этом случае, все ее воспоминания связанные с тобой будут стерты, все будет так, словно тебя, никогда не было в ее жизни.*

— Кайл, милый, — пелена воспоминаний рассеялась, и я увидел перед собой лицо

Эмили, ее голубые, словно летнее небо глаза были полны тревоги. — Все в порядке?

— Да, — я притянул Эмс к себе, и она устроилась в моих объятиях. Я поцеловал ее белокурую макушку, еще крепче прижимая к себе.

— Точно, все в порядке?

— Точно, — за исключением того, что завтра мы возможно встретимся на улице, но она не узнает меня. Эмили никогда не посмотрит на меня глазами полными любви и нежности, по пятницам мы больше не будем приезжать к озеру под этот старый дуб, а в субботу она не будет готовить нам на ужин Паэлью. Все наши привычки и традиции исчезнут, канут в лето. Она забудет все. Но я буду помнить за нас двоих.

— Эмили?

— Да?

— Я люблю тебя.

— Знаю, я тоже тебя люблю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Плейлист:

Natalie Imbruglia — Kiss Me

The Bloody Beetroots & Greta SvaboBec — Chronicles Of A Fallen Love

Calvin Harris — Feel So Close

Зима Всегда — Ты стал жестоким, Кай

SkylarGrey — DanceWithoutYou

DamienRice — Delicate

Demien Rice — The blower's daughter

DemienRice — 9 Crimes

SkylarGrey — Words

Coldplay — Paradise

TheFray — Heartless

The Fray — Be Still

Phillip Phillips — Gone GoneGone

James Arthur — Impossible

Darin — Only You Can Save Me

Спасибо за потраченное время.

Nikole Reish

Заметки

[

←1

]

• **Дежавю** (фр. déjàvu — «уже виденное») — психическое состояние, при котором

человек ощущает, что он когда-то уже был в подобной ситуации, однако это чувство не связывается с конкретным моментом прошлого, а относится к прошлому в общем.